

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

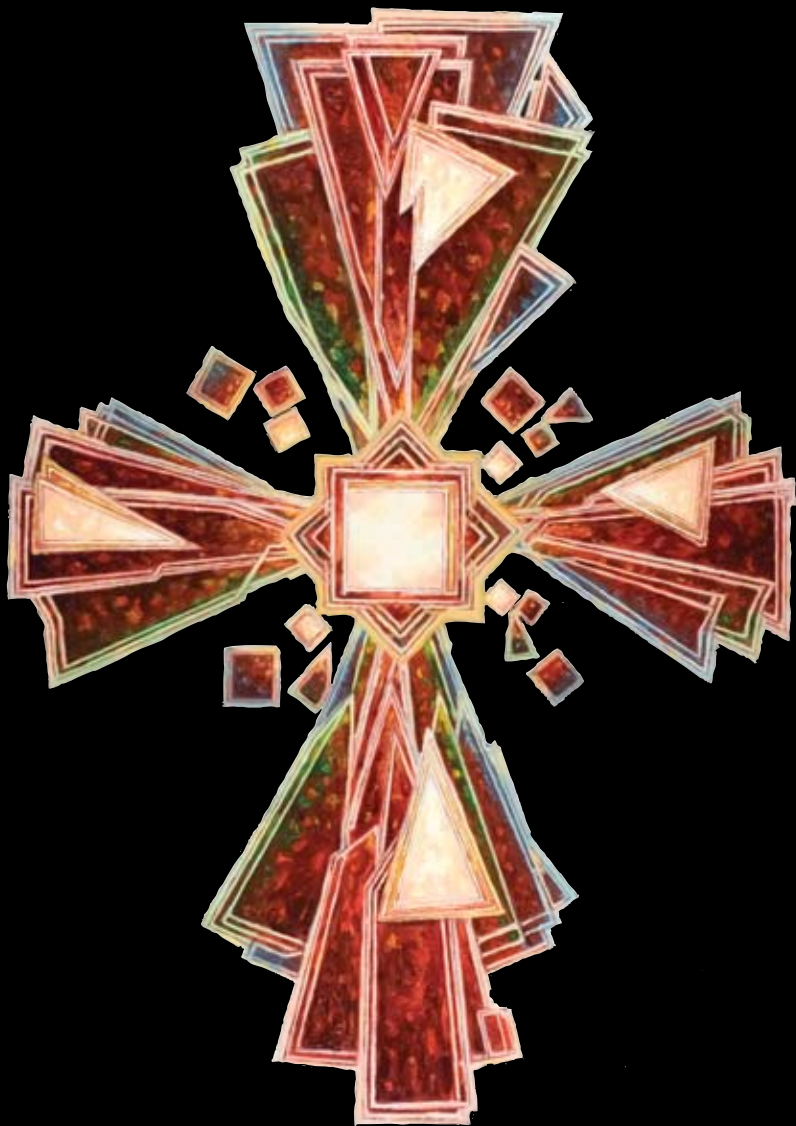
СМЕНА

№2 ФЕВРАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2013

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Забывтый царь**4

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Честная жизнь** 22

Забывтые страницы

Василий Шукшин **Беспалый**.....30

Неизвестное об известном

Виктор Ом **Осуществлю заветную мечту**..... 39

Житейская история

Сергей Петров **За глаза**58

Открытие «Смены»

Лина Наумова **Сергей Дождь. Расширение пространства абстракции**66

Шедевры

Ирина Опимах **Святой Лука, рисующий Богоматерь** 74

Конкурс одного стихотворения **82**

Неизвестное об известном

Денис Логинов **Шарм Бельмондо**84

Минувшее

Майя Орлова **Воронежская ласточка**98

Рассказ

Генри Китинг **А вы верите в привидения?**110

Это интересно

Светлана Рахманова **Тоске все возрасты покорны**120

Новое имя

Валерий Акимов **Нация 12. Интроспектива**128

Детектив

Анна и Сергей Литвиновы **Несвятое семейство**.....136

Кроссворд. Эрудит

188

Главный редактор, Генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Сергей Дождь, «Пси-символизм. Когда чувство разворачивается в знак...»
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, e-mail: sales@smena-online.ru

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена»».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуевая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 14 000 экз.

Зак. №93

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.01.2013

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Дорогие наши читатели!

Мы были приятно удивлены количеством отзывов и новогодних поздравлений, пришедших на адрес редакции. Спасибо вам огромное за положительную оценку нашей работы, а мы, в свою очередь, постараемся сделать все, чтобы и в этом году дарить вам не менее интересные и познавательные материалы! Всех поздравляем с наступившим Новым годом, пусть в каждом доме царят мир и благополучие, пусть удача не оставит вас в течение всего года!

Вот некоторые выдержки из писем:

«Дорогая редакция!

Мы — постоянные читатели «Смены», которую выписывали еще наши родители. Журнал всегда доставляет настоящее удовольствие. Он очень содержательный и интересный, порой даже неожиданный. Особенно любим читать материалы Виктора Ома, очень понравились очерки о русской певице Леоновой и французском фотографe Надаре. У этого автора всегда появляется что-то новое и интересное. Так же интересно пишет и Светлана Бестужева-Лада. Сколько историй, и какие! Хорошо, что в журнале много материалов и о художниках. Спасибо вам за все. Очень хочется поздравить с Новым годом всех, кто творит этот замечательный журнал!

Семья Сажневых»

«Дорогая редакция!

Хочу от всего сердца поблагодарить вас за счастливые часы при чтении вашего журнала. Спасибо за глубокие, достоверные материалы, можно сказать, за серию ЖЗЛ! У вас много поклонников, я это хорошо знаю, потому что работаю в библиотеке...

Конченко Нина Александровна,
г. Железноводск»

«Уважаемая редакция!

Я с удовольствием читаю каждый номер «Смены», узнаю много нового и интересного об истории нашей страны, о людях, вошедших в историю, но с самым огромным удовольствием читаю опубликованные в журнале стихи. Они разные — есть со смыслом, есть с очень глубоким смыслом, есть просто приятные, но в любом случае, это настоящая поэзия. Большое вам спасибо за ваш труд!

Кондаков Иван, Чувашия»

В №1–2013 произошла по вине редакции ошибка: автором рассказа «С бесплатным вас Новым годом!» является Алексей Курганов.

Приносим ему свои искренние извинения.

Забывтый царь... Не недругами был забыт, а самими Романовыми, вспоминаявшими его редко и крайне неохотно. А для большинства далеких от истории людей царь Федор Алексеевич — фигура абсолютно неизвестная. Ведь если следовать некоторым историческим сведениям, престол после отца унаследовали двое — младший сын от первой жены Иван и старший сын от второй жены — Петр. А поскольку оба еще как бы не вошли в нужный возраст, то над ними посадили царевну Софью — регентшу-правительницу...

ЗАБЫТЫЙ

ЦАРЬ

Светлана
Бестужева-Лада

Вечером 29 января 1676 года отошел в мир иной царь Алексей Михайлович, прозванный Тишайшим, муж двух жен и отец четырнадцати детей. К моменту смерти государя в живых оставались два его сына от брака с Марией Милославской — Федор и Иван и сын от второго брака с Натальей Нарышкиной Петр. Первому шел пятнадцатый год, второму — одиннадцатый, третьему едва исполнилось четыре года.

Тело отца еще не успело остыть, как Федора Алексеевича с великим почтением обрядили в царские одежды, усадили в шапке Мономаха на парадный трон и дали в руки державу и скипетр. Скорее, скорее, скорее... Только бы избежать смуты из-за столкновения двух могущественных боярских кланов — Милославских и Нарышкиных, побыстрее присягнуть новому законному царю и вздохнуть с облегчением: настало на Руси новое царствование.

Что же заставляло бояр и духовенство так торопиться: наследник-то был всенародно объявлен Церкви, двору и народу в качестве преемника отцовского самодержавия за несколько лет до этого вечера? На всякий случай при этом были еще розданы богатые пожалования дворянству, а по городам и весям разослана «объявительная царская грамота». Что мешало Федору Алексеевичу так же мирно и в благолепии принять бразды правления после скончавшегося батюшки, как это было после

смерти его деда — благоверного государя Михаила Алексеевича, который, кстати, тоже в достаточно юном возрасте вззошел на престол?

Слухи. Слухи, которые заполонили Первопрестольную чуть ли не мгновенно: первый министр, боярин Артамон Сергеевич Матвеев, родственник овдовевшей царицы Натальи Кирилловны, вознамерился посадить на престол ее сына — малолетнего царевича Петра Алексеевича. Ибо мальчишка был на диво здоров, в отличие от своих сводных братьев, неспособных, по мнению Матвеева, править государством. А вот Петр Алексеевич — при помощи и поддержке, разумеется, самого Матвеева и его близких — это как раз то, что нужно России. Хватит уже державе болезных государей!

Вроде бы все верно. Здоровье у Федора Алексеевича было далеко не богатырское. Часто опухали ноги, мучило сильное сердцебиение... Впрочем, если учесть, что у царевича с двенадцатилетнего возраста был серьезно поврежден грудной отдел позвоночника, особо удивляться тут нечему.

«...будучи на тринадцатом году, однажды собирался в пригороды прогуливаться со своими тетками и сестрами в санях. Им подведена была ретивая лошадь; Федор сел на нее, хотя быть возницею у своих теток и сестер. На сани на село их так много, что лошадь не могла тронуться с места, но скакала на дыбы,

сшибла с себя седока и сбила его под сани. Тут сани всею своею тяжестью проехали по спине лежащего на земле Федора и измяли у него грудь, от чего он чувствует беспре- рывную боль в груди и спине».

От этого его и лечить-то никто не пытался. Сейчас можно строить только догадки о том, какое серьезное внутреннее повреждение получил царевич. А ведь именно оно, в конечном итоге, и привело к его преждевременной кончине.

Главным все же было то, что сын простого дьяка Матвеев звание боярина получил лишь в конце 1674 года, что, разумеется, выводило из себя старо-боярские семьи, ведущие свои родословные если не от самого Адама, то уж точно от Рюрика или Гедемина. Но придраться, естественно, к другому: Аптекарь-

облегчения никак не наступало. Да и Матвеев, в обязанности которого входило пробовать снадобья, прежде чем давать их царю, от этой обязанности почему-то всячески уклонялся.

Матвеев был удален с этой должности и отправлен в ссылку, а царскую медицину возглавил представитель высшей родовой знати, пользовавшийся всеобщим доверием, — боярин Никита Иванович Одоевский. Через неделю новый глава Аптеки созвал консилиум из шести ведущих медиков государства.

Обследование Федора Алексеевича показало, что *«ево государская болезнь не от внешнего случая и ни от какой порчи (так!), но от его царского величества природы... та-де цинга была отца ево государева... в персоне».* Хроническая болезнь да-

К моменту смерти царя Алексея Михайловича в живых оставались два его сына от брака с Марией Милославской — Федор и Иван и сын от второго брака с Натальей Нарышкиной Петр. Первому шел пятнадцатый год, второму — одиннадцатый, третьему едва исполнилось четыре года. Тело отца еще не успело остыть, как Федора Алексеевича обрядили в царские одежды, усадили на парадный трон и дали в руки державу и скипетр. Лишь бы скорее, скорее...

ский приказ, возглавлявшийся как раз Матвеевым, поставлял государю «лекарствия разные», от которых

ет сезонные обострения, — заявили доктора, лекари и фармацевты, — которые купируются с помощью

внутренних и внешних укрепляющих средств, «сухой ванны», мазей на царские «ношки». Полное излечение возможно «только исподволь, а не скорым временем».

Поясню, царь болел... цингой, а точнее, страдал сильным авитамино-

но воспитан на физических упражнениях, как истинный царевич дома Романовых. Правда, охоту не слишком жаловал, но был заядлым лошадиником — с того самого момента, когда его посадили на игрушечного деревянного коня. Вступив же

Здоровье у Федора Алексеевича было далеко не богатырское. Часто опухали ноги, мучило сильное сердцебиение... Впрочем, если учесть, что у царевича с двенадцатилетнего возраста был серьезно поврежден грудной отдел позвоночника, особо удивляться тут нечему

зом — как и отец его, и дед. Давать государю хотя бы ломтик лимона к чаю никому в голову не приходило, да и питаться сырыми овощами-фруктами столь высокой персоне не пристало. И вообще, в тогдашней России цинга, вернее, то, что так называли, считалась «благородной болезнью».

Бояре вздохнули с облегчением — недуг при соответствующем уходе был не смертелен, в конце концов, Алексей Михайлович жил с ним и царствовал долгие годы, был любителем охоты с ловчими птицами и борзыми, а в случаях душевной тоски ходил с рогатиной на медведя. Да и с семейной жизнью проблем вроде бы не возникало.

Юноша Федор Алексеевич был, конечно, послабее и поизнеженнее,

на престол, полностью сменил руководство Конюшенным приказом, выписывал производителей из Западной Европы и не стеснялся даже выменивать коней у иноземных послов!

«Как отец сего государя, — писал о Федоре В.Н. Татищев, — великой был (охотник) до ловель зверей и птиц, так сей государь до лошадей великой был охотник. И не токмо предорогих и дивных лошадей в своей конюшне содержал, розным поступкам оных обучал и великие заводы конские по удобным местам завел, но и шляхетство к тому возбуждал. Чрез что в его время всяк наиболее о том прилежал ничим более, как лошадыми, не хвалилися!»

Кроме того, Федор постоянно совершал верховые поездки по ок-

*Федор
Алексеевич
Романов*

рестностям Москвы (если только очередной приступ «цинги» не мешал). Наряду с лошадьми, с раннего детства Федор Алексеевич увлекался стрельбой из лука. Это был настоящий спорт, со своими правилами и детально разработанным инвентарем. Сохранились грамоты с перечислением изготовленных

для царевича Федора и дюжины его товарищей-стольников десятков луков разных типов и многих сотен стрел нескольких разновидностей, мишени для комнатной и полевой стрельбы, с подставками и «влет».

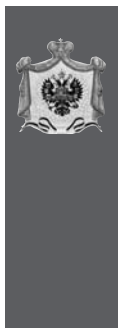
Ничего себе, игрушки для хворого юноши!

После воцарения Федор Алексеевич не отказался от любимой игры. Например, шестнадцатилетний государь «в походе за Ваганьковом изволил тешиться на поле и указал из луков стрелять спальником... Пропа-ло в траве и переломали 33 гнезда северег» (то есть тридцать три связки по двадцать пять стрел определенного вида).

Шахматы, свайки, мячики и прочие обычные мальчишечьи игрушки были у Федора Алексеевича не в почете: он со товарищи предпочитал «играть» шпагами и тесаками, пистолетами и ружьями, булавами, копьями, алебардами, медными пушечками

Великий. Вкус к военным потехам ему привил старший брат-царь! Он с большим знанием дела распорядился об оборудовании Потешной площади при комнатах своего младшего брата и крестника царевича Петра: с военным шатром, воеводской избой, пахотными рогатками, пушками и прочим воинским снаряжением.

Еще одной страстью государя Федора Алексеевича было строительство. Сохранились его личные распоряжения о строительстве пятидесяти пяти объектов в Москве и дворцовых селах, каждому из которых царь дал точную архитектурную характеристику «*против чертежа*».

В правление Федора Алексеевича все его сестрицы смиренно сидели по теремам, и только Софье Алексеевне, любимой сестре, время от времени дозволялось навещать брата и беседовать с ним о делах государственных. Царь ценил советы умной сестрицы, не отмахивался от них, но и только. Он не был послушной марионеткой в руках властолюбивой царевны. Властолюбия у него самого хватало с избытком

(стреляли не хуже настоящих), знаменами, барабанами, литаврами — все, как в настоящем войске, с неизбежными при этом травмами и увечьями.

Так что забудьте версию о том, что первым русским царем, с малолетства обожавшим играть «в войнушку», был Петр — впоследствии

Указы о срочных работах на новых объектах отдавались семь-девять раз в месяц, причем в Москву неоднократно вызывались каменщики и кирпичники из других районов.

«Кремлевский дворец, включая хоромы членов царской семьи и дворцовые церкви, мастерские палаты (начиная с Оружейной), ком-

Дети Алексея Михайловича Романова от брака с Марией Милославской: Федор III Алексеевич Романов

Иван V Алексеевич Романов, венчанный на царство вместе с Петром после кончины Федора Алексеевича (отец Анны Иоановны)

плекс зданий приказов, — все было перестроено и возведено вновь в царствование Федора Алексеевича, соединено галереями, переходами и крыльцами, богато и по-новому изукрашено. Пятиглавые каменные храмы на Пресне и в Котельниках, колокольня в Измайлове, ворота в Алексеевском, два каменных корпуса под Академию на Никольской и еще десятки каменных зданий были результатом трудов юного государя», — писал один из иностранных посланников того времени.

При всех этих «хоромах» были разбиты сады, в том числе и огромный висячий, обустроена общая си-

стема канализации Кремля. Даже в Версале ничего подобного не наблюдалось! Кроме того, государь повелел устроить в самом большом саду проточный пруд десять на восемь метров и запустить туда... потешный кораблик, с которым впоследствии частенько играл Петр, будущий «царь-мореплаватель».

В отличие от всех остальных Милославских, сводного братика Федор Алексеевич любил по-настоящему, а вдовую мачеху Наталью Кирилловну почитал и уважал, а отнюдь не шпынял, как другие его родственники. Кстати, Милославские пожелали отселить «медведицу с медвежон-

Царевна Софья Алексеевна Романова, регентша Петра I Алексеевича (сводного брата)

Сын Алексея Михайловича Романова от брака с Натальей Нарышкиной: Петр Алексеевич Романов — Петр Великий

ком» куда-нибудь подальше от Кремля вообще, но Федор Алексеевич категорически это запретил. Внутреннее благородство — еще одна черта, которой могли похвастаться далеко не все российские государи. Мягко, но упорно царь стоял на своем, не позволяя боярам своевольничать.

Тогда те пошли ва-банк: В 1677 году братья царицы-мачехи Иван и Афанасий Нарышкины по ложному обвинению в подготовке убийства Федора Алексеевича были приговорены Боярской думой к смертной казни. Но царь лично заменил казнь недалекой ссылкой, по-видимому, только для того, чтобы не доводить

дело до «большого лая» с думой. Не любил Федор Алексеевич конфликтов и по возможности их избегал, равно, как и голос повышал чрезвычайно редко. Но всегда — крайне эффективно.

На самом же деле существует весьма показательный факт: при Федоре Алексеевиче не было первого министра: государь правил единолично, государственные печати не доверял никому и решения частенько принимал именно самодержавно.

Крупнейшие государственные деятели того времени — Одоевские — ведали всего двумя незначительными приказами. Центр тяжести кон-

*Царь Федор III
Алексеевич
Романов*

кретных государственных решений переместился в думу, о чем Федор Алексеевич заявил уже на третий день царствования со свойственной его именным указам энергией и лаконичностью:

«Боярам, окольниковым и думным людям съезжаться в Верх в первом часу (то есть с рассветом) и сидеть за делы».

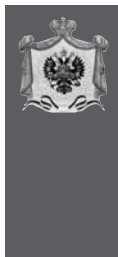
Для ускорения работы часть дел государь рассматривал лично. Чтобы далеко не ходить за примером,

уже на пятнадцатый день царствования Федор Алексеевич повел настоящую борьбу против садистского обычая — бесконечного предварительного следствия и тюремного мучительства. Еще безбородый юноша именным указом повелел *«...ныне и впредь решать дела всех подвергнутых предварительному заключению в Разбойном приказе без промедления и колодников освобождать без всякого задержанья»*, а дела, которые судьи

не могут решить быстро, доклады-вать ему самому.

Ни до, ни после Федора Алексеевича ничего подобного на Руси не случилось.

Еще одной особенностью его царствования было искоренение «*праздничных*» пожалований чинов (в связи с коронацией, женитьбой, рождением сына и т. п.) родственникам и фаворитам. Боярство жаловалось соответственно знатности рода, военным заслугам, роли в дворцовом управлении и лишь в последнюю очередь — благодаря личной близости к государю.

Главное внимание царь уделял армии. В 1680 году был издан именной указ о военно-административной реформе, связанной с войной, изрядно мешавшей мирной реформаторской деятельности царя. Благодаря этой реформе русская армия стала регулярной на четыре пятых своего состава

Именными указами Федор Алексеевич впервые в России установил единое время работы, от бояр-судей до подьячих, — пять часов с рассвета и пять часов перед закатом. В 1680 году разбросанные по разным приказам финансовые дела были объединены в Большой казне.

Потом-то все опять вернулось к обычной русской неразберихе. Воровать-то удобнее из разных мест и у разных ведомств.

Но главное внимание молодой царь уделял армии. В том же 1680 году был издан именной указ о военно-административной реформе, связанной с войной, которая шла во время правления Федора Алексеевича и изрядно мешала его мирной реформаторской деятельности. Благодаря этой реформе русская армия стала регулярной на четыре пятых своего состава. Она насчитывала пятьдесят пять тысяч вооруженных «по последнему слову техники» стрельцов, шестьдесят тысяч солдат, тридцать тысяч пятьсот рейтар, полки и эскадроны драгун, гусар, от-

дельные артиллерийские соединения и так далее. И армия не только была, она воевала, ведь война Турции и Крымскому ханству была объявлена еще царем Алексеем Михайловичем в 1672 году. Государь надеялся на оборонительный союз славянских и вообще христианских государств против османско-крымской агрессии в Европе — и крупно просчитался. Европейские государства дрались друг с другом куда активнее, чем с турками, а Польша вооб-

ще заключила с султаном мирный договор, по которому Великой Порте уступался даже Киев!

Тем не менее, русская армия вела непрерывные кровавые бои от Днестра до Азова. И ей удалось пробить выход к Азовскому морю, в

Известно лишь, что царь свернул азовский театр военных действий. Русские войска и флот ушли вверх по Дону, заключив с турецкими властями перемирие и разменяв пленных. Лично изучив русско-турецкие отношения с 1613 года, Федор Алек-

Как это ни прискорбно, молодого государя невзлюбили церковные иерархи: в отношениях с Церковью Федор Алексеевич строго придерживался буквы закона и интересов казны. Архиереи предлагали расширить монастырские тюрьмы, ужесточить по духовным делам «градской суд», действия «караулов» и воинских команд. Набожный царь старался замять скандал, ибо, помимо всего прочего, был по-настоящему просвещенным человеком, опередившим свое время

которое впервые вышел построенный на Воронежских верфях военно-морской флот, совершавший вместе с казаками налеты на Крым. И это несмотря на то, что к моменту воцарения Федора Алексеевича Правобережье было фактически выжжено («от Днестра до Днепра духа человеческого нет...»).

Но Федор Алексеевич смотрел далеко в историческую перспективу и понимал, что к полномасштабной войне Россия все еще не готова. Он начал борьбу за вывод России из войны, борьбу, драматичность которой осталась неоцененной современниками и потомками, ибо Федор Алексеевич, его советники и противники умели хранить тайны.

сеевич отправил мирное посольство в Стамбул и к апрелю 1678 года убедился, что, только сровняв крепость Чигирин с землей, стороны получат шанс на выход из войны.

На крепость уже шла новая турецкая армия под командованием Кара-Мустафы. Федор Алексеевич, не дождавшись решения думы, в очередной раз принял все бремя на себя. Одиннадцатого июля 1678 года он отдал секретный приказ Ромодановскому и его сыну и помощнику Михаилу в случае отказа Кара-Мустафы от переговоров на более мягких условиях разрушить Чигирин:

«Буде никакими мерами до покоя достигнуть, кроме Чигирина, визирь не похочет, и вам бы хотя то учи-

нить, чтоб тот Чигирин, для учинен-
ня во обеих сторонах вечного мира,
свесть, и впредь на том месте... го-
родов не строить».

Ромодановский приказ выпол-
нил, хотя тем самым заклеил се-
бя «вором и предателем». В Москве
в мае 1682 года Григорий Ромода-
новский был разорван на части, за-
щищая царский дворец от восстав-
ших стрельцов и солдат, а сын его
Михаил, чудом избежавший такой же
лютой смерти, был позже обвинен
Петром в... сговоре со стрельцами.

Восстановление мира было ку-
плено немалой кровью. Однако вре-
мя показало, что Федор Алексеевич
был прав. Выйдя из бессмысленной
войны, Россия вздохнула свобод-
нее, и, если бы не ранняя смерть го-

приведения в порядок тылов, ком-
муникаций и завершения армейской
реформы. Но этого времени Федору
Алексеевичу не было отпущено.

Тем не менее, граница России
отодвинулась на сто пятьдесят-
двести километров к югу, совершен-
но безопасными стали тридцать ты-
сяч квадратных километров плодо-
родных земель, и при этом войска
не понесли никаких потерь от болез-
ней, голода и прочего...

Как это ни прискорбно, молодого
государя невзлюбили церковные
иерархи: в отношениях с Церковью
Федор Алексеевич строго придержи-
вался буквы закона и интересов
казны. Царь, разумеется, украшал
церкви, выкупал христианских плен-
ных и проводил весьма много вре-

В 1671 году государь повелел вместо старинной одежды
всем носить европейское короткое платье. Переоделись
молча и быстро, не устраивая из этого всенародной
трагедии. Так что российский трон был достаточно
европеизирован еще до Петра Великого, причем
сделано это было спокойно и разумно: не желаешь
появляться при дворе — носи дедову шубу и сиди
дома, а если хочешь — изволь надевать европейский
кафтан

сударя, «Крымский поход» Голицына
состоялся бы много позже и совсем
с другими результатами: русская ар-
мия уже показала свое превосход-
ство над отборными полками яны-
чар. Нужно было только время для

мени на многочисленных торже-
ственных церковных церемониях.

Но мягкий и добрый по натуре
правитель умел быть и жестким. Это
по его приказу был сожжен на ко-
стре протопоп Аввакум. Вероятно,

такое решение далось царю нелегко. Но мятежный фанатик дошел до крайнего озлобления, его подстрекательские речи и письма были страшней «воровских писем» Лжедмитрия. Дошло до того, что Аввакум желал туркам победы над «никоианской» Москвой.

Почти в то же время Федор Алексеевич освободил упомянутого Никона из строгого заточения в Кирилло-Белозерском монастыре и разрешил ему жить в любимом Новоиерусалимском монастыре под Москвой. Поступок невероятной смелости по тем временам даже для самодержца. Но по дороге этот знаменитый иерарх русской церкви скончался, не успев ничем быть полезным своему юному спасителю.

Понятно, что архиереи не пожелали пойти навстречу и политическим потребностям государства. Федор Алексеевич столкнулся с полным неприятием своих убеждений. Вместо решения многочисленных проблем, поднятых царем, архиереи предлагали расширить монастырские тюрьмы и, «елико возможно», более ужесточить по духовным делам «градской суд», «прещение и страх по градским законам», действия «караулов» и воинских команд. Набожный Федор Алексеевич постарался замять скандал, ибо, помимо всего прочего, был еще и по-настоящему просвещенным человеком, сильно опередившим свое время.

Личная библиотека государя (помимо доступной ему библиотеки русских царей) свидетельствует о его тесных связях с лучшими писателями-учеными того времени и о знакомстве с западноевропейской литературой. Он много читал, получая дарственные экземпляры на разных языках от авторов и выписывая новые книги. Сам Федор Алексеевич, по словам В.Н. Татищева, «*великое искусство в поэзии имел и весьма изрядные вирши складывал*»; также и «к пению был великий охотник», имел обширную музыкальную библиотеку и довел до совершенства придворную капеллу. Любители музыки хорошо знакомы с его песнопением «*Достоинно есть*», но вряд ли знают имя автора.

В 1679 году в России и за границей прошел слух о твердом намерении царя открыть в Москве университет. Консерваторы, при поддержке московского и иерусалимского патриархов, немедленно призвали... уничтожить в России все книги на латыни — языке европейской науки, чтобы «*пламень западного зломысленного мудрования*» не спалил иконное благочестие. Однако царь не внял убеждениям духовенства и утвердил в начале 1682 года «*Привилей Московской Академии*». Он предполагал создать Академию для изучения всех гражданских и духовных наук: от грамматики, поэтики и риторики до диалектики, логики,

*Первая супруга Федора Алексеевича —
дочь смоленского шляхтича
Агафья Грушевская*

*Вторая супруга —
Марфа Апраксина*

метафизики, этики, богословия, юриспруденции «и прочих всех свободных наук», принятых в университетах, на русском, латинском и греческом языках.

Документ подчеркивал, что работа о просвещении — одна из главных обязанностей государя, именно науками «вся царствия благочинное расположение, правосудства управление, и твердое защищение, и великое распространение приобретают!» В студенты допускались представители всех сословий, бедные получали стипендии и освобождались от преследования за долги родителей. Главное же —

выпускники академии получали преимущественное право (наряду с представителями знатнейших родов и лиц, совершивших выдающиеся подвиги) на занятие высоких государственных должностей, в зависимости от успехов в учебе: царь обещал каждому «приличные чины их разуму».

При всем при этом, была у Федора Алексеевича еще одна черта, куда менее приятная: стремление вмешиваться во все и вся, стиль указов, удивительная склонность к регламентации жизни подданных. Уже при венчании на царство он велел всем явиться в золотой одежде,

а не нарядно одетых — гнать в темный угол между Столовой и Сборной палатами.

Наконец, в 1671 году государь взял да и повелел вместо старинной одежды (ферязей, охабней, однорядок) мужчинам и женщинам носить европейское короткое платье. Этот указ был очень быстро внедрен, поскольку в старой одежде стрельцы не пускали в Кремль — а кто же хотел удалиться от двора! Так что переоделись молча и быстро, не устраивая из этого общенародной трагедии.

дах дело, а в головах. Точнее, в том, что там находится.

А вот в личной жизни Федор Алексеевич переплюнул даже стропитового Петрушу. В девятнадцатилетнем возрасте на крестном ходе он увидел в толпе зрителей девушку, был сражен наповал, мгновенно «навел справки» и, сломив ожесточенное сопротивление не только бояр, но и ближайших родственников, 18 июля 1680 года повел под венец дочь смоленского шляхтича Агафью Симеоновну Грушевскую. Москва так и ахнула — опять поляч-

Время царя Федора Алексеевича неотвратимо заканчивалось. Предвидя кончину государя, многие видные роды во главе с патриархом Иоакимом уже готовили переворот с целью отстранения шестнадцатилетнего царевича Ивана в пользу десятилетнего Петра

Так что российский двор был уже достаточно европеизирован и до восшествия на трон Петра Алексеевича, причем сделано это было спокойно и разумно: не желаешь появляться при дворе — носи дедову шубу и сиди дома, хочешь видеть пресветлые государевы очи — изволь надевать европейский кафтан. На бороды, правда, Федор Алексеевич не покушался: слепо подражать европейским обычаям он не желал, прекрасно понимая, что не в боро-

ка, да, к тому же, худородная! Но как-то очень быстро смирилась и даже полюбила молодую царицу.

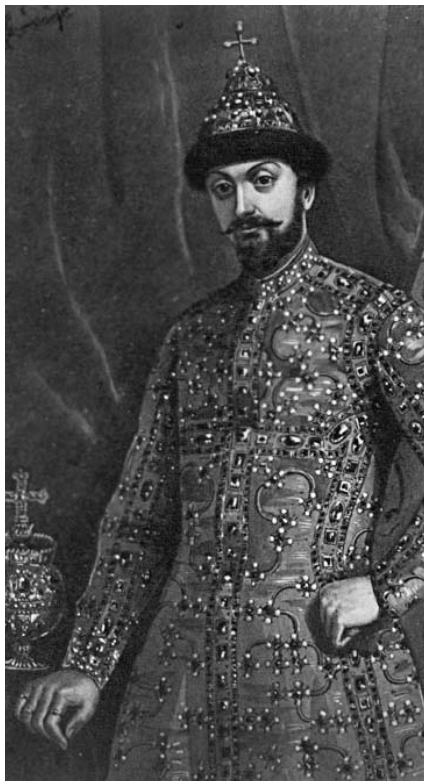
Впрочем, счастье Федора Алексеевича длилось недолго. 11 июля 1681 года он радостно объявил стране о рождении первенца — царевича Илии, но 14 числа скончалась царица, а через неделю — и младенец. Вот тут-то государь впервые слег по-настоящему. А по Москве поползли слухи о том, что Нарышкины «ядом извели» царицу и

царевича, а государя Бог спас — «он от той травы только занемог».

Нарышкины действительно были способны на многое, но именно Федор Алексеевич защищал их от боярских козней. Петр был еще слишком мал, чтобы управлять страной, Наталья Кирилловна — слишком непопулярна, чтобы стать регентшей. Да и Софья кружила над любимым братом, как орлица: пока он у власти, и она немного — да при ней. Возьмут верх Нарышкины — не миновать царевне монашеского клобука. Так что слухи о яде были, скорее всего, только слухами, хотя Москву «скоропостижной смертью» удивить было трудно.

И все-таки даже больной, даже не поднимаясь с постели, государь пересилил свое горе и продолжал принимать важные государственные решения. Он приказал войскам Казанского округа выступить в Симбирск, а далее с «*Сибирским полком идти на китайцы*», не желая позорно жертвовать Амуром, как это произошло во время правления Софьи, а впоследствии и Натальи Кирилловны...

Государь еще надеялся иметь наследника, ибо его родной младший брат Иван вполне мог царствовать, но категорически не желал править. Да и некоторые особенности характера младшего сводного брата уже начинали смущать мудрого Федора Алексеевича. Поэтому он уступил настоянию бояр и через год после смерти любимой

супруги равнодушно женился вторично — на юной красавице Марфе Апраксиной, которая побыла царицей лишь три месяца.

Время царя Федора Алексеевича неотвратимо заканчивалось. Предвидя кончину государя, многие видные роды во главе с патриархом Иоакимом уже готовили переворот с целью отстранения от законного наследства шестнадцатилетнего царевича Ивана в пользу десятилетнего Петра.

Федор Алексеевич Романов умер 27 апреля 1682 года в возрасте 22 лет, не только не оставив прямого наследника престола, но и не назвав своего преемника. Он похоронен в Архангельском соборе Московского кремля.

Не успел государь скончаться, как бояре, придворные и приказные дельцы и духовенство во главе с патриархом Иоакимом нарекли царем малолетнего Петра, рассчитывая полюбовно поделить между собой реальную власть. Хорошо продуманный дворцовый переворот осуществлялся успешно — немедленно была проведена присяга Петру в Кремле, готовились к рассылке «крестоцеловальные грамоты» для всей страны.

Но в ответ на это в апреле 1682 года Москва поднялась на крупнейшее за все столетие восстание, чтобы не позволить боярам за спиной неспособного к правлению ребенка — Петра — «государством завладеть». Вслед за столицей народ восстал во многих других городах; волнения охватили и Дон, где всего десятилетие назад было подавлено восстание Разина.

Во главе московского восстания не случайно оказались стрельцы и солдаты московского гарнизона — Софья с единомышленниками готовила их к этому несколько месяцев. Перед собой стрельцы и солдаты послали глашатаев кричать, что бояре-изменники не только отрави-

ли царя Федора, но покусились уже на жизнь царевича Ивана: отравили или задушили.

Несколько мушкетных залпов снесли с Ивановской площади боярских и дворянских вооруженных холопов. Строго по составленному и тщательно обсужденному списку выстроившиеся перед дворцом восставшие потребовали выдачи сорока «изменников»: издевавшихся над народом правителей, главных заговорщиков, отнявших власть у царевича Ивана и подозреваемых в отравлении царя Федора. Выведенных напоказ царя Петра и царе-

копья и «рубил в мелочь» его родственников и других царедворцев. 16-летний царевич Иван был в шоке от происходящего на его глазах душегубства и лично пытался успокоить мятежников, говоря, что его никто не изводит и что ему не на кого жаловаться. Именно после этой жуткой сцены он навсегда потерял интерес практически ко всем мирским делам.

Срочно назначенный главнокомандующим князь Василий Голицын за месяц собрал более ста тысяч человек войска. Тем временем Софья нанесла свой удар, выманив из

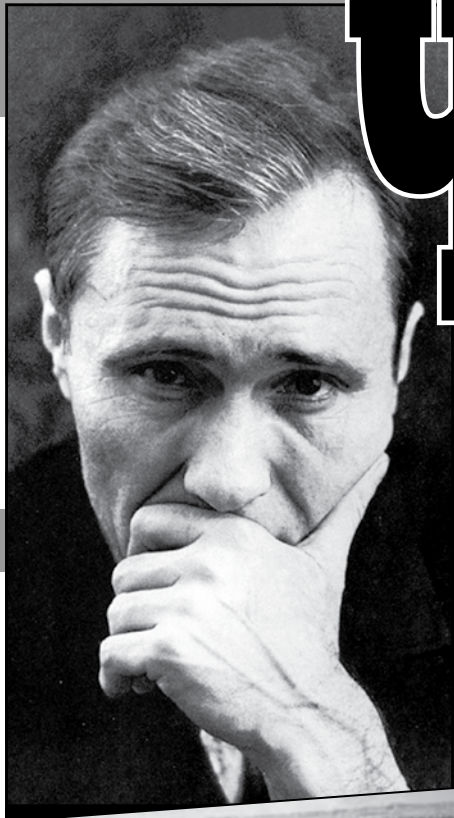
Федор Алексеевич Романов умер 27 апреля 1682 года в возрасте 22 лет, не только не оставив прямого наследника престола, но и не назвав своего преемника. Он похоронен в Архангельском соборе Московского Кремля

вича Ивана восставшие проигнорировали, патриарха и видных государственных мужей не стали слушать: «*Не требуем никаких ни от кого советов!*» Во главе всего этого стояли князь Хованский с сыном, и какое-то время казалось, что смена династии в России неминуема. Опять Смутное время!

У Петра на всю жизнь остался ужас, пережитый им, когда восставшие выбрасывали из дворца на

Москвы и казнив по подложному доносу князя Ивана Хованского со старшим сыном Андреем. По всей стране было объявлено, что все московское восстание с самого начала — результат заговора Хованских, стремившихся к царской власти.

Ирония истории состояла в том, что несколько лет спустя такое же обвинение было брошено самой премудрой царевне Софье. Но это уже другая история... □

Ч

естная жизнь

Евгения Гордиенко

О нем часто говорят «великий писатель», «великий режиссер», «великий актер», солидно повествуют о значительном вкладе в литературу и кино. Но редко говорят о том, что этот человек прожил просто честную жизнь, не прогибаясь под тот изменчивый мир, который царил в его эпоху. Однако именно это чаще всего и бывает ценным для самого великого человека — не награды и звания, а внутреннее осознание того, что жизнь ты прожил честно. Василий Макарович Шукшин старался жить именно с этой мыслью

Детство Василия Шукшина не располагало к тому, чтобы жизнь свою строить по правилам. Но он все равно к этому стремился. Вспоминают, что от сверстников он требовал называть себя не Васей, а Василием. Возможно, дело было в уже сложившемся, взрослом характере, а, возможно, в том, что «старших» у Васи Шукшина было немного. Отца, механизатора, работавшего на молотилках, арестовали в 1933 году. Мать, оставшаяся с двумя детьми, едва не наложила на себя руки, но вовремя одумалась. Она вышла замуж вторично, за односельчанина Павла Куксина, но прожила Мария Сергеевна со вторым супругом недолго — в 1942 году он был убит на фронте. Василию просто не оставалось ничего другого, кроме как взять на себя обязанности старшего.

Именно поэтому ему, не закончившему учебу, пришлось идти работать. Местом службы стал трест «Союзпроммеханизация», куда Шукшин поступил на должность слесаря-такелажника. Проработав там несколько лет, он отправился на военную службу, где стал радистом. Но и тут довести дело до конца не удалось — у Шукшина обнаружили язву и списали на берег. Эта язва будет преследовать его всю жизнь, делая ее порой совсем невыносимой...

Вернувшись домой, в Сростки, Шукшин женился на односельчанке Марии Шумской, своей первой любви. Молодую семью нужно было обеспечивать, поэтому Шукшин стал искать работу и нашел ее... в школе. Стал преподавать русский язык и ли-

тературу, а попутно — директорствовать. Он знал, что для учителя литературы прочитал мало «толстых» книг, однако старался быть хорошим директором: «выбить» школе достаточно дров, найти учебники, парты, обеспечить жильем учителей. Даже когда при приеме во ВГИК Михаил Ромм упрекнул Шукшина в том, что тот не читал «Войну и мир», Василий Макарович не смутился. Напротив, стал едва ли не кричать Ромму о том, что жизнь директора сельской школы — отнюдь не «толстые романы». И это было честно.

На режиссерский факультет ВГИКа Шукшин вообще попал случайно. Он даже не знал, что есть такая профессия. Думал, что актеры собираются вместе и договариваются, как и что играть. Собирался учиться на сценариста, для чего в 1955 году привез с собой в Москву толстую амбарную тетрадь со своими рассказами. Но девушкам в приемной комиссии было лень читать такой труд, поэтому они порекомендовали Василию, мужчине с фактурной внешностью, поступать на актерский. Уже тут, от студентов, он узнал, что можно стать еще и режиссером. Ему понравилась эта идея — быть самым главным. Это как раз в его характере.

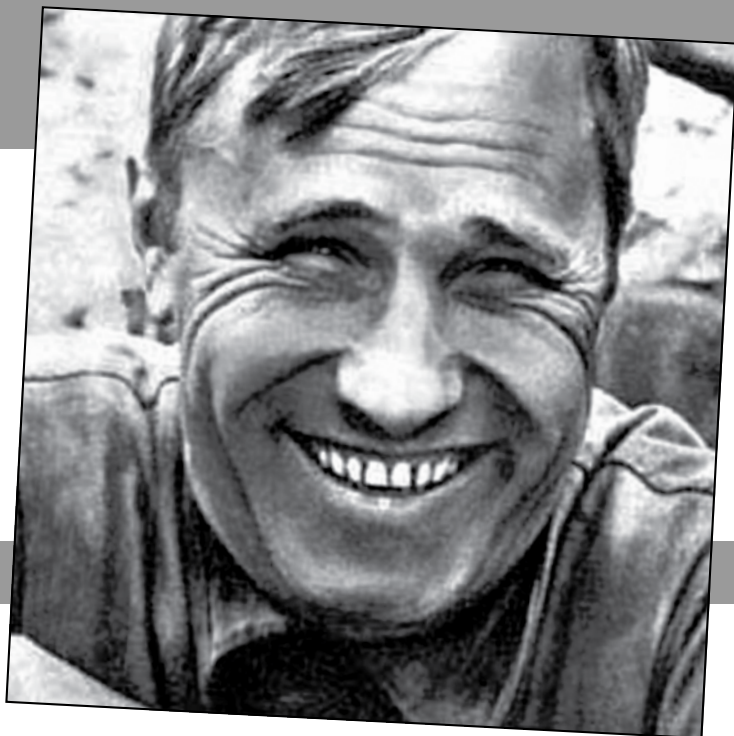
Михаил Ромм же, выслушав тираду Шукшина относительно труда директора сельской школы, ничуть не смутился, не выгнал наглеца. Он лишь сказал вспыльчивому абитуриенту и приемной комиссии, уже надеявшейся на скандал: «Только

очень талантливый человек может иметь такие нетрадиционные взгляды. Я ставлю ему пятерку!»

Несмотря на учебу на режиссерском факультете, Шукшина заметили и как актера. Его дебют состоялся в карьере «Два Федора», но премьера едва не прошла без Василия Макаровича. Дело в том, что накануне он напился, устроил дебош и попал в милицию. Вызволять его пришлось Марлену Хуциеву, режиссеру фильма. Не последним аргументом в освобождении актера стало то, что Хуциев пригласил сотрудников милиции на премьеру картины.

Режиссеры Ренита и Юрий Григорьевы, давние друзья Василия Макаровича, так вспоминают о Шукшине-актере: «Впервые мы его увидели в учебной постановке «Поднятой целины» по Шолохову. Набился полный класс народа. В первом ряду сидели преподаватели. А на маленькой сцене Шукшин поразительно играл Нагульнова и настолько вошел в роль, что в какой-то момент вдруг сочно выматерился. Такого вгиковские стены еще не слышали. Мы все притихли. Но наша профессура промолчала. Отрывок был блестяще доигран до конца. Исполнители получили свои заслуженные пятерки».

Но не зря Шукшин приехал во ВГИК с толстой тетрадью рассказов. По совету Ромма он рассылал свои произведения в редакции различных журналов. В 1958 году в №15 журнала «Смена» был опубликован (хотя и не имел особого успеха) его рассказ «Двое на телеге».

Первая картина Шукшина-режиссера — «Живет такой парень» — вышла только в 1964 году и сразу получила признание как публики, так и жюри международного кинофестиваля в Венеции. Но Василий Макарович был скорее огорчен таким успехом, ведь картину сразу записали в

комедии. Сам он говорил о ней так: *«Я очень серьезно понимаю комедию. Дай бог, нам побольше получить их от мастеров этого дела. Но в комедии, как я ее понимаю, кто-то должен быть смешон. Герой прежде всего... Герой нашего фильма не смешон».* Он хотел быть честным со своим зрителем, хотел, чтобы публика видела в герое именно то, что задумал режиссер.

Однако что скрывать, получение награды было для Шукшина важным. Это означало, что он движется вперед, что может делать кино лучше других. Юрий Григорьев вспоминает, что, когда награду Венециан-

*Слева:
Мария
Шумская
(первая жена
Шукшина)*

*Справа:
Лидия
Федосеева-
Шукшина*

ского фестиваля получил однокурсник Шукшина Андрей Тарковский, Василий Макарович сидел на праздновании этого события «молча, играя желваками скул», а потом сказал: «Ребята, а ведь я вас всех обойду! И тебя, Андрюха, и тебя, Ренитка, и тебя, Юрка!» Андрей опешил, но быстро нашелся: «Вась, да зачем тебе нас обходить? Мы тебя любим! Расступимся и пропустим — иди, ради бога!» «Нет, — ответил Шукшин, погрозив кулаком. — Вы сопротивляйтесь. Я не люблю, когда мне зажимают зеленый свет».

Поступив во ВГИК, Шукшин поселился в общежитии. А уже вскоре написал в Сростки своей матери, что полюбил другую женщину и намерен развестись с Марией. Почтальон по ошибке доставил письмо Шумским, и в Москву отправился тещь Василия — Иван Степанович. Однако его уговоры и даже угрозы не возымели никакого действия.

Мария же никогда не держала на Шукшина зла. Уже после его смерти она вспоминала: «Почему-то я всегда о нем помнила. Иногда глаза закрою, а он у меня в глазах стоит. И даже с

открытыми глазами я все равно его вижу — молодого, веселого... И чем это объяснить, даже не знаю».

В картине «Живет такой парень» небольшую роль сыграла Белла Ахмадулина, недолгий роман с которой приписывали Шукшину. По окончании этого романа Василий Макарович стал встречаться с Викторией Софроновой — редактором журнала «Москва». По словам самой Софроновой, ей стало жалко Шукшина, одну из повестей которого (не самую лучшую) критиковали на обсуждении в Центральном Доме литераторов.

Они познакомились, стали жить вместе, так как никто не был связан браком или какими-то обязательствами. Но вскоре Шукшин охладел к Виктории и расстался с ней. Уже после этого она узнала, что беременна.

Шукшин же, считая себя свободным, встретился на съемках фильма «Какое оно, море?» с молодой

актрисой Лидией Федосеевой. Сама Федосеева была не в восторге, что ее партнером по фильму оказался Шукшин. Она много слышала о нем, но еще больше — о его пьяных загулах, поэтому даже просила режиссера найти Шукшину замену, пока не поздно. Но... что-то вспыхнуло между ними, и даже известие о том, что 12 февраля 1965 года у Виктории Софроновой родилась дочь, не заставило Шукшина отказаться от отношений с Лидией.

Он, конечно, приехал в роддом к Виктории и даже привез молодой матери подарок — бутылку портвейна. Более того — эту передачу приняли и передали Виктории.

Виктория же не была готова делить Василия с кем-либо еще. Она жестко потребовала сделать выбор. Шукшин этого сделать не смог, и Софронова выгнала его, разрешив, тем не менее, общаться с дочерью.

Более или менее определившись с личной жизнью, Шукшин сосредоточился на карьере — его захватила идея снять фильм о Степане Разине. Он изучал исторические материалы, выбирал места для натуральных съемок, готовил и утверждал сценарий.

Однако съемки фильма неожиданно были отложены на неопределенное время — по воле кинематографического начальства. Шукшин не знал, что стало тому причиной, и потому не мог предложить никаких вариантов решения проблемы. Это угнетало и мучило его. И с трудностями он справлялся привычным русским способом — водкой. Лидии Федосеевой-Шукшиной даже приходилось затаскивать мужа на себе в дом, будучи беременной.

Но один случай заставил его навсегда прекратить пить. Он пошел гулять с дочкой, встретил приятеля, они зашли в кафе, оставив ребенка на улице. Когда же Шукшин из кафе вышел, девочки на месте не оказалось. Он обегал весь район, прежде чем нашел дочь. Но ужас этого события остался с ним, и пить Василий Макарович бросил.

Он даже рассказывал, что, будучи в гостях у Шолохова, не выпил ни капли, а обиженный Михаил Александрович отвечал ему: *«Буду в Москве у тебя, чашки чая не трону».*

Идея постановки фильма о Степане Разине не оставляла Шукшина. Ради ее осуществления он даже перешел с киностудии имени Горького на «Мосфильм», где шансов снять эту картину было больше, и, добиваясь

разрешения, «попутно» снимал свои знаменитые «Печки-лавочки» и «Калину красную». Его продолжала терзать язва, но даже она не могла отвлечь его от работы — он терпел боль и продолжал снимать, озвучивать, монтировать...

Но именно эти «попутные» работы и сделали его популярным. Хотя, как известно, нет пророка в своем отечестве. Когда в 1963 году Шукшин ездил по стране с творческими встречами и заезжал в Сростки, на улице села можно было услышать такой диалог: *«На кого в клубе смотреть? На Ваську-то? Чего на него смотреть?» — «Там еще москвичи приехали» — «А, ну, это другое дело».*

Осенью 1974 года Шукшин находился на съемках фильма «Они сражались за Родину» на Дону. Жили на теплоходе «Дунай», до поздней ночи Василий Макарович смотрел вместе с Георгием Бурковым хоккейный матч СССР-Канада. В 4 часа утра Бурков вышел в коридор и увидел Шукшина. Тому явно было плохо, он пожаловался, что валидол ему не помогает, и попросил найти что-нибудь еще. Бурков нашел у кого-то из артистов капли Зеленина и принес Василию Макаровичу. Тот выпил их и ушел спать.

А утром Шукшина нашли уже мертвым...

Говорили, он умер от сердечной недостаточности, но с сердцем у него никогда не было проблем. Многие до сих пор считают, что Ва-

сильий Макарович Шукшин был убит. Георгий Бурков позже вспоминал: «Я думаю, они его убили. Кто они? Люди — людишки нашей системы, про кого он нередко писал. Ну, не крестьяне же, а городские прохиндеи... сволочи-чинуши...»

В кинематографической среде считали, что Шукшина отравили. Ходили слухи, что в каком-то месте, где его нашли, чувствовался запах корицы — так пахнет, когда пускают так называемый «инфарктный» газ. Правду теперь уже вряд ли можно узнать — почти никого из тех, кто мог бы ее рассказать, не осталось в живых.

На похоронах тоже было беспокойно. Никто не знал, где Шукшина будут хоронить: сначала говорили, что на Немецком кладбище, но в последний момент разрешили на Новодевичьем.

Элем Климов вспоминал, что у самого гроба Шукшина к нему подошли из Госкино и предложили снимать тот самый фильм о Степане Разине, который много лет мечтал снять Василий Макарович. «Меня будто током ударило! Разворачиваюсь — пришиб бы его, наверное, на месте». Климова едва удержала жена, Лариса Шепитько.

Лидия Федосеева-Шукшина позже с огорчением вспоминала, что никто из тех, кто был с Шукшиным в ту ночь, так и не захотел с ней поговорить. Никто так и не узнал правды о смерти Василия Шукшина, никто так и не захотел быть честным. Таким, каким был он сам. □

БЕСПАЛЪИИ

Все кругом говорили, что у Сереги Безменова злая жена. Злая, капризная, и дура. Все это видели и понимали. Не видел и не понимал этого только Серега. Он злился на всех и втайне удивлялся: как они не видят и не понимают, какая она самостоятельная, начитанная, какая она... Черт их знает, людей: как возьмутся языками чесать, так не остановишь. Они же не знали, какая она остроумная, озорная. Как она ходит! Это же поступь, черт возьми, это движение вперед, в ней же тогда каждая жилочка живет и играет, когда она идет. Серега особенно любил походку жены: смотрел, и у него зубы немели от любви. Он дома с изумлением оглядывал ее всю, играл желваками и потел от волнения.

— Что? — спрашивала Клара. — Мм?.. — и, играя, показывала Сереге язык. И шла в горницу, будто нарочно, чтоб еще раз показать ему, как она ходит. Серега устремлялся за ней.

...И они же еще вякали про то, что она... О деревня! Серега молил Бога, чтоб ему как-нибудь не выронить из рук этот драгоценный подарок судьбы. Порой он даже страшился: по праву ли свалилось на его голову такое счастье, достоин ли он его, и нет ли тут какого недоразумения — вдруг что-нибудь такое выяснится, и ему скажут: «Э-э, друг ситный, да ты что?! Ишь, захапал!»

Серега увидел Клару первый раз в больнице (она только что приехала работать медсестрой), увидел и сразу забеспокоился. Сперва он увидел только очки и носик-сапожок. И сразу забеспокоился. Это потом уж ему предстояла радость открывать в ней все новые и новые прелести. Сперва

же только блестели очки, и торчал вперед носик, все остальное была — рыжая прическа. Белый халатик на ней разлетался в стороны; она стремительно прошла по коридору, бросив на ходу понурой очереди: «Кто на перевязку — заходите». И скрылась в кабинетике. Серега так забеспокоился, что у него заболело сердце. Потом она касалась его ласковыми теплыми пальцами, спрашивала: «Не больно?» У Сереги кружилась голова от ее духов, он на вопросы только мотал головой — что не больно. И страх сковал его такой, что он боялся пошевелиться.

— Что вы? — спросила Клара.

Серега от растерянности опять качнул головой — что не больно. Клара засмеялась над самым его ухом... У Сереги, где-то внутри, выше пупка, зажгло... Он сморщился и... заплакал. Натурально заплакал! Он не мог понять себя и ничего не мог с собой сделать. Он сморщился, склонил голову и заскрипел зубами. И слезы закапали ему на больную руку и на ее белые пальчики, Клара испугалась: «Больно?!»

— Да иди ты!.. — с трудом выговорил Серега. — Делай свое дело, — он приник бы мокрым лицом к этим милым пальчикам, и никто бы его не смог оттащить от них. Но страх, страх парализовал его, а теперь еще и стыд — что заплакал.

— Больно вам, что ли? — опять спросила Клара.

— Только... это... не надо изображать, что мы все тут — от фонаря работаем, — сказал Серега сердито. — Все мы, в конце концов, живем в одном государстве.

— Что-что?

Ну, и так далее.

Через восемнадцать дней они поженились.

Клара стала называть его — Серый. Ласково. Она, оказывается, была уже замужем, но муж попался «вареный какой-то», они скоро разошлись. Серега от одного того, что первый ее муж был «вареный», ходил, выпятив грудь, чувствовал в себе силу необыкновенную. Клара хвалила его.

И в это-то время, когда он не знал, что бы такое своротить от счастья, они говорили, что жена его — капризная и злая. Серега презирал их всех. Они же не знали, как она... О люди! Все иззавидовались, черти. Что такое, не могут люди спокойно выносить, когда кому-нибудь повезет.

— Вы берите пример с животного мира, — посоветовал Серега одному такому умнику. — Они же спокойно относятся, когда, например, одну какую-нибудь собачку берут в цирк выступать. Они же не злятся. Чего вы-то психуете?

— Да жалко тебя...

— Жалко у пчелки... знаешь где? Вот так.

Сергеа злился, понимал, что это ни к чему, глупо, и еще больше злился.

— Не обращай внимания на пустолаек, — говорила жена Клара. — Нам же хорошо, и все. Я их всех в упор не вижу.

Сергеа поругался с родней, что они не пришли в восторг от Клары, с друзьями... Бросил совсем выпивать, купил стиральную машину и по субботам крутил бельишко в предбаннике, чтоб никто из зубоскалов не видел. Мать Сергею не могла понять: хорошо это или плохо. С одной стороны, вроде как-то не пристало мужику бабскую работу делать, с другой стороны... Шут ее знает!

— Но он же не пьет! — сказала Клара свекрови. — Чего вам еще? Он занят делом.

— Дак ты возьми да пожалей его: возьми да сама постирай, он неделюто наломался, ему отдохнуть надо.

— А я что, не работаю?

— Да твоя-то работа... твою-то работу рази можно сравнить с мужниной, матушка! Покрути-ка его день-деньской (Сергеа работал трактористом) — руки-то какие надо! Он же не двужильный.

— Я сама знаю, как мне жить с мужем, — сказала на это Клара. — Вам надо, чтобы он пил?

— Зачем же?

— Ну и все. Им же делаешь хорошо, и они же еще недовольны.

— Да ведь мне жалко его, он же мне сын...

— Вам не жалко, когда они под заборами пьяные валяются? Жалко? Ну и все. И не надо больше говорить на эту тему. Ясно?

— Господи, батюшка!.. — опешила мать. — И слова не скажи. Замордовала мужика, а ей и слова не скажи.

— Хорошо, я скажу, чтобы он пошел в чайную и напился с друзьями. Вас это устраивает?

— Да чо ты извязалась с пьянкой-то! — рассердилась мать. — Он и до тебя не шибко пил, чо ты с пьянкой-то? Заладила: «пьянка, пьянка».

— Хорошо, я скажу ему, что вы не велите стирать, — объявила Клара. И даже поднялась, и книжку медицинскую отложила в сторону.

Мать испугалась.

— Ладно! Сразу — «скажу». Только бы бегать жалиться.

— Хорошо, что вы предлагаете? — Клара через сильные очки прямо смотрела на свекровь. — Конкретно.

— Ничего. Только вижу я, милая, не век ты собралась с мужем жить, вот что. Если б жить думала, ты бы его берегла. А ты, как... не знаю, как ксплотаторша какая: заездила мужика. Неужели же тебе тяжело хоть воды-то натаскать! Он и так целый день там руки-то выворачивает, а придет домой — снова запрягайся. Да когда же ему отдохнуть-то, бедному?

— Повторяю: я о нем думаю. И когда мне его пожалеть, я сама знаю. Это вы тут... распустили мужчин, потом не знаете, что с ними делать.

— Господи, господа, — только и сказала мать. — Вот какие нынче пошли жены-то! Ай-яй!

Знал бы Серега про эти разговоры! У Клары хватало ума не передавать их мужу.

А Сереге это одно удовольствие — воды натаскать, бельишко простирнуть... Забежит в дом, поцелует жену в носик, подвигится про себя мощному и плавному загибу ее бедер. А то попросит ее надеть белый халат.

— Ну, заче-ем? — мило капризничала Клара. — Что за странности какие-то?

— Я прошу, — настаивал Серега. — Я же тогда тебя в халатике увидел, первый раз-то. Надень, погляжу: у меня вот здесь опять ворохнется, — он показывал под сердце. — Я прошу, Кларнетик, — он ее называл — Кларнетик. Или — Кларнет, когда надо громко позвать.

Клара надевала халат, и они баловались.

— Где болит? — спрашивала Клара.

— Вот здесь, — показывал Серега на сердце.

— Давно?

— Уже... семьдесят пять дней.

— Разрешите. — Клара прижималась ухом к Серегиной груди. Серега вдыхал запах ее крашенных волос... И снова, и снова у него чуть кружилась голова от волнения и радости. Он стискивал «врача» в объятиях, искал губами ее милый носик — любил почему-то целовать в носик.

— Ну-у, — противилась Клара, — врача-то!.. — ей, наверно, слегка уже надоели одинаковые ласки мужа.

«Господи, за что мне такое счастье! — думал Серега, выходя опять во двор к стиральному аппарату. — Я же могу не вынести так. Тронусь, чего доброго. Или ослабну вовсе».

Он не тронулся. Случилось другое, непредвиденное.

Приехал на каникулы двоюродный брат Серегин, Славка. Славка учился в большом городе в техническом вузе, родня им хвасталась, и, когда он приезжал на каникулы, дядя Николай, отец Славкин, собирал вечер. Так было уже два раза, теперь Славка перешел на третий курс. Ну, собрались опять. Позвали Серегу с Klarой.

Шло сперва все хорошо. Клара была в сиреновом платье с пышными рукавами, на груди медальон — часы на золотой цепочке, волосы отливают дорогой медью, очки блестят... Как любил ее Серега за эти очки! Осмотрится по народу, глянет на жену, и опять сердце радостью дрогнет: из всех-то она выделялась за столом, гордая сидела, умная, воспитанная — очень и

очень не простая. Сереге понравилось, что и Славка тоже выделил ее из всех, переговаривался с ней через стол. Сперва так — о чем попало, а тут так вдруг интересно заговорили, что все за столом смолкли и слушали их.

— Хорошо, хорошо, — говорил Славка, улавливая ухом, что все его слушают, мы — технократия, народ... сухой, как о нас говорят и пишут... Я бы тут только уточнил: конкретный, а не сухой, ибо все во главе угла для нас — господин Факт.

— Да, но за фактом подчас стоят не менее конкретные живые люди, — возразила на это Клара, тоже улавливая ухом, что все их слушают.

— Кто же спорит! — сдержанно, через улыбочку, пульнул технократ Славка. — Но если все время думать о том, что за фактом стоят живые люди и делать на это бесконечные сноски, то наука и техника будут топтаться на месте. Мы же не сдвинемся с мертвой точки!

Клара, сверкая стеклом, медью и золотом, сказала на это так:

— Значит, медицина должна в основном подбирать за вами трупы? — Это она сильно выразилась; за столом стало совсем тихо.

Славка на какой-то миг растерялся, но взял себя в руки и брякнул:

— Если хотите — да! Только такой ценой человечество овладеет всеми богатствами природы.

— Но это же шарлатанство, — при общей тишине негромко, с какой-то особой значительностью молвила Клара.

Славка было засмеялся, но вышло это фальшиво, он сам почувствовал. Он занервничал.

— Почему же шарлатанство? Насколько я понимаю, шарлатанство свойственно медицине. И только медицине.

— Вы имеете в виду самовольные аборты?

— Не только...

— Знахарство? Так вот, запомните раз и навсегда, — напористо и сердито, и назидательно заговорила Клара, — что всякий, кто берется лечить даже насморк человека, но не имеет на это соответствующего права, есть потенциальный преступник, — особенно четко и страшно выговорилось у нее это «преступник». И это — при бабках, которые всюю орудовали в деревне всякими травками, настоями, отварами, это при них она так... Все смотрели на Клару. И тут понял Серега, что отныне жену его будут уважать и бояться. Он ликовал. Он молился на свою очкастую богиню, хотелось заорать всем: «Что, съели?! А вякали!..» Но Серега не заорал, а опять заплакал. Черт знает, что за нервы у него! То и дело плакал. Он незаметно вытер слезы и закурил.

Славка что-то такое еще говорил, но уже и за столом заговорили тоже: Славка проиграл. К Кларе потянулись — кто с рюмкой, кто с вопросом...

Один очень рослый родственник Серегин, дядя Егор, наклонился к Сереге, к уху, спросил:

— Как ее величать?

— Никаноровна. Клавдия Никаноровна.

— Клавдия Никаноровна! — забасил дядя Егор, расталкивая своим голосом другие голоса. — А, Клавдия Никаноровна!..

Клара повернулась к этому холму за столом.

— Да, я вас слушаю, — четко, точно, воспитанно.

— А вот вы замужем за нашим... ну, родственником, а свадьбу мы так и не справили. А почему вообще-то? Не по обычаю...

Клара не задумывалась над ответами. Вообще, казалось, вот это и есть ее стихия — когда она в центре внимания и раздает направо и налево слова, улыбки... Когда все удивляются на нее, любят ее, кто и завидует исподтишка, а она все шлет и шлет, и катит от себя волны духов, обаяния и культуры. На вопрос этого дяди Егора Клара чуть прогнула в улыбке малиновые губы... Скользнула взглядом по технократу Славке и сказала, не дав даже договорить дяде Егору:

— Свадьба — это еще не знак качества. Это, — Клара подняла над столом руку, показала всем золотое кольцо на пальце, — всего лишь символ, но не гарантия. Прочность семейной жизни не исчисляется количеством выпитых бутылок.

Ну, она разворачивалась сегодня! Даже Серега не видел еще такой свою жену. Нет, она была явно в ударе. На дядю Егора, как на посрамленного бестактного человека, посыпалось со всех сторон:

— Получил? Вот так.

— Что, Егорша: спроть шерсти? Хх-э!..

— С обычаем полез! Тут без обычая отбреют так, што... На, закуси лучше.

Серега — в безудержной радости и гордости за жену — выпил, наверно, лишнего. У него выросли плечи так, что он мог касаться ими противоположных стен дома; радость его была велика, хотелось обнимать всех подряд и целовать. Он плакал, хотел петь, смеялся... Потом вышел на улицу, подставил голову под ручкойник, облился и ушел за угол, под навес, — покурить и обсохнуть. Темнеть уже стало, ветерок дергал. Серега скоро отошел на воздухе и сидел, думал. Не думал, а как-то отдыхал весь — душой и телом. Редкостный, чудный покой слетел на него: он как будто куда-то плыл, повинувшись спокойному, мощному току времени. И думалось просто и ясно: «Вот — живу. Хорошо».

Вдруг он услышал два торопливых голоса на крыльце дома; у него больно екнуло сердце: он узнал голос жены. Он замер. Да, это был голос Клары. А второй — Славкин. Над навесом была дощатая перегородка,

Славка и Клара подошли к ней и стали. Получилось так: Серега сидел по одну сторону перегородки, спиной к ней, а они стояли по другую сторону... То есть это так близко, что можно было услышать стук сердца чужого, не то что голоса, или шепот, или возню какую. Вот эта-то близость — точно он под кроватью лежал — так поначалу ошарашила, оглушила, что Серега не мог пошевелинуть ни рукой, ни ногой.

— Чиженька мой, — ласково, тихо — так знакомо! — говорила Клара, — да что же ты торопишься-то? Дай я тебя... — чмок-чмок. Так знакомо! Так одинаково! Так близко... — Славненький мой. Чудненький мой... — чмок-чмок. — Сладенький...

Они там слегка возились и толкали Серегу. Славка что-то торопливо бормотал, что-то спрашивал — Серега пропускал его слова, — Клара тихо смеялась и говорила:

— Сладенький мой... Куда, куда? Ах ты, шалунишка! Поцелуй меня в носик.

«Так вот это как бывает, — с ужасом, с омерзением, с болью постигал Серега. — Вот как!» И все живое, имеющее смысл, имя, — все ухнуло в пропасть, и стала одна черная яма. И ни имени нет, ни смысла — одна черная яма. «Ну, теперь все равно», — подумал Серега. И шагнул в эту яму.

— Кларнети-ик, это я, Серый, — вдруг пропел Серега, как будто он рассказывал сказку и подступил к моменту, когда лисичка-сестричка подошла к домику петушка и так вот пропела: —Ау-у! — еще спел Серега. — А я вас сейчас буду убива-ать.

Дальше все пошло мелькать, как во сне: то то видел Серега, то это... То он куда-то бежал, то кричали люди. Ни тяжести своей, ни плоти Серега не помнил. И как у него в руке очутился топор, тоже не помнил. Но вот что он запомнил хорошо: как Клара прыгала через прясло. Прическа у Клары сбилась, волосы растрепались, когда она махнула через прясло, ее рыжая грива вздыбилась над головой... Этаким огонь метнулся. И этот-то летящий момент намертво схватила память. И когда потом Серега вспоминал бывшую свою жену, то всякий раз в глазах вставала эта картина — полет, и было смешно и больно.

В тот вечер все вдруг отшумело, отмелькало... Куда-то все подевались. Серега остался один с топором... Он стал все сознавать, стало нестерпимо больно. Было так больно, даже дышать было трудно от боли. «Да что же это такое-то! Что же делается?» — подумал Серега... Положил на жердину левую руку и тяпнул топором по пальцам. Два пальца — указательный и средний — отпали. Серега бросил топор и пошел в больницу. Теперь хоть куда-то надо идти. Руку замотал рубахой, подолом.

С тех пор его и прозвали на селе — Беспалый.

Клара уехала в ту же ночь; потом ей куда-то высылали документы: трудовую книжку, паспорт... Славка тоже уехал и больше на каникулы не приезжал. Серега по-прежнему работает на тракторе, орудует этой своей культей не хуже прежнего. О Кларе никогда ни с кем не говорит. Только один раз поругался с мужиками.

— Говорили тебе, Серьга: злая она...

— Какая она злая-то?! — вдруг вскипел Серега. — При чем тут злая-то?

— А какая она? Добрая, что ли?

— Да при чем тут — добрая, злая? В злости, что ли, дело?

— А в чем же?

— Ни в чем! Не знаю, в чем... Но не в злости же дело. Есть же другие какие-то слова... Нет, заталдычили одно: злая, злая. Может, наоборот, добрая: брату хотела помочь.

— Серьга, — поинтересовались, — а вот ты же это... любил ее... А если б счас приехала, простил бы?

Серега промолчал на это. Ничего не сказал.

Тогда мужики сами принялись рассуждать.

— Что она, дура, что ли, — приедет.

— А что? Подумает — любил...

— Ну, любил, любил. Он любил, а она не любила. Она уже испорченный человек — на одном все равно не остановится. Если смолоду человек испортился, это уже гиблое дело. Хоть мужика возьми, хоть бабу — все равно. Она иной раз и сама не хочет, а делает.

— Да, это уж только с середки загнить, а там любой ветерок пошатнет.

— Воли им дали много! — с сердцем сказал Костя Бибииков, невзрачный мужичок, но очень дерзкий на слово. — Дед Иван говорит: счас хорошо живетса бабе да корове, а коню и мужику плохо. И верно. Воли много, они и распустились. У Игнахи вон Журавлева — тоже: напилась, дура, опозорила мужика — вел ее через всю деревню. А потом на его же: «А зачем пить много разрешал!» Вот как!..

— А молодые-то!.. Юбки эти возьми — посмотришь, иде-ет... Тьфу!

Серега сидел в сторонке, больше не принимал участия в разговоре. Покусывал травинку, смотрел вдаль куда-то. Он думал: что ж, видно, и это надо было испытать в жизни. Но если бы еще раз налетела такая буря, он бы опять растопырил ей руки — пошел бы навстречу. Все же, как ни больно было, это был праздник. Конечно, где праздник, там и похмелье, это так... Но праздник-то был? Был. Ну и все. □

*Простор
в пустыне —
вот о чем я день
и ночь мечтаю.
Дайте мне горы
золота, я за них
не продам своей
дикой свободы*

Н.М. Пржевальский

О существляю заветную мечту

Виктор Ом

Окончание.
Начало в №1, 2013

ПЕРВОЕ МОНГОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Давно уже у Пржевальского были мысли об исследовании Центральной Азии. Девятнадцатый век географы называли веком изучения материков. К тому времени страны, прилегающие к морям и океанам (окраины континентов), уже были как-то описаны, а вот центры материков Евразии, Африки, Южной Америки далеко не достаточно. По многим районам материков еще не ступала нога ученого. Обширнейшие пространства Центральной Азии площадью более 7 миллионов квадратных километров изображались на географических картах того времени в виде белого пятна.

Николай Михайлович представил в Русское географическое общество план первого путешествия в Центральную Азию и встретил горячую поддержку П.П. Семенова.

Совет общества одобрил проект. Он обратился в военное министерство с просьбой о направлении экспедиции в Северный Китай и выделении ассигнований на ее содержание. Министерство не только поддержало предложение, но и назначило Пржевальскому помощника — подпоручика М.А. Пыльцова, одного из бывших его учеников, который еще в Варшаве разделял идеи своего учителя. Однако средства на экспедицию были отпущены весьма скудные.

В ноябре 1870 года Н.М. Пржевальский отправился в путь...

Начался период великих странствий по Центральной Азии. Отныне с этим краем свяжется вся его дальнейшая жизнь и деятельность. Маршрут первого путешествия проходил через Таньсу, Ордос и Северный Тибет. А уже в январе 1871 года экспедиция пересекла пустыню Гоби.

«Гоби, — сообщил Н.М. Пржевальский в письме от 14 января 1871 года Географическому обществу, — своим однообразием производит на путешественника тяжелое, подавляющее впечатление. По целым неделям сряду перед глазами являются одни и те же образы, то неоглядные равнины, отливающие желтым цветом высохшей травы, то черноватые изборозжденные скалы, то пологие холмы, на вершине которых иногда рисуется силуэт быстроногого дзерена. Мерно шагают тяжело навьюченные верблюды, идут десятки, сотни верст, но степь не изменяет своего характера, а остается по-прежнему угрюмой и неприветливой...»

После пяти дней, проведенных в Калгане, экспедиция направилась в Пекин, где прожила почти два месяца, однако времени для подробного изучения этого города так и не нашлось. Все дни проходили в бесконечных хлопотах. Нужно было получить китайские паспорта, приобрести продукты и некоторое снаряжение. А очень ограниченные средства заставляли все закупать, экономя на каждой мелочи.

В марте и апреле было проведено двухмесячное путешествие по

Юго-Восточной Монголии. Через два месяца экспедиция снова вернулась в Калган, и отсюда караван из восьми верблюдов и двух лошадей, ведомый четверкой русских людей, двинулся в загадочную страну Ордос, к изгибу реки Хуанхэ. Начались Ордосские сухие степи, перемежающиеся песками пустынь. Но в мертвых, на первый взгляд, песках встречались и оазисы, в которых росли кустарники и небольшие деревья. Здесь было найдено редчайшее крестоцветное растение — пугоний рогатый, а на южной окраине Монгольского нагорья Пржевальский впервые увидел аргали — крупного горного барана, прыгающего со скал 6–8 метровой высоты, здесь путешественники обнаружили и джейранов, или, как их называли монголы, хара-сульт, то есть чернохвостые антилопы.

Людей в Ордосе почти не было. С середины 15 века тут жили монголы. Но произошедшее за два года до прихода экспедиции Пржевальского дунганское восстание против гнета цинской (маньжурской) династии совсем опустошило край. Местами попадались лишь разоренная деревня или наполовину растерзанный волками скелет убитого дунганцами монгола.

Накануне 1872 года караван достиг города Калгана. Закончился первый этап экспедиции. Теперь Николай Михайлович использовал каждую свободную минуту для составления отчета об экспедиции. А сделано было не мало: собраны

богатые коллекции по зоологии и ботанике, проведены метеорологические наблюдения и астрономические определения местонахождения ряда пунктов, накопился интересный материал о населении Южной Монголии.

И вот, наконец, было получено разрешение китайского правительства на путешествие в Ганьсу, Кукунор, Тибет, и экспедиция отправилась к озеру Кукунор.

«Мечта моей жизни исполнилась, — записал Николай Михайлович. — Правда, такой успех был куплен ценой тяжких испытаний, но теперь все пережитые невзгоды были забыты, и в полном восторге стояли мы с товарищами на берегу великого озера, любясь на его чудные, темно-голубые волны...»

Озеро Кукунор — самый крупный водоем Центральной Азии. Расположено оно неподалеку от окраинных гор Тибета, имеет длину 105 километров, ширину 65 километров, наибольшую глубину 38 метров, площадь его около 4,5 тысячи квадратных километров. В него впадают 23 реки. Так Пржевальский подошел к порогу высочайшего нагорья в мире...

Здесь, на Кукуноре, экспедиции пришлось вновь заменить верблюдов, и на руках у путешественников оставалась ничтожная сумма денег, с которой до Лхасы им было уже не дойти. Это и заставило выбирать дальнейший путь как можно короче.

От озера Кукунор караван отправился на равнины Цайдама,

Персонал третьей экспедиции Н.М. Пржевальского

а от Цайдама, в начале декабря, в Тибет.

Тибетское нагорье встретило их сурово, но лишения и невзгоды, доставшиеся на долю путешественников, не были напрасными. Здесь они увидели множество самых разных видов животных. Тысячные стада яков, антилоп оронго и ада, большие стаи тибетских волков и корсаков встречались буквально на каждом шагу. Обилие мясной пищи позволяло легче переносить условия суровой зимы. А весну путешественники встретили вновь на озере Кукунор. Более двух месяцев посвятили они изучению животного и растительного мира в провинции Ганьсу.

Между тем, от экспедиции Пржевальского не поступало никаких из-

вестий ни в Петербург, ни в Пекин. Неизвестно откуда поползли слухи, что Пржевальский погиб. Сообщение об этом появилось в одной из петербургских газет. Известие вмиг подхватила вся печать Лондона и Парижа. Географическое общество поставило перед русским правительством вопрос о снаряжении большой экспедиции для розыска путешественников. Однако вскоре русский посол сообщил, что, по сообщению китайского чиновника из Алашани, Пржевальский жив, и его экспедиция возвращается назад.

Обратный путь оказался очень тяжелым и многотрудным. Выйдя от озера Джаратай-Дабасу, экспедиция, по словам проводника, должна была через 8 километров встретить колодцы, но и через 10, и 30

километров их не оказалось. Посланные вперед проводники и Пыльцов воды не обнаружили. От жары дохли собаки, а люди изнемогли до такой степени, что думалось, скоро наступит и их конец.

«Положение наше было действительно страшно, — записал вечером в дневнике Николай Михайлович, — воды оставалось в это время несколько стаканов. Мы брали в рот по одному глотку, чтобы хотя немного промочить совсем почти засохший язык. Все тело наше горело как в огне, голова кружилась. Еще час такого положения, и мы бы погибли. Я ухватился за последнее средство: приказал казаку, взяв кастрюлю и чайник, вместе с монголом скакать во весь опор к колодцу... Скоро в пыли скрылись из глаз посланные за водой, и мы брели по их следу шаг за шагом. В томительном ожидании решения нашей участи. Наконец, минут через двадцать показался казак, скачущий назад во весь опор. Но что он вез нам? Весть ли о спасении или гибели? Пришпорив своих лошадей, которые уже едва могли двигаться, мы поехали навстречу и с радостью, доступной только человеку, бывшему на волос от смерти и теперь спасенному, услышали, что колодец действительно есть. Мы получили свежую воду. Напившись и помочив немного голову, мы поехали в указанном направлении и скоро достигли колодца. Дело это было в два часа пополудни, так что по страшной

жаре мы шли девять часов кряду и сделали 34 версты».

5 сентября измученные путешественники все же достигли Урги, и на этом путешествие закончилось. Результаты его были просто удивительны: пройдя 12 тысяч километров пути, члены экспедиции нанесли на карту огромное пространство Центральной Азии до верховьев Голубой реки, неизвестные ранее хребты, горы, реки, пустыни, определили абсолютные высоты Тибетского нагорья, в ряде пунктов измерили магнитное склонение и горизонтальное напряжение земного магнетизма, проводили регулярные метеорологические наблюдения. Привезенные коллекции и гербарии составляли 8200 экземпляров животных, птиц, растений. Был собран богатейший материал о жизни народов, населяющих исследованную территорию.

В январе 1874 года Н.М. Пржевальский прибыл в Петербург. Столица встретила путешественника восторженно. Бесчисленным выступлениям, овациям и застольям не было конца. Эта столичная суматоха очень мешала работать, и Николай Михайлович стремился поскорее вырваться на родную Смоленщину. Но только в начале мая ему это удалось...

22 мая в Отрадном произошло радостное для всех событие: М.А. Пыльцов женился на сводной сестре Николая Михайловича — Александре Ивановне Толпыго.

«Это чисто как в романе, — записал Николай Михайлович, — ездили вместе в далекие страны, а затем, по возвращении, один из путешественников женился на сестре товарища». Про себя же он подумал: «Теперь уж не затащишь его в Центральную Азию. Придется искать нового помощника».

Работа экспедиции получила очень высокую оценку. Географическое общество присудило Н.М. Пржевальскому золотую медаль, М.А. Пыльцову — малую золотую, а казакам — бронзовые. Международный географический конгресс наградил путешественника почетной грамотой, а французское министерство просвещения присудило ему золотой знак «Пальма академии». Пржевальский был произведен в подполковники Генерального штаба. Академия наук приобрела привезенные коллекции за 10 тысяч рублей.

Работая над книгой об исследовании Монголии, Николай Михайлович уже думал о новом путешествии. Нужен был надежный помощник. Пыльцов собрался подавать в отставку, поэтому в экспедицию включили С. Ягунова, который хорошо зарекомендовал себя во время исследования Уссурийского края. Однако произошел трагический случай: купаясь в Висле, Станислав утонул. Тогда выбор пал на сына одного из служителей академии — восемнадцатилетнего Федора Эклона. Пржевальский пригласил юношу в Отрадное, где тот,

под его руководством, прошел необходимую научную подготовку.

Лето 1875 года Н.М. Пржевальский провел в смоленской тиши, заканчивая второй том книги «Монголия и страна тангутов», а весну нового, 1876 года, намеревался встретить уже в Центральной Азии.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ — ЛОБНОРСКОЕ...

В мае сборы завершились, и Николай Михайлович вместе с Эклоном и Повало-Швуйдовским отправились в Пермь.

Отсюда до города Кульджи нужно было добираться на лошадях: в Среднюю Азию железной дороги еще не было.

Планы у экспедиции были серьезные и масштабные: изучить озеро Лобнор, о расположении которого у европейцев имелись весьма противоречивые сведения, достигнуть Лхасы и выйти на берега реки Брамипутры. В этот раз денег на путешествие дали вполне достаточно, поэтому были закуплены значительные запасы продовольствия и снаряжения, которые вместе с оружием и боеприпасами весили около 130 пудов (более 2 тысяч килограммов). Все это пришлось тащить на пяти почтовых тройках по плохой дороге, и путь этот отнял у экспедиции почти больше месяца.

В Семипалатинске их уже ожидали испытанные спутники — каза-

*Н.М. Пржевальский
в 1876 г. После охоты
на Лобноре*

ки Иринчинов и Чебаев, и еще пять человек пополнили экспедицию: три казака и два переводчика. Увеличился и караван: в нем теперь насчитывалось 24 верблюда и четыре лошади.

В Кульдже пришлось задержаться. Нужно было рассортировать все вещи, уложить все во вьюки. В хлопотах и ожидании паспортов прошло несколько недель. Наконец — все готово! Китайское правительство разрешило следовать через Хами и Тибет.

Утром 24 августа караван покинул Кульджу. Решено было вначале обследовать реку Тарим и озеро Лобнор и вернуться назад. О землях, лежащих на пути, почти ничего не известно. Была карта Клапрота, но идти, ориентируясь по ней, все равно, что путешествовать по Европе с картой древних географов Греции и Рима.

И все же начало пути оказалось приятным... Вскоре экспедиция вступила в леса Нижнего Кунгеса, богатые дикими зверьями. Подняв-

шись вверх по течению Кунгеса и далее по реке Цагме, караван вступил в обширную долину Юлдус, усеянную многочисленными маленькими озерами, блестящими на солнце, как звезды. Юлдус и означало — «звезда».

После охоты на Юлдусе, перевалив южные отроги Тянь-Шаня, экспедиция направилась в Восточный Туркестан. Здесь начинались земли недавно возникшего мусульманского государства Джеты-Шар, владения эмира Якуб-бека.

В город Курлю экспедицию не впустили, было разрешено только остановиться в пригороде. Под предлогом охраны вокруг дома установили круглосуточный караул. Более двух недель пришлось прожить здесь Н.М. Пржевальскому, добиваясь разрешения у Якуб-бека проследовать дальше. Все же эмир побоялся ссоры с русскими и пропустил экспедицию на Тарим и Лобнор, правда, сопровождал ее усиленный конвой.

Растительность по берегам Тарима была очень скудной. «Лугов, травы, цветов здесь и в помине нет», — писал в своем дневнике Пржевальский.

Лобнорская пустыня, по описаниям путешественника, была еще более безжизненной. Она оказалась самой дикой и бесплодной, пожалуй, даже хуже Алашаньской. И все же лишения и трудности были не напрасны. Перед путешественниками предстал наконец громадный горный хребет Алтын-

Таг, тянувшийся почти на триста верст.

«Таким образом, — писал Н.М. Пржевальский, — тянется непрерывная гигантская гряда гор от верхней Хуахэ до самого Памира. Эта стена огораживает собою с севера самое высочайшее поднятие Центральной Азии и разделяет его на две резко между собой различающиеся части: монгольскую пустыню — на севере, и Тибетское нагорье — на юге. Нигде более на земном шаре нельзя встретить на таком обширном пространстве столь резкого различия двух рядом лежащих стран... по своему геологическому образованию и топографическому рельефу, по абсолютной высоте и климату, по флоре и фауне, наконец, по происхождению и историческим судьбам народов здесь обитающих».

Это стало одним из важнейших открытий Пржевальского в изучении Центральной Азии. Граница Тибета оказалась на 300 километров севернее, чем предполагали ранее.

Здесь, в открытых им горах, Николай Михайлович и встретил новый 1877 год. И здесь же, в своей походной юрте, подводил итоги десятилетия своих путешествий, записав в дневнике: *«Сегодня исполнилось десятилетие моей страннической жизни. 15 января 1867 года, в этот самый день, в 7 часов вечера уезжал я из Варшавы на Амур.*

Много воды утекло с тех пор, и то, к чему я так горячо стремился,

исполнилось. Я сделался путешественником, хотя, конечно, не без борьбы и трудов, унесших много сил...»

После многомесячных странствий Пржевальский вступил на берега таинственного озера Лобнор. Страну Лоб уже посещал когда-то один из известнейших путешественников средневековья — венецианец Марко Поло, однако об этом озере он даже не упоминает. Между тем, оно изображено еще на древних картах, начиная с 605 года. Так что же это за озеро, расположившееся на краю великой пустыни?

Исследователи определили координаты Лобнора, измерили его величину, глубины и абсолютную высоту его чаши. В длину озеро протянулось более чем на 100 километров, в ширину — около 20, глубина его оказалась небольшой, оно скорее напоминало болото, заросшее тростником. Вода в Лобноре была пресной, так как образовала его река Тарим.

На берегах Лобнора Пржевальский провел февраль и почти весь март. В апреле экспедиция возвратилась в город Курлю и уже через несколько дней отправилась в горы Тянь-Шаня. Но едва путешественники покинули владения Якуб-бека, случилась трагедия: за два дня издохли сразу десять верблюдов. Мечты о посещении Тибета пришлось оставить, нужно было спасти собранные коллекции. Отбросив все ненужное из вещей, экспедиция с трудом добралась до

Юлдуса. И здесь Николай Михайлович узнал, что еще 12 апреля началась русско-турецкая война. Известие это сильно взволновало его.

«В подобную минуту честь требует оставить на время мирное путешествие и стать в ряды сражающихся, — запишет он в дневнике. — Послезавтра pošлю об этом телеграмму в Петербург. Не знаю, какой получу ответ. Куда придется ехать? На Дунай или на Брамалутру?»

Пришла ответная телеграмма из Петербурга. В ней говорилось, что путешествие следует продолжать, и что в армии и без Пржевальского достаточно офицеров.

Уже весь Восточный Туркестан был охвачен гражданской войной, поэтому приняли решение проникнуть в Тибет через Джунгарию. На подготовку ушло два месяца...

28 августа 1877 года караван экспедиции покинул Кульджу. Путешественники и не предполагали, что судьба уже приготовила для них новые суровые испытания.

Опасения за здоровье Николая Михайловича не были напрасными... Уже через месяца он почувствовал себя очень плохо: распухло лицо, болело горло, по ночам трясла лихорадка, а главное, привязалась пустынная болезнь — зуд кожи. Заболел этой болезнью и Эклон, а также еще два казака. Достигнув города Гучена, экспедиция остановилась: состояние Пржевальского не позволяло двигаться далее по маршруту.

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ 1839-1888

Взвесив все обстоятельства, решили возвратиться в Зайсанский пост, вылечиться там и тогда с новыми силами опять идти в Гучен и даже в Тибет. Тяжело далось принятие этого решения, но иного выхода не было...

20 декабря прибыли в Зайсан. Условия для лечения оказались здесь отвратительными. Лекарство из лазарета приносили, за неимением пузырьков, в водочных бутылках. Вокруг процветали пьянство, карты, разврат, казнокрадство и взяточничество.

Очень беспокоило Николая Михайловича отсутствие писем из до-

ма. Предчувствие чего-то нехорошего томило Пржевальского, а болезнь лишь усиливала эту душевную смуту.

В середине марта подготовка к походу в Тибет все же началась.

Но будто злой рок преследовал Николая Михайловича. 25 марта

нарочный из Зайсана привез телеграмму от брата из Москвы. Предчувствия не обманули его: еще 18 июня прошлого года умерла его мать. Родные скрывали эту горестную весть, заботясь о его здоровье, но, узнав, что он отправляется в Тибет, решили сообщить скорбную весть.

«Теперь же к ряду всех невзгод, — записал в дневнике Пржевальский, — прибавилось еще горе великое. Я любил свою мать всей душой.

...Буря жизни, жажда деятельности и заветное стремление к исследованию неведомых стран Внутренней Азии — снова отрывали меня от родного края. Бросалось многое, даже очень многое, но самую тяжелою минутою всегда для меня было расставание с матерью. Ее слезы и последний поцелуй еще долго жгли мое сердце. Не один раз среди дикой пустыни или дремучих лесов моему воображению рисовался дорогой образ и заставлял уноситься мыслию к родному очагу...»

Судьба экспедиции окончательно решилась. Путешествие было отложено до более благоприятных времен.

ЛЮБИМАЯ СМОЛЕНЩИНА

В мае 1878 года Николай Михайлович уже был в Петербурге. Все перенесенные беды не прошли бесследно. Врачи констатировали у него общее нервное расстройство

и настоятельно советовали некоторое время пожить на природе. В начале июня великий путешественник получил четырехмесячный отпуск для восстановления здоровья и приехал в Отрадное.

Началась спокойная жизнь в деревне. По совету врачей Николай Михайлович ежедневно купался или обливался холодной водой. Он пока старался не думать о Центральной Азии, но жизнь настойчиво напоминала об этом далеком крае. Парижское Географическое общество прислало золотую медаль, присужденную за прошлые экспедиции. Получены радостные вести и из Берлина: по случаю пятидесятилетия берлинского Географического общества учреждена золотая медаль имени Гумбольта, и берлинское общество считает, что первым человеком, который должен быть награжден этой медалью, является русский путешественник Пржевальский. Председатель общества Н. Нахтигаль в письме к Николаю Михайловичу отметил: *«Вы... во время продолжительного и опасного путешествия собрали свежие лавры раньше, чем мы успели вплести скромный наш листок в ваш славный венец».*

К этому времени была закончена работа над книгой «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор», и ее выход вновь привлек огромное внимание к имени путешественника... Русская Академия наук и Ботанический сад избрали Пржевальского своим почетным членом. Лондон-

ское Географическое общество наградило его королевской медалью.

Николай Михайлович написал в Генеральный штаб и в Географическое общество докладную записку о новом путешествии в Центральную Азию, в которой доказывал, что изучение Тибета имеет огромный научный интерес. Географическое общество планы предстоящей экспедиции одобрило и отпустило необходимые ассигнования.

20 января 1879 года Пржевальский вместе с членами экспедиции — Ф.Л. Эклоном, В.И. Роборовским, унтер-офицером Никифором Егоровым и ефрейтором Михаилом Румянцевым, выехали из Петербурга.

ПЕРВОЕ ТИБЕТСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В самом конце февраля 1879 года в русском пограничном пункте Зайсан собрался весь состав предстоящей экспедиции — все 13 человек. Кроме двух помощников — Ф.Л. Эклона и В.И. Роборовского — Пржевальский пригласил опытного препаратора Андрея Коломейцева, который ранее участвовал в экспедициях географов Н.А. Северцева и Г.Н. Потанина, а еще трех солдат, пять забайкальских казаков и переводчика.

Во время этого третьего путешествия он намеревался исследовать растительность, животный мир, поверхность и климат Тибета, а также жизнь и быт его населения.

На рассвете 3 апреля караван из 35 верблюдов и 5 лошадей двинулся из Зайсана в путь, а к концу мая экспедиция прошла уже свыше тысячи верст. Обогнув восточную оконечность Тянь-Шаня, она добралась к озеру Хами. Теперь кругом виднелись поля пшеницы и ячменя, плантации знаменитых хамийских арбузов и дынь. Здесь Пржевальский решил дать своим коллегам отдохнуть хотя бы несколько дней.

1-го июня караван покинул Хами и направился к оазису Сачжоу.

Оазис встретил путешественников прохладной тенью ив и тополей. Вокруг зеленели поля, было множество птиц, фазаны токовали прямо у палаток.

К середине августа экспедиция перебралась в урочище Сыртын. Здесь едва не погиб один из членов экспедиции — казак Егоров. Его послали преследовать раненого яка, но к ночи он не вернулся в лагерь... на утро также не пришел. Погода стояла очень холодная и ветреная. Пять суток искали путешественники своего товарища, но — увы!

В очень подавленном состоянии покинули они злополучную стоянку. И вот, пройдя 30 километров пути, ехавший впереди казак Иринчев вдруг заметил, что какое-то живое существо спускается с горы по направлению к каравану. Вначале подумали — зверь, но, присмотревшись внимательнее, поняли — это человек. Эклон и один из казаков рванули ему на-

встречу... и через полчаса к каравану подошел сам Егоров!

«В эту минуту почти все плакали от волнения и радости... Страшно изменился за эти дни наш товарищ, едва державшийся на ногах. Лицо у него было исхудалое и почти черное, глаза воспалены, губы и нос распухшие, покрытые болячками, волосы всклокоченные, взгляд какой-то дикий... Одна злосчастная рубашка прикрывала его наготу; фуражки и панталон не имелось; ноги же были обернуты в изорванные тряпки».

Трое суток стоял караван на месте — все опасались за здоровье Егорова. Оказалось, что он заблудился. Еще бы сутки—другие, и Его-

ров умер бы от истощения. Его спасла случайность... Только не случайным было то, что за все пять путешествий, полных лишений и опасностей, Пржевальский не потерял ни одного человека из состава экспедиции.

В горах Кук-Шили их ожидали еще большие испытания. Снегопады завалили все перевалы, лошади и верблюды постоянно падали, в результате караван зашел в ущелье, откуда дальше идти было невозможно. Проводник сознался, что дороги он не знает, и Пржевальский решил разыскать ее разъездами. Ночью морозы достигали 20 градусов, жилья вокруг не было на сотни верст, и ночевать прихо-

дилось всем в одной юрте, в жуткой тесноте. Несколько верблюдов и лошадь издохли от истощения, остальные едва волочили ноги. Но, несмотря на лишения, экспедиция упорно двигалась вперед...

Вот уже пройдены хребет Думбуре и гора Цаган-Обо. Караван достиг верховьев Янцзыцзяна, знаменитой реки, оплодотворяющей своими водами половину Китая, и, перейдя ее, вышел к новой преграде — покрытому вечными снегами хребту Тангла. Подъем на него продолжался восемь суток. Продвигались медленно: животные совсем отощали, люди страшно устали, кроме того, караванная тропа покрылась льдом, и приходилось сыпать ее песком или глиной. Встречный студёный ветер, переходящий в бурю, еще больше затруднял продвижение.

Только 7 ноября экспедиция достигла перевала на высоте 5 тысяч метров.

Залп из берданок и троекратное «ура» прогремели над заснеженными вершинами Тангла в честь покорения их русскими.

Покинув горы Тангла, путешественники двинулись на север.

Пржевальский решил идти в Цайдам и посвятить весну и лето исследованию верховьев Желтой реки, где еще не бывали европейцы.

Новый, 1880 год экспедиция встретила в Думбуре. А в России и в западноевропейских странах опять разнесся слух о гибели Пржевальского. Австрийские газеты со-

общили, что, по сведениям графа Сечени, путешественник ограблен и убит.

В Петербурге газета «Голос» писала, что он находится в плену, а журнал «Исторический вестник» сокрушался: *«Ливингстона искали, Пайера искали, а Пржевальского никто искать и не думает. Стоило бы, однако, озаботиться о его судьбе».*

Тем временем экспедиция с гор Думбуре спустилась в долину реки Найджин-Гол. Во второй половине марта, перевалив через два горных хребта, путешественники увидели Желтую реку, широкой лентой извивавшуюся в темной кайме курстарника, и гигантские обрывы на противоположном берегу.

Три месяца провели они в бассейне Хуанхэ, собирая богатую коллекцию растений, но пробиться к истокам реки этим маршрутом так и не удалось из-за недоступности горных хребтов и невозможности переправиться на другой берег.

19 октября 1880 года прибыли в город Ургу. Остались позади 19 месяцев трудов, лишений и невероятных опасностей, было пройдено около 8 тысяч километров, в толстых дневниках собрано множество фактов из жизни тибетцев, тангутов, китайского населения Наньшаня.

«Утешительно для меня, — писал Пржевальский, — что эти быстролетные исследования в будущем послужат руководящими нитями, которые поведут в глубь

Азии более подготовленных, более специальных наблюдателей».

ОТДЫХ В СЛОБОДЕ

Вернувшись в Россию, Пржевальский прямо из Москвы сразу отправился в Отрадное.

Он загорел, похудел, виски его еще больше тронула седина, но при этом выглядел очень бодрым. К сожалению, радость первых дней пребывания в усадьбе быстро прошла. Грохот поездов и гудки паровозов докатились и до глухих лесов, в окрестностях активно вырубались леса, а по деревьям стали появляться кабаки. Часто тишину деревенской идиллии нарушали крики, пьяные вопли — это была очередная драка в кабаке.

Пржевальский возмущался и даже записал в своем дневнике: *«Могу сказать только одно, что в обществе, подобном нашему, очень худо жить человеку с душой и сердцем. Нет, видно, никогда не привыкнуть вольной птице к тесной клетке, никогда и мне не сродниться с искусственными условиями цивилизационной, правильнее — изуродованной жизни».*

Теперь он окончательно принял нелегкое решение — покинуть Отрадное и поселиться где-нибудь в более тихом месте. Подыскать такой уголок Николай Михайлович попросил отчима Ивана Демьяновича Толпыго, поскольку его самого ждали дела в столице.

Утром 7 января 1881 года на перроне вокзала в Петербурге собрались члены Географического общества, академики, офицеры Генерального штаба, литераторы, журналисты. Столица ждала своего героя. И как только из вагона показался Николай Михайлович, раздались крики «ура» и громкие аплодисменты. Почти на руках он был внесен в зал, специально подготовленный для встречи.

И замелькали один за другим суматошные дни столичной жизни. Николая Михайловича всюду узнавали, приставали с расспросами, толпами сопровождали по городу. *«Это хуже всякого путешествия»*, — жаловался он друзьям.

Петербург, а вслед за ним и родной Смоленск, избрали Н.М. Пржевальского почетным гражданином. Московский университет присвоил ему звание почетного доктора зоологии. Петербургский университет, Общество естествоиспытателей, Уральское общество любителей естествознания, Венское, Итальянское, Дрезденское, Северокитайское и Лондонское географические общества сообщали об избрании знаменитого русского путешественника своим почетным членом.

Только в конце мая Николай Михайлович вернулся в Отрадное.

Отчим привез кучу писем, полученных на опубликованное им объявление о покупке имения. Но сразу же почему-то привлекло предложение отставного артиллерийского поручика Леонида Глинки, вла-

дельца села Слобода, Поречского уезда.

М.А. Пыльцов согласился съездить и посмотреть имение. Через два дня он вернулся с письмом Леонида Глинки, в котором владелец сообщал о согласии немедленно продать имение за 26 тысяч рублей, и с безудержным восторгом рассказывал о Слободе и ее окрестностях.

В то время Слобода была захолустным селом. По переписи населения 1859 года в ней значилось

всего пять домов, в которых жили 16 крепостных мужского пола и 25 женского.

Приобретя имение, Николай Михайлович сразу же занялся благоустройством новой усадьбы. Вокруг нее был посажен сад и большая березовая роща, часть которой сохранилась и поныне. В саду был вырыт пруд, и туда запустили рыб.

Теперь друзья в шутку говорили, что в поместье нужна бы хорошая хозяйка, но Пржевальский с

жаром отвечал: *«Не изменю до гроба тому идеалу, которому посвящена вся моя жизнь. Написав, что нужно, снова махну в пустыню, где при абсолютной свободе и у дела по душе, конечно, буду сто- крат счастливее, нежели в раззолоченных салонах, которые можно приобрести женитьбою».*

В заботах о делах по имению, в работе над книгой, в рыбной ловле и охоте да в прогулках по окрестностям незаметно прошло лето. Все это время у него в Слободе жили В.И. Роборовский и унтер-офицер М. Румянцев. С другими спутниками по последнему путешествию Николай Михайлович поддерживал активную переписку.

А главное, в голове уже зрел план новой экспедиции. Но здесь неожиданно огорчил Эклон — он собрался жениться и от участия в экспедиции отказался.

Стало ясно, что вдвоем с Роборовским невозможно будет выполнить всю научную работу, требовался еще один помощник и сподвижник. Узнав об этом, многие стали предлагать свои услуги, готовые на все, только бы попасть к знаменитому путешественнику. Пржевальский не торопился с выбором. Выбирать спутника для такого долгого и трудного пути надо чрезвычайно придирчиво. В это самое время он и познакомился с конторщиком слободского винокуренного завода Петром Козловым, который с увлечением читал книги великого путешественника и

грезил о «далеких странах», о высоких нагорьях Тибета.

После нескольких встреч и бесед Пржевальский понял, что Козлов — самая подходящая кандидатура для экспедиции. Тот же был в восторге: *«Сбылось несбыточное!»*

Наконец к путешествию все было готово.

«Грустное, тоскливое чувство всегда овладевает мною, лишь только пройдут первые порывы радостей по возвращении на родину. И чем долее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе».

«Нет, видно, никогда и мне не сродниться с искусственными условиями цивилизации, правильнее — изуродованной жизни». С таким настроением летом 1883 года Николай Михайлович покинул Слободу и уехал в Москву, где собирался «штаб» будущей экспедиции.

ВТОРОЕ ТИБЕТСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Во время прошлых трех экспедиций в Центральную Азию Пржевальскому вместе с помощниками удалось исследовать огромные, почти недосыгаемые территории. Но все равно работы эти не были завершены. Неисследованным оставалось величайшее плоскогорье Тибет между 30-м и 39-м градусами

северной широты и 32-м и 102-м градусами восточной долготы, площадью более 148 тысяч квадратных километров. Его-то и намеревался исследовать Пржевальский во время нового путешествия.

На расходы экспедиции, в которой участвовал 21 человек, было отпущено 43 580 рублей, сумма по тем временам весьма большая.

Первым помощником был назначен В.И. Роборовский, вторым — двадцатилетний П.К. Козлов. В экспедицию были включены уже проверенные на деле казаки Дондок Иринчинов и Пантелей Телешов. Четвертое путешествие началось!

В первый день нового, 1884 года Николай Михайлович и его спутники уже любовались пейзажами Алашаньских гор. От Урги было пройдено 1120 километров. А в мае они разбили бивуак на правом берегу Хуанхэ, в трех километрах от ее истока. Впадина Одон-Тала, откуда начиналась Хуанхэ, протянулась в длину верст на 70, в ширину на 20 и изобилвала множеством кочковатых болот, ключей и маленьких озер.

Пржевальский определил точные координаты истоков Хуанхэ и нанес этот район на карту. Важная географическая задача была решена. Так прошел год, и в октябре следующего караван начал восхождение на Тянь-Шань через перевал, лежащий на высоте 4100 метров. Вступив на русскую землю, путешественники дали залп из винтовок и револьверов, и Николай

Михайлович обратился к участникам экспедиции: *«Сегодня для нас знаменательный день: более двух лет минуло с тех пор, как мы начали из Кяхты свое путешествие. Мы пускались тогда в глубь азиатских пустынь, имея с собою одного лишь созника — отвагу; все остальное стояло против нас: и природа, и люди.*

Мы выполнили свою задачу до конца — прошли и исследовали те местности Центральной Азии, в большей части которых еще не ступала нога европейца. Честь и слава вам, товарищи! О ваших подвигах я поведаю всему свету. Теперь же обнимаю каждого из вас и благодарю за службу верную — от имени науки, которой мы служили, и от имени Родины, которую мы прославили...»

ОБОРВАВШАЯСЯ ЖИЗНЬ

... Эпизоды его жизни, картины виденного и пережитого стремительно пронесли перед его внутренним взором, и теперь он умирал, зовя в горячечном бреде брата, мать, отца...

— *Я несколько не боюсь смерти, — выкрикивал он в бреде, — я ведь несколько раз стоял лицом к лицу с ней. А похороните меня непременно на Иссык-Куле, на самом красивом берегу... Да-да, а надпись сделайте простую: «Путешественник Пржевальский». В гроб меня положите в экспеди-*

ционной одежде. И, пожалуйста, доктор, дорогой, не анатомируйте меня! А ты, — вдруг указал он движением глаз на Роборовского, — сними с меня фотграфию с ланкастером. Ланкастер оставляю Роборовскому, — громко объявил Николай Михайлович. — Слободу передаю Володе в майорат, если же он вдруг откажется, — Ляле, дочери брата Евгения, Ефиму Сергеевичу — наградные триста рублей. Нефедку, гренадера — спутника, пристроить навсегда в Слободу. Мои специальные журналы с заметками о зверях — Бихнеру, с заметками о птицах — Плеске... — И Пржевальский затих.

Опять потянулись мучительные минуты забывтья, которые совсем незаметно для окружающих перетекли в вечный покой...

Город Каракол в Киргизии, где скончался великий русский путе-

шественник, вскоре переименовали в город Пржевальск. □

*Могила
Н.М. Прже-
вальского*

ЗА

Сергей Петров

ГЛАЗА

Минувшим вечером майор не пил и чувствовал себя отлично. Утренняя пробежка — ясная голова. Отсутствие тумана в ней — гарантия молниеносного принятия правильных решений.

Он стоял на крыльце отдела, смоля «Кэмэл». Сигарета переключивалась из одного угла рта в другой. Струи дыма, ускоряемые мощными выдохами, разбивались о козырек здания с вывеской — ПОЛИЦИЯ.

Майор наблюдал за толпой цыган.

Человек семьдесят, не меньше, они шарахались по газону, размахивали руками, гомонили. Страшная нужда привела их сюда — вызволить своих соплеменниц. Три цыганки умыкнули кошелек у обычной тетке, когда та прогуливалась меж рыбных рядов. Ей повезло, этой тетке. Стоило обнаружить пропажу и завопить: «Обокрали!», как цыганкам тут же преградил дорогу патруль.

Майор был рад такому «улову», он прекрасно знал, что с ним делать. Пусть кошелек сброшен, пусть цыганки в «отказе», но вот он — табор ро-

димый — первым дал слабину, притащился явно не для того, чтобы просто посмотреть. Решать вопрос притащился. Как минимум, тысчонок пять снимет с них сегодня майор, а, может, и десяточку удастся.

От толпы отделились двое. Пузатые, рубахи на выпуск, спортивные брюки, усы, свисающие едва не до ключиц, золото на пальцах. Сашка и Яшка. Два брата. Два уважаемых рома, без пяти минут бароны, — майор узнал их сразу. Сашку в прошлом году он пытался забросить на нары за торговлю героином (не вышло, вину на себя взяла мамаша), Яшку хотел посадить за мошенничество, — результат тот же (судимость обрела дочь).

Они пробубнили что-то на своем языке.

Сашка в приветствии снял бейсболку, Яшка приподнял замызганную шляпу. Поклонились. Нагрудные карманы рубах оттопырились под грузом беспорядочно напиханных купюр.

— Мы готовы к разговору, командир.

— Пятерка, — отчеканил майор.

Цыгане тяжело вздохнули и стали неспешно подниматься по ступенькам. Сашка вошел в отдел первым. При соприкосновении с полом шлепанцы его несколько раз издали протяжный чавкающий звук. Яшка брел бесшумно, так как был бос.

— Светлана Николаевна! — обратился майор к тетке, куковавшей в пустом кабинете для допросов задержанных. На голове — химия, физиономия гневно-красная, глаза навывкате, звериный оскал.

Он предложил им побеседовать, сам же прошел в кабинет напротив и присел на стул у окна, закинув ногу на ногу. Майор всегда так поступал в подобных ситуациях — сводил оппонентов, когда страсти чуть угаснут, а сам уходил в сторону, дабы фон юриспруденции не затмевал лучи житейской мудрости, начинающие исходить от сторон.

— Сколько у тебя в кошельке было денег? — донеслось до него.

— А то вы не знаете!

— Не знаем. Откуда знать?

— Врете вы! Знаете! Все знаете!

— Зачем неправду говоришь? Бог тебя за это накажет, женщина!

— А вас не накажет?

Майор сделал последнюю затяжку, вдавил окурочок в пепельницу, приоткрыл форточку.

Цыгане уже не гомонили. Мужчины деловито шушукались, женщины и дети молча сидели на земле. Лишь один мальчуган лет шести-семи держался от сородичей особняком. Он бродил по свежевыкрашенному бордюру и плакал, утирая кулачком слезы. Наверняка одна из томившихся в застенках цыганок приходилась ему матерью. Или сестрой.

Майор никогда не испытывал сочувствия к этим людям. Одни рыскали по улицам в поисках лоха. Находили, кланчили деньги, дули в кулак, и лохи прощались с деньгами навсегда. Другие продавали наркоту и воровали. Ничего святого. И не из-за любви к своим соплеменницам они притащились сюда. Потеряли ресурс — три боевых единицы, и теперь его требовалось восполнить.

«Что ж, — подумал про себя майор, — восполняйте. — И скаламбурил, имея в виду собственный бюджет: — И пополняйте».

Он отлично научился пополнять его за двадцать лет службы. Спокойно, самоуверенно, без лишних напрягов. Начал со «своих» адвокатов, что отстегивали с клиента процент. После научился брать напрямую. Оброс связями, окреп. А отслужив лет семь-восемь, внезапно осознал, что уже не ищет денег — деньги сами находят его.

Корил ли себя за это майор? Нет. Государство плевало на него, он плевал на государство. Он отчетливо помнил те времена, когда им, ментам, не выплачивали жалование месяцами, как и работягам на заводах. Что же оставалось делать, когда живешь с молодой женой и малолетним ребенком в общаге с проваливающимся потолком? Только мутить.

И он мутил.

Ради семьи, ради сына, когда-то светловолосого мальчика с чистыми голубыми глазами, радующегося любой новой игрушке, да что там игрушке, каждому папиному приходу с работы домой! Бежал, спотыкался, падал, но непременно добегал, обнимал и кричал: «Ура!» Папа — герой. Папа ловит бандитов. Поэтому папа редко бывает дома. И каждый его приход для сына — праздник.

А сейчас? 19 лет — «белый билет». Толстый и ленивый, как тюлень. Как-то обозвал отца «держимордой». Не понравилось ему, видите ли, как тот повел себя за ужином, окрестив политических оппозиционных деятелей проходимцами, ворами и скинхедами.

— А вы-то сами — кто?! — не выдержав, взвыл тюлень. — Бессребреники? Ась?

От неожиданности, от этого ернического «ась» майор выронил вилку.

— Ой, — уже чуть тише продолжал сын, — извини! У вас же реформу сделали... Вам зарплату подняли... И вы теперь стали честными, все до одного... Держиморды, — с ненавистью заключил он, — держиморды вы и лицемеры!

Майор вспылел. Он стал метаться по кухне, плевать в раковину, материться. Не столько потребительское хамство разозлило его тогда (что же ты за счет держиморды живешь, сынок, как тебе хлеб его есть не противно?), сколько слепота и глухота сына.

Едва ли не каждый вечер, сидя за ужином, в разговоре с женой майор последними словами костерил молодых «бычков», появившихся в отделе после не очень внятных, но чрезвычайно суровых слов «наверху» о срочной необходимости реформы и чистки милицейских рядов.

Молодые, наглые, без тормозов, они заявили в отдел стадом. Начальник, замы, начальники отделений. Заявились и начали мутить так, как ему, майору, и не снилось.

Себя он, конечно, к ангелам не причислял. Брал. И временами брал лихо. Но одно дело — развести на «бабки» какую-нибудь гламурную дуру, которую вытащили из клуба с порошком в сумочке, или окучить проворовавшегося чинушу среднего пошиба, и совсем другое — сливать информацию братве, выпускать пачками на волю отморозков, вымогать деньги у задержанных, требовать калым с подчиненных.

А что до лицемерия, так их словесам могли бы позавидовать лучшие замполиты советской и ельцинской эпох. Настолько правильно звучали словеса на всевозможных совещаниях и планерках, что майору казалось, будто не на совещании он сидит, а присутствует на службе в храме.

Нет. Он не желал примыкать к ним. Не хотел. Потому что противно, потому что устал постоянно подстраиваться под новую метлу, которая метет все более беспорядочно. Одного хотел майор — сорвать последний куш и свернуть на свою дорожку. Пенсионную. Все.

При мысли о куше он подался вперед и посмотрел в сторону «переговорщиков». Градус напряженности за столом переговоров зашкаливал.

— Сколько ты хочешь? — агрессивно шипел Сашка.

Тетка смотрела на него так, будто лишилась не кошелька, а потеряла крупный преуспевающий конезавод.

— Четыре тысячи! — твердо ответила она.

— Не было там четырех тысяч!

— А ты-то почему знаешь, сколько там было?

— Ты — злая женщина! Злая ты...

— Злая, не злая, а деньги свои прошу! Не чужие!

— Как тебе не стыдно? Колом в горле эти деньги встанут! Ночью не проснешься! Умрешь!

Тетка с размаху ударила ладонью по столу и заголосила:

— Товарищ майор! Я требую....

— Тише! Замолчи! Бери! Бери, ненасытная!

По полированной столешнице, одна за другой, отправились к тетке тыщачерублевые купюры.

— И еще полторы!

— Сколько?!

— Полторы тысячи кошелек стоит! Новый!

— Да чтоб ты сдохла!

— Плюс еще две! За моральный ущерб!

— Ох, гореть тебе в аду, женщина....

Майор тихонько присвистнул.

«Прошу привлечь к ответственности, — всплыли в памяти каракули в заявлении, — лиц, укравших у меня восемьсот сорок три рубля».

... Когда он зашел к ним, тетка удовлетворенно утрамбовывала деньги в бюстгальтер.

— Взаимные претензии имеются?

— Нет! — бодро ответствовала потерпевшая.

— Тогда все свободны.

Тетка вылетела пулей. Братья-цыгане, бормоча проклятия, начали выбираться из-за стола.

— Отпускай, Петро! — крикнул майор дежурному.

Сашка полез в карман за деньгами. Майор остановил его, указав пальцем вверх — вдруг видеожучков сюда напихали, на улице рассчитаемся. Сашка понимающе кивнул.

Лязгнули затворы и цыганки вышли из камеры. Майор появился на крыльце последним.

Яркие цветастые юбки, серьги в ушах, цыгане окружили крыльцо, приветствуя освобожденных пленниц. Яшка покатился со ступеней в толпу, Сашка остался рядом, неся околесицу про то, как тяжело живется цыганам в наши дни, не понимают их окружающие люди, и еще про восьмерых внуков, которые, издеваясь над ним, постоянно прячутся в огороде, затерявшись среди обильно растущих подсолнухов.

У майора не было времени слушать его откровения. Он собрался, было, вытащить руку из кармана, чтобы приобнять Сашку и отвести в сторонку, но привычным свободным движением сделать этого у него не получилось. Рядом с майором стоял цыганенок. Тот самый, из окна. Стоял, взявшись за рукав его форменной рубахи, и смотрел ему в лицо.

— Она больше не будет.

«Что за номер?» — опешил майор и подумал, что сейчас начнется привычная для цыганской мелюзги процедура — попрошайничество.

Но мальчик не кланчил денег. К величайшему удивлению майора, он — благодарил.

— Правда, не будет. Мы к бабке в Ростов уедем. Я в школу пойду, она — работать. Честное слово, дяденька...

Майору стало как-то не по себе, ему показалось, будто стоит он здесь — бугай бугаем, високий, мощный как ледник, а от слов этих сейчас начнет таять, и не станет его вовсе.

«Что ж ты смотришь на меня? — затосковал он.— Зачем? Или это штучки ваши цыганские — смотреть, смотреть, а потом взять и стырить что-нибудь?»

Захотелось вдруг, чтобы влез цыганенок к нему в карман, а он перехватил бы его руку и отвесил смачный подзатыльник. А потом бы взял свою долю, да и ушел восвояси.

Но, нет. Майор видел, что мальчик говорит правду и ничего красть не собирается. Не было в этом взгляде ни вороватости, ни обмана. Он стоял сам по себе, белая ворона, безразличный участникам этого спектакля, где каждый знал свою роль назубок. Сколько их, таких алчущих, повстречал в этих стенах майор! Потерпевшие, подследственные, свидетели, менты, адвокаты. Истеричные, лживые, продажные... И как же не похож на них этот пацан! Простой цыганенок, до которого никому нет дела.

Он смотрел в его глаза и видел надежду, целое море надежды, в котором его практичность и цинизм утопали без вариантов, а самого относилось черт знает куда. Может быть, в книжное детство, населенное благородными индейцами, а может, и ближе, в молодость, когда он, выпускник «вышки», стоял один против двух ножей в пьяной общаге и не помышлял о дарах.

«Ты не хочешь быть стадом, майор, — говорили ему эти глаза, — так не будь им. Только по-настоящему не будь, по-честному, ладно?»

Майор потрепал его вихрастые волосы, и губы паренька тронула легкая улыбка. От этой улыбки у майора все внутри сжалось, и он уже знал, что сейчас сделает. Бесцеремонно вытащив из Сашкиного кармана добрую охапку купюр, он вложил ее мальчику в ладонку. Потом сгреб Сашку за воротник, рывком притянул к себе, и без пяти минут барон буквально оцепенел от внезапного приступа страха.

— Не мешай им. Пусть едут, куда хотят. Понял?

— Да, командир, — испуганно закивал Сашка.

— Обманешь — наркоту найду у тебя и оружие. Лично у тебя! Уяснил?

— Уяснил, уяснил...

Майор отпихнул от себя Сашку и вошел в казенный дом, отгородившись от цыганского мира тяжелой дверью с решеткой.

— Че, Андрюха, — спросил у него хмурый Петро, — отпустил?

— Отпустил.

— И за что процесс?

Андрей подмигнул дежурному и хлопнул по плечу:

— За глаза, Петюня. За глаза.

Петро печально ухмыльнулся. Он знал: если мент берет незаметно, то не делится никогда. □

Лина Наумова

Сергей Дождь

РАСШИРЕНИЕ

Новое
направление
в живописи —

пси-абстрактная живопись (Пси-абстракционизм) — это в первую очередь философия и попытка переосмыслить пройденный путь искусства, желание художника доказать то, что новые способы самовыражения еще возможны

*Абстрактное Творчество.
И всегда триединство...*

Холст, масло

пространства АБСТРАКЦИИ

Не каждому художнику дано изображать не объект, а природу объекта, погружаясь в медитацию, блуждать по закоулкам неосознанного, вынимая новые смыслы, и даже, наверное, получать откровения. Таков художник Сергей Дождь. Этот исследователь неосознанного мира является зрителю синтетическо-философскую живопись — «изнанку» созна-

ния. Причем, анализирует он собственные, а не чужие мысли-формы, мысли-чувства, впрочем, как и положено художнику. Предметом его живописи являются не столько абстрактные формы, геометрические фигуры, иногда напоминающие запущенные часовые механизмы, сколько метафизические свойства этих механизмов. Ему интересна сама механика пространства и путешествие по миру внутреннего «Я». Для его творческого мышления основным компонентом является интуиция. Сергей Дождь называет это интуитивными потоками. Он по-

Слева: *Крипто Абстракция.
Когда бессознательное
закрывает сознание...*

Холст, масло

*Надабстракция.
Художественная
абстракция
абстрактного
умозаключения...*

Холст, масло

Справа:
*Гармонии
техники —
сила, точность,
скорость —
абстракции.*

Холст, масло

казывает, например, как работает интуиция, как она улавливает нужные образы в потоке сознания.

С.Д.: «Интуиция как бы создает специальный инструмент — интуитивный «крюк», который забрасывается в бесконечный поток образов в сознании и улавливает то, что ей нужно...»

Интуиция — важнейший инструмент, некий невидимый компас, с помощью которого художник чувствует, в каком направлении нужно идти. Можно сказать, что всегда это движение вслепую, в этом пути нет зарубок, отметок, опознавательных знаков и указателей, это движение на свой страх и риск. И каков будет

Внизу:
*Абстрактный
Пси-арт, Абстрактное
головокружение. Когда
неосознанное вне контроля
сознания...*

Холст, масло

результат этого пути, неизвестно. Ведь так интересно входить в пространства неведомые, недоступные в обыденном мире, даже опасные, так как речь идет о тонких уровнях человеческой психики.

С.Д.: «Пси-абстракционизм позволяет заглянуть в совершенно парадоксальные места нашего внутрен-

него мира — темные пятна сознания. Это места полного отсутствия привычного понимания, это скорее присутствие самого непонимания. И обнаруживаются они от обратного — именно по наличию внутри нас таких областей полного непонимания. Осознаешь словно какую-то темную щель в сознании и то, что в данном месте

Слева: *Абстрактный Хаос.*
И всегда движение...

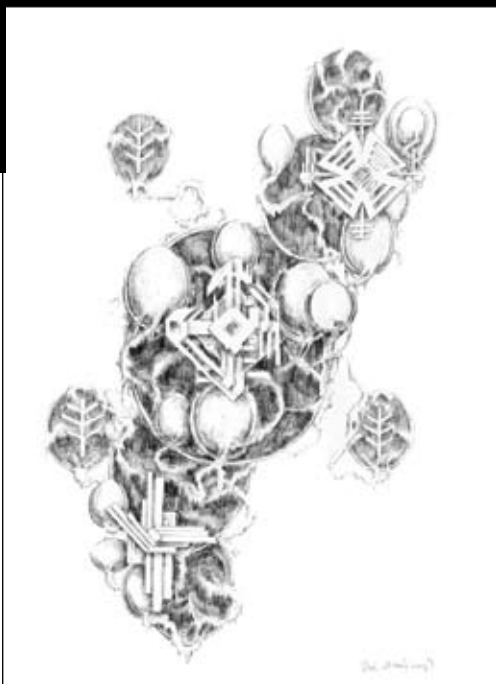
Холст, масло

Наверху:
Интуитивное прожигание.
Дуга интуиции прожигает
меж двух неосознанных
образов третий...

Холст, масло

Справа:
Истоки абстракции.
Начало понимания
в непонимании...
Пси-парадокс.

Бумага, карандаш

не работает ни осмысление, ни чувства, ни интуиция».

Кому-то, возможно, покажется, что пси-абстрактные работы Сергея Дождя — это всего лишь хаотично разбросанные по холсту разноцветные пятна, лишённые логики и гармонии, но и абстракционизм, как явление, появившееся в начале XX века, воспринимали с трудом, точнее, его была в состоянии воспринять лишь небольшая группа интеллектуалов. Сегодня абстракционизм также не стал массовой культурой и, возможно, никогда не станет ею.

Свои картины Сергей Дождь сопровождает подробными пояснениями, как бы предвосхищая недоуменные вопросы: «А что это такое?!»

Например, «Гармонии техники — сила, точность, скорость — абстракции». Восприятие удовольствия почти от каждой машины — это, в том числе, неосознанные ощущения в нашем сознании, в которых сливаются воедино такие факторы, присущие технике, как сила, точность и скорость. Естественно, дизайн здесь вынесен за рамки.

Каждая новая работа художника — это новая энергия, не нужно воспринимать работы Дождя как схематические изображения, это некий энергетический поток, который транслирует автор, это вибрации, которые возможно уловить зрителю только в том случае, если сам зритель готов настроиться, погрузиться в эту глубокую медитацию.

Если уметь прислушиваться, то энергия, исходящая с холста, становится осязаемой, она визуальна.

Можно сказать, что автор имеет модельное видение мира. Вызывая видения внутренним взором, он чувствует потребность делиться откровениями, осмысливать их.

Своим квадратом Казимир Малевич, с одной стороны, сделал шаг в новое искусство, с другой — поставил своеобразную точку в искусстве, это вершина — дальше ничего нет. Но Сергей Дождь решил оспорить этот тезис мастера, «накусил» со всех сторон «Чёрный квадрат» и, *voilà*, явил миру новое искусство «Пси-абстракционизм».

С.Д.: «Порог, который обозначил в своих работах Марк Ротко, порог на котором застыло на годы абстрактное искусство, пройден — мы оказались в новом, дающем удивительные возможности для художественного творчества мире — мире Пси-абстракции».

Все уже придумано и ничего принципиально нового создать нельзя — это наиболее распространённое сегодня высказывание. Но так хочется обновления, ведь как свежа природа после дождя...

Подробнее с творчеством художника можно ознакомиться на сайте <http://www.psy-abstr.ru>. Следующая выставка состоится с 1 по 10 марта 2013 года в Центральном Доме художника на международном художественном салоне ЦДХ-2013. □

*Между миром и войной...
Абстрактные переходы
между неосознанными
образами...*

Холст, масло

*Боковая абстракция.
Другая абстрактная
гармония.*

Бумага, карандаш

Внизу справа:
*Пси-абстракционизм,
Шипы неосознанного.*

Бумага, карандаш

Святой Лука,

Ирина Опимах

В истории мировой живописи не так уж много шедевров, посвященных творчеству художника, тем удивительным минутам вдохновения, благодаря которым рождаются великие произведения искусства. Одним из первых попал в этот ряд «Святой Лука, рисующий Богоматерь» Рогира ван дер Вейдена

Мы мало знаем о жизни этого выдающегося нидерландского мастера, да и те скудные сведения, что дошли до наших дней, не отличаются большой точностью. Даже точная дата его рождения неизвестна — одни документы говорят, что это знаменательное событие произошло во франкоязычном городе Турне (современная Бельгия) в 1399 году, другие — в 1400-м. Отец ван дер Вейдена, Анри де ла Пастюр, занимался резьбой по дереву и скульптурой, и потому Рогир (Роже по-французски) начал свою творческую жизнь тоже со скульптуры. Его первым учителем живописи был художник из Турне Робер Кампен, в чью мастерскую юный художник поступил учеником.

Видимо, Рогир со временем стал неплохим мастером — в одном из документов 1426 года говорится,

что «мэтр Роже де ла Пастюр получил вино от города Турне в качестве вознаграждения за работу», а в 1432 году ван дер Вейден уже был членом гильдии художников Турне.

Жизнь его складывалась таким образом, что основные свои работы он выполнил в Брюсселе, куда переехал, женившись на Елизавете Гофферт, дочери зажиточного сапожника. Оказавшись в Брабанте, он перевел свое французское имя на фламандский язык (де ла Пастюр и ван дер Вейден означают Луговой). Именно здесь он прославился, став признанным главой местной школы живописи и получив должность городского живописца Брюсселя. Его талант был признан всеми, в том числе и брюссельской властью — двором герцога Бургундского, поэтому недостатка в заказах, а следо-

рисующий Богоматерь

вательно, и в деньгах он не испытывал. С успехом пришло и материальное благополучие. В Брюсселе у художника была большая мастерская, много учеников. (Среди них — подростки сыновья Ян и Питер, после смерти отца унаследовавшие его мастерскую, а также блистательный Ганс Мемлинг, продолживший в своем искусстве традиции учителя).

В 1450 году, уже совершенно зрелым мастером, ван дер Вейден посетил Рим, Феррару и Флоренцию и, конечно же, познакомился с работами своих итальянских коллег. В Италии, на родине Возрождения, где ценители искусства отличались особенной взыскательностью, его работы произвели огромное впечатление, а миланский герцог Франческо Сфорца даже отправил своего придворного живописца Дзанетто Бугатто поучиться живописи в мастерской Рогира. (Правда, говорят, живописцы не сошлись характерами и вскоре поссорились, и мирил их принц Людовик Французский, будущий король Людовик XI, в те годы — один из придворных герцога Бургундского). Рогира хорошо знали в Европе, он получал крупные заказы из разных нидерландских городов, а также от ценителей искусства Испании, Франции и Германии. Его картины украшали церкви и дворцы скандинавских и прибалтийских государств. В общем, жизнь художника, как сказали бы сегодня, удалась. А когда он покинул сей бренный мир — это случилось 18 июня 1464 года, его похоронили в одном из са-

мых важных храмов Брюсселя — церкви Святой Гудулы, и одновременно в его родном Турне прошла поминальная служба.

Великий Рогир, как называл его король Хуан II Кастильский, оставил в дар потомкам великолепные шедевры, среди которых и «Святой Лука, рисующий Богоматерь».

Сюжет картины связан с апокрифической легендой об одном из учеников Христа святом Луке. Согласно евангелиям, Лука был образованным человеком, хорошо знал науки, занимался врачеванием, а также почитал искусство. Как-то он решил написать портрет Богоматери с Младенцем, но светлый образ девы Марии никак ему не удавался. Когда он уже решил, что у него ничего не получится, перед его глазами вдруг предстала сама Мария. Она позировала Луке до тех пор, пока он не закончил работу. Эта легенда, возникшая в X веке, была очень популярна в Западной Европе. Луке приписывались многие изображения Христа и Девы Марии, хранившиеся в монастырях Византии и Италии и нередко считавшиеся чудотворными. Когда же в XIV-XV веках в западноевропейских городах появились цеха, гильдии художников, они получили название гильдий святого Луки — художники стали считать Луку своим покровителем. Была такая гильдия и в Брюсселе. Ее члены регулярно собирались в капелле городского собора — для решения каких-то важных вопросов, на богослужения, по праздникам. И однажды, придя в очередной раз в собор,

брюссельские художники увидели картину, созданную главой их гильдии Рогиром ван дер Вейденом. Неудивительно, что художник изобразил на картине покровителя всех живописцев Луку, занятого своим любимым делом — рисованием, и, конечно же, его моделью была Богоматерь.

Перед нами — молодая, красивая, богато одетая женщина. Наверное, такие дамы часто встречались в аристократических домах Брюсселя XIV века. Высокий чистый лоб, глаза, как два полумесяца, длинные волосы, нежный румянец, покой и даже некое лукавство в выражении лица — дева Мария на картине Рогира не очень-то похожа на святую. И только резной деревянный трон (причем подлокотник украшают фигурки Адама и Евы) в соответствии со средневековой символикой указывает на ее божественную сущность. Для художника гораздо важнее показать очарование юной матери, глубину ее материнской любви, стремление защитить, накормить, обогреть свое дитя. Об этом говорит и наклон ее головы, и взгляд, устремленный на маленького улыбающегося Иисуса, и движения рук. Да и сам младенец совершенно не похож на Бога. Это просто лежащий на коленях матери ребенок, с пухленьким животиком, редкими волосиками на голове, довольно крупными ушками, с рефлекторно шевелящимися, как бывает у совсем маленьких детишек, пальцами на ногах и руках — тонко подмеченная художником деталь.

Рядом с Марией — святой Лука. Коленопреклоненный, полный бла-

гоговения, он рисует на листе бумаги ее портрет. Рогир запечатлел для нас манеру работы средневекового художника, можно сказать, профессиональный прием с серебряным карандашом. Такой карандаш, совсем не похожий на нынешние карандаши, представлял собой серебряный стержень. Его держали большим и указательным пальцами, почти перпендикулярно к поверхности бумаги, дабы не повредить рукой легко стирающиеся линии. Лука, как и Мария, одет в костюм, типичный для фламандца, современника Рогира. При этом на Луке длинный розоватый плащ и маленькая шапочка, атрибуты средневекового врача (ведь Лука был не только художником, но и врачом-терапевтом). На поясе висит прибор для письма с чернильницей. Видно, что образ Луки очень важен для художника. Некоторые искусствоведы полагают, что это — автопортрет, уж очень выразительны линии носа и рта, седьмы, выбивающиеся из-под шапочки, и небольшая щетина на подбородке... Но главное — выражение чувств Луки, его восторг, вдохновение, высочайший момент творчества. Да, перед ним Богоматерь, но ведь сейчас она просто его натурщица. С благоговением, но глазами художника смотрит он на деву Марию, перенося ее черты на свою картину.

Поразительна конкретность, с которой изображает мир своего времени Рогир. Вот мы видим за спиной Луки его скромную келью — на столе раскрытая книга в тяжелом переплете, слегка приоткрытое окно.

*«Рождество
Христово»*

В комнате, где сидит Мария, все гораздо параднее — мраморные колонны, двухцветные плиты на полу. Роскошная коричневая парча покрывает трон Марии, украшенный изящной резьбой. Светятся драгоценные камни, декорирующие ее одежды. А за колоннами виден висячий сад с самыми разнообразными растениями. Каждое из них имеет свой смысл, свою символику, но при этом Рогир изображает совершенно конкретные цветы и травы. (Один бельгийский ботаник посвятил свое специальное исследование растениям на картине Рогира и определил среди них лесную землянику, плевел, лютики, фиалку, маргаритки и другие цветы!)

За висячим садом крепостная стена, у которой стоят мужчина и

женщина — опять в одеждах современников Рогира, некоторые исследователи полагают, что это Иоаким и Анна, родители Марии. Задний план оживляют яркие фигурки, привлекающие внимание к прекрасному виду средневекового города: уходящая вдаль полоска реки, башни романского замка, типичные фламандские домики с черепичными крышами, лавки, полные товаров, прохожие на улице, всадники.

Как же попала эта удивительная картина выдающегося нидерландского мастера в Эрмитаж?

В 1884 году в Петербурге появился некий Антуан Бер, довольно известный в Париже торговец картин. Зная, что в России богатые аристократы весьма почитают искусство, он привез в северную столицу картину на дереве с изображением Богоматери с Младенцем. Она считалась творением Рогира ван дер Вейдена, ранее же принадлежала барону Бернонвиллю (в 1881 году коллекция барона была распродана), а до него — испанской королеве Изабелле. Изабелла приобрела ее при посредничестве дона Хосе Гуаль-и-Ренте, представителя Кубы в сенате Испании и супруга испанской инфанты Хосефы Фернанды. Картиной заинтересовались в Эрмитаже. Бер запросил довольно большую сумму — 60 тысяч франков! — а потому для принятия решения о покупке картины был собран совет экспертов, куда вошли крупнейшие специалисты по средневековой живописи: известный коллекционер граф П.С. Строганов, географ

*«Читающая
Мария
Магдалина»*

и путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шанский, писатель Д.В. Григорович, художник М.П. Боткин. Проведя тщательную оценку картины, члены совета пришли к выводу, что перед ними настоящий шедевр, безусловно заслуживающий права войти в собрание Эрмитажа. Кроме того, они заметили, что в музее уже хранится близкое по манере произведение того же мастера, Рогира ван дер Вейдена, которое называется «Святой Лука», и которое было приобретено в 1850 году в Гааге

при распродаже коллекции короля Нидерландов Виллема II. К Виллему картина эта попала из одного испанского монастыря. Более никаких сведений о картине не было. Не был известен и монастырь, который она когда-то украшала.

Итак, эксперты решили — «Богоматерь с младенцем» покупается. А когда обе картины — «Святого Луку» и «Богоматерь» — поставили рядом, сразу стало понятно: они составляют единое целое! Видно, монахи во время захвата монастыря

распилили картину на две части, и с тех пор каждая жила своей отдельной жизнью, переходя из одних рук в другие, из одного собрания в другое, пока судьба не свела их в Петербурге вместе.

Две половинки картины были перенесены с дерева на холст замечательным реставратором А. Сиоровым и в 1884 году соединены в единое полотно. Конечно, творение Рогира за более чем пять столетий претерпело множество реставраций, но все же сохранило свое очарование и несомненные художественные достоинства. Так, благодаря счастливой случайности, оно

вновь обрело утраченные ранее целостность и совершенство, а эрмитажное собрание старой живописи украсилось истинным шедевром Северного Возрождения.

Но на этом история картины не закончилась. Очень скоро среди искусствоведов возникли споры по поводу ее авторства. Дело в том, что она пользовалась большим успехом у современников художника, а потому его не раз просили ее повторить. Сохранились даже ковры, на которых выткана композиция картины. В результате до нашего времени дошло несколько почти одинаковых вариантов. Лучшие из

«Снятие с креста»

них находятся в бостонском Музее изящных искусств, в Эрмитаже, в мюнхенской Старой Пинакотеке и в Музее Гронинг в Брюгге. На этих картинах нет ни подписи, ни дат, какая же из них — оригинал? Какая была создана Рогиром для брюссельской гильдии святого Луки?

Первой из этих картин стала известна та, что хранится в Мюнхене. Поначалу ее автором считали Яна ван Эйка, создателя Гентского алтаря. (А эрмитажного «Луку» приписывали Гансу Мемлингу!) Лишь в середине XIX века искусствоведы решили, что автор и эрмитажной картины, и мюнхенской — Рогир ван дер Вейден. Только вот мнения разделились по поводу того, что есть оригинал, а что — копия. Бостонский вариант был тогда еще мало известен, картина находилась в ужасном состоянии и отчаянно нуждалась в реставрации. Когда же ее отреставрировали (в Берлине, в 1933 году), выяснилось, что она обладает высочайшими художественными достоинствами, и специалисты даже заговорили, что она лучше мюнхенского и эрмитажного вариантов.

Сегодня многие специалисты полагают, что оригинал — тот, что хранится в Бостоне, а мюнхенская и петербургская картины замечательные, но все-таки копии. Дело в том, что рентгеновское и инфракрасное исследования показали, что автор бостонского «Луки» поначалу изобразил голову Марии несколько в ином ракурсе, видны и изменения в рисунке шапки Луки, и

в других деталях композиции. Но, несмотря на это, некоторые искусствоведы уверены — оригинал вообще не сохранился, и все эти картины — копии, чуть лучшие или чуть худшие. Скорее всего, вопрос авторства еще долго останется открытым, но так ли уж это важно? Ведь все эти версии «Луки, рисующего Богоматерь» обладают высочайшей художественной ценностью и, так или иначе, несомненно, связаны с именем великого художника Рогира ван дер Вейдена. И даже если они все копии утерянного шедевра, созданные его учениками и преданными последователями, их красота, их совершенство от этого меньше не становятся.

И до, и после Рогира легенда о святом Луке и явившейся ему в минуты творческих мук Богоматери, которая покорно позировала апостолу, пожелавшему создать ее портрет, нередко становилась темой картин самых разных художников. Вплоть до XVII века, до исчезновения гильдий, живописцы в разных странах старались рассказать людям с помощью образа святого Луки, что такое творчество и вдохновение. Но они только развивали то, что уже удалось сделать — более пятисот лет назад! — великому нидерландскому мастеру Рогир ван дер Вейдену, создателю первого образа художника в нашем сегодняшнем понимании. Вот почему «Святой Лука, рисующий Богоматерь» еще долго будет волновать и творцов искусства, и их почитателей. □

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Благодарим всех, кто принял участие в конкурсе. На адрес редакции пришло больше тысячи писем. Но, так как можем в течение года представить только двенадцать, принято решение продолжить конкурс и в этом году. Присылайте свои стихи по почтовому и электронному адресам, указанным в журнале.

Здоровья и успехов всем!

В Наталья Вельченко

Вы спросите: «Как пишутся стихи?»
Порыв души несет их так ритмично!
Пишу стихи, не чувствую вопреки —
Они звучат в такт сердцу мелодично.

В них отражается мой смысл бытия,
Мой взгляд на многие вопросы и проблемы,
Все это очень важно для меня,
Ищу ответы в них на заданные темы.

Вы спросите: «Как пишутся стихи?»
Пишу их для того, чтобы, возможно,
Со слушателем стали мы близки,
Ведь понимать друг друга... так не сложно!

А теперь — победитель конкурса 2012 года: это актриса **НАТАЛЬЯ ВЕЛЬЧЕНКО** из Барнаула, чью поэтическую подборку мы и предлагаем вашему вниманию.

Кстати, обычно отзывы на конкурс не приходят, но в адрес Натальи пришли, и вот один из них: *«Стихотворение, которое произвело на меня большое впечатление, было опубликовано в восьмом номере за 2012 год под названием «Время», автор его Наталья Вельченко. Думаю, у этого автора это не единственное стихотворение, и есть еще много чудесных стихов, которые очень хочется прочесть и еще раз восхититься талантом этого удивительного человека...»*

ЯБЛОНЬКА

Белое облако видно в садах —
Стройные яблони в нежных цветах.
Все, как невесты, стоят дружно в ряд,
И как прекрасен их дивный наряд:
Кружево розово-белой фаты —
Образ святой неземной красоты.

Есть одна яблонька среди подруг,
Весело, с радостью смотрит вокруг.
«Что же ты ждешь, что ты хочешь,
скажи?»

Слышен ответ в листьях светлой души:
«Как много света, цветов и тепла,
Радости, счастья и солнца ждала,
Хочется нежности, светлой любви,
И пусть повсюду поют соловьи!»

Как же прекрасна, нарядна весна,
Всех пробуждает она ото сна,
Веру вселяет, надежды, мечты
Видом своей неземной красоты,
Чтоб все стали много счастливей,
добрей,
В сердце неся красоту этих дней!

МУЗЫКА ЛЮБВИ

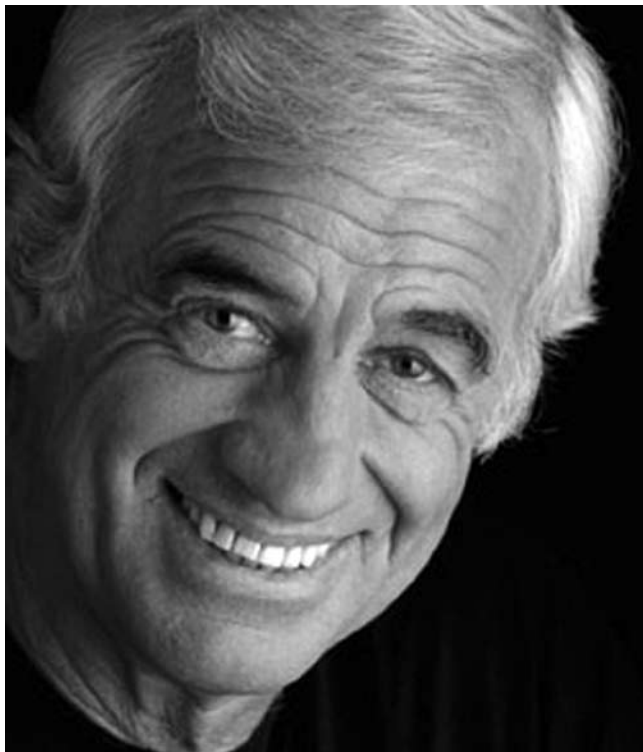
Жила я, долго не любя,
Шли дни мои однообразно.
То время прожито напрасно,
Пока я не нашла тебя.

Мне повстречался музыкант,
Ко мне он нежно прикоснулся.
И вихрь чувств во мне
проснулся,
А в этом — твой большой
талант.

На струнах ты моей души
Играешь, как на дивной скрипке.
И радость есть в твоей улыбке.
Играй спокойно, не спеши!

Ведь это музыка любви!
В твоих руках я зазвучала.
И в мире места стало мало,
На всей Земле — лишь мы
одни. □

Денис
Логинов

Мари

Б

ЕЛЬМОНДО

К ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Его лицо известно российским кинозрителям уже почти полвека. В нем нет ни одной правильной черты, но оно буквально завораживает. При дублировании его фильмов очень долго искали русский аналог. Пробовались Александр Демьяненко, Сергей Юрский, Артем Карапетян, Рудольф Панков. Все не то! Остановились, наконец, на неподражаемом тембре Николая Караченцева. Мы и не подозреваем, что сам актер говорит... высоким тенорком. Такое даже представить себе невозможно.

Это — человек-миф, человек-легенда. Он столько времени отдает своим экранным героям, что порой перестает понимать, где он сам, а где его персонаж. Снялся в стольких кинокартинах, что, бывало, путался: а кто он сегодня? Доходило до смешного: однажды он летел в самолете, и отказал двигатель. Мгновенно вспыхнула паника, и пассажиры с мольбами о помощи кинулись к... актеру. Тот невозмутимо произнес:

— Сейчас все наладится.

Самолет сел с работающим мотором, никто не пострадал. Как тут не поверить, что он — сверхчеловек?

Между тем, Жан-Поль Бельмондо вполне обычный человек, появившийся на свет 9 апреля 1933 года в пригороде Парижа в семье известного скульптора, профессора изящных искусств Поля Бельмондо и его жены Мадлен, не менее знаменитой

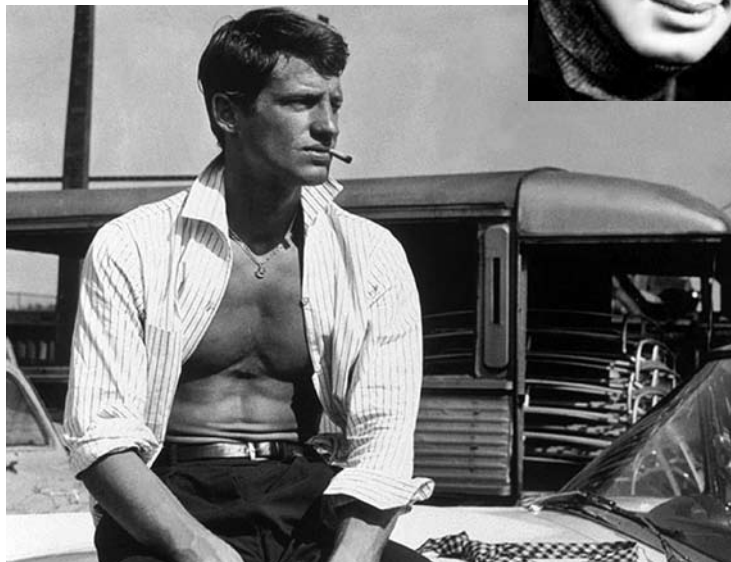
художницы. Но народная молва со временем приписала ему аристократическое происхождение, от которого он не отказывался, но и не подтверждал. Только загадочно улыбался своей «фирменной» улыбкой.

В доме родителей постоянно бывали художники, музыканты, писатели, артисты, философы. Маленький Жан-Поль рос в атмосфере творческих дискуссий, впитывал в себя искусство во всех его проявлениях. Родители часто водили его в театр — для гармоничного развития, а иногда и в цирк — и это было, пожалуй, самым ярким праздником для мальчика.

В родительском поместье в Клермонтане Жан-Поль проводил лето с мамой, братом и сестрой. Местные мальчишки объединялись в цирковую труппу и давали представления перед публикой. В этой затее их заводила Жан-Поль неизменно выбирал для себя роль клоуна, еще не зная, что выбирает судьбу.

В провинции мать и детей застала война. Здесь они прожили всю

оккупацию в разлуке с мужем и отцом, и лишь после окончания войны семья вновь воссоединилась. Но жизнь в провинции уже наложила на 11-летнего мальчика печать свободы. Он не задерживался долго ни в одной из посещаемых парижских школ. Всюду — драки, низкая успеваемость, дурное поведение. В 15 лет отчаявшиеся родители устроили свое буйное чадо в престижнейший

то — человек-миф, человек-легенда. Он столько времени отдает своим экранным героям, что порой перестает понимать, где он сам, а где его персонаж. Снялся в стольких картинах, что, бывало, путался: а кто он сегодня?

Паскалевский колледж и решили, что уж тут-то, в обществе «воспитанных детей», Жан-Поль возьмется за ум. Но, по иронии судьбы, именно в этом

колледже в крупной драке ему перебили нос, навсегда придав лицу ту внешнюю особенность, которую и теперь именуют «шармом Бельмондо».

Устав драться «просто так», Жан-Поль записался в боксерский клуб и через некоторое время стал чемпионом Парижа по боксу в полусреднем весе. А потом неожиданно выяснилось, что у него... туберкулез. Пришлось провести год в высокогорной деревушке в Оверни, где Бельмондо трудился наравне с местными крестьянами. Туберкулез исчез без следа, зато появилась непреодолимая тяга «к простой сельской жизни».

Поэтому в Париж он вернулся лишь для того, чтобы сообщить родителям

о кардинальных переменных в своей жизни: он станет фермером, и уже присмотрел себе невесту из местных красоток. Отец и мать чуть ли не на коленях умоляли его получить сначала степень бакалавра. Жан-Поль выполнил их просьбу, а получив диплом, огорошил отца и мать очередной новостью: он передумал быть фермером и решил стать актером.

И тут родители допустили роковую ошибку: пригласили друга семьи, старого маститого актера, чтобы тот распознал талант у их сына.

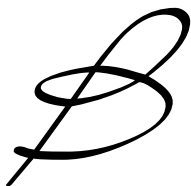
Жан-Поль прочел басню Лафонтена, и мэтр, покряхтев, выдал вердикт:

— Абсолютно бездарен.

Но с этого момента на свет появился актер Жан-Поль Бельмондо, который с невероятным напором принялся доказывать окружающим, что он скоро прославится не только во Франции, но и во всем мире. Окружающие снисходительно улыбались и радовались тому, что парень больше не дерется, не хулиганит, а записался на театральные курсы Раймона Жерара.

му канату. Непрерывно скандаля со служащими шапито, Жан-Поль пискающим голосом требовал, чтобы канат закрепили как можно выше. В итоге, веревку постепенно поднимали от уровня колен под самый купол цирка — метров на пятнадцать.

Взобравшись с велосипедом наверх, артист, неожиданно для всех, срылся и падал. Лонжа, закрепленная за лодыжку, удерживала его буквально в 20 сантиметрах от манежа. Многомесячные репетиции и тщательно выверенный расчет

родительском поместье в Клермонтане Жан-Поль проводил лето с мамой, братом и сестрой. Местные мальчишки объединялись в цирковую труппу и давали представления перед публикой. В этой затее их заводила Жан-Поль неизменно выбирал для себя роль клоуна, еще не зная, что выбирает судьбу

Педагог, после пары лет обучения, рекомендовал ему поступить в Консерваторию драматического искусства. Увы, Бельмондо приняли туда лишь вольнослушателем. А первой его ролью был... велосипедист, блуждающий под куполом цирка! Он выступал в клоунском амплуа, но со смертельно опасным комическим номером — изображал идиота в цивильном костюме, который хочет проехать над манежем по натянуто-

спасали его голову от удара об пол, а ногу от вывиха.

Представить себе героя Бельмондо под куполом цирка проще простого, а вот «скандалящего пискающим голосом» — невозможно.

Классическое театральное образование Бельмондо завершил в 1956 году. По трем позициям выпускного экзамена похвально защитил лишь одну. Путь на сцену театра «Комеди Франсез» был ему закрыт. Свое от-

ношение к экзаменаторам новоиспеченный артист выразил очень просто — одним пальцем руки, что послужило поводом для первой публикации в прессе: «Бельмондо. Артист или хулиган?»

Через восемь лет, будучи уже звездой мирового масштаба, Бельмондо в интервью для одного respectable издания подверг Консерваторию уничтожающей критике, не пощадив ни ее методов преподавания, ни традиций, ни педагогов, хотя целых десять лет играл в одном из парижских театров и пользовался вполне ощутимым успехом.

Люка Годара «На последнем дыхании» (1959). Не было ни сценария, ни денег, ни актеров, а получился шедевр. Эталон для мирового кино.

В первых своих картинах Бельмондо создал образ юного бунтаря с неотразимой улыбкой и стал предметом культового поклонения европейской молодежи. До СССР волна его популярности докатилась значительно позднее — к середине семидесятых годов. Начиная с 1975-го, за десять лет в советский прокат было выпущено 13 картин с участием актера. Зрители валили валом, критики брызгали гневной слюной: и это —

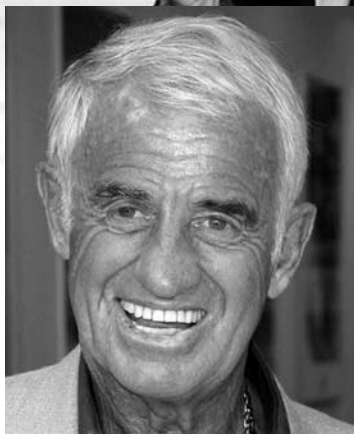

ервая его роль была... велосипедист, блуждающий под куполом цирка! Это был смертельно опасный комический номер. Взобравшись с велосипедом наверх, артист, неожиданно для всех, срывался и падал. Лонжа, закрепленная за лодыжку, удерживала его буквально в 20 сантиметрах от манежа

А потом его затянуло в водоворот под названием «кино». В самом начале карьеры он делал по пять фильмов в год. И так — несколько лет кряду. С одной стороны, нарабатывал опыт, связи, положение, с другой — панически боялся в одночасье перейти в категорию ярко мелькнувших и быстро забытых. Звездой экрана и кумиром поколения он стал после выхода на экран ленты Жан-

кино? И это — герой? И это — разчик для советской молодежи? Действительно, образцы для поведения советской молодежи предлагали совершенно иные. Но эта была магия Бельмондо!

Молодежь курила, как Бельмондо, ходила, как Бельмондо, девушек держали за талию, как Бельмондо. Даже дрались, копируя вечно ухмыляющегося и неунывающего кумира.

А уж за его экранных героев переживали, как за родных братьев.

Был в ходу даже такой термин «бельмондизм», который понимался так: «Режущая глаз наглость поведения. Безаппеляционность и душевная неуверенность. Растерянность, прячущаяся за сквернословием. Презрение к ходячим истинам и моральным кодексам. Слепое поклоне-

ние физической силе. Умение всем феноменом своей актерской фактуры — голосом, мимикой, жестом — создать в зале атмосферу неослабевающего нервного напряжения».

Напомню, что из голливудских боевиков у нас в то время был известен, пожалуй, только культовый фильм «Великолепная семерка». А на фоне морально устойчивых и политически грамотных героев советских фильмов Бельмондо смотрелся как инопланетянин.

Во Франции же он был одним из самых коммерчески успешных актеров до 1986 года. По примеру Алена Делона создал компанию *Cerito* для производства собственных фильмов. И снимался, снимался, снимался...

*Жан-Поль
Бельмондо
с бывшей
супругой
Натти
Тардивель*

Ж

енщины сходили по нему с ума, а он отшучивался, что с него хватит и того, что обнимал на экране первых красавиц мирового кинематографа. Хотя в первый раз женился еще в двадцать лет — на танцовщице Элоди Константен, с которой прожил тринадцать лет, и которая родила ему троих детей — двух дочерей и сына

Женщины сходили по нему с ума, а он отшучивался, что с него хватит и того, что обнимал на экране первых красавиц мирового кинематографа. Хотя в первый раз женился еще в двадцать лет — на танцовщице Элоди Константен, с которой прожил тринадцать лет и которая родила ему троих детей: двух доче-

рей, Патрицию и Флоранс, и сына Поля, одно время бывшего блистательным гонщиком «Формулы-1».

Разведясь с женой в 1966 году, Бельмондо вновь связал себя узами брака... спустя сорок лет. Он женился на манекенщице и балерине Натти Тардивель, которая родила ему дочь Стелу — подарок к 70-летию.

Когда Бельмондо снялся в сороковом фильме, его удостоили аудитории в Елисейском дворце, где он услышал:

«Работы вашего отца вызывают у меня восхищение. Что же касается

вас, молодой человек, то это чувство я только начинаю испытывать».

Актер в последнюю секунду осознал, что разговаривает не с очередным журналистом, а с генералом-президентом Шарлем де Голлем.

*Жан-Поль
Бельмондо
с подругой
Барбарой
Гандольфини*

Ибо на награды и комплименты Жан Поль всегда реагировал своеобразно: в 1988 году, например, отказался получить «Сезар» — аналог американского «Оскара» — за фильм «Баловень судьбы» только потому, что один из главных членов жюри когда-то непочтительно отозвался о работах его отца. Зато орден Почетного легиона в 1991-м году принял как самую дорогую награду в жизни. Правда, там и формулировка подходящая: «В знак особых заслуг перед нацией».

«Неисправимый» (1975), «Частный детектив» (1976), «Чудовище» (1977), «Профессионал» (1981), «Авантюристы» (1984), «Ограбление» (1985), «Одиночка» (1987), «Баловень судьбы» (1988), «Отверженные» (1995), «Один шанс на двоих» (1998), «Свободное падение» (2001), «Человек и его собака» (2008).

На шестом десятке лет Жан-Поль вернулся на театральные подмостки: пятнадцать лет он владел парижским театром «Варьете», основан-

олвека назад Бельмондо в шутку говорил, что считает себя бессмертным. Увы, износу подвержено все. В 1985-м впервые подвели руки, а через десять лет сдали ноги. Потом во время спектакля свалил сильный сердечный приступ, и он три месяца был прикован к больничной койке. По-видимому, сказалась трагедия, произошедшая с его старшей дочерью — она заживо сгорела в своей квартире

Список фильмов, в которых снялся кавалер ордена Почетного легиона, впечатляет — восемьдесят три! Упомяну только те, которые знакомы нашим кинозрителям: «Картуш» (1962), «Банановая кожура» (1965), «Человек из Рио» (1964), «Горит ли Париж?» (1966), «Казино Ройяль» (1967), «Вор» (1967), «Супермозг» (1969), «Взломщики» (1971), «Наследник» (1973), «Великолепный» (1973),

ным еще в 1807 году. Все это время Бельмондо был не только удачливым бизнесменом и толковым директором, но и неизменным премьером труппы, с которой, наконец, доказал главную теорему своей жизни: театральные подмостки по праву принадлежат крупнейшему комедианту современности.

Но паузы между фильмами стали длиннее не только поэтому. До 60

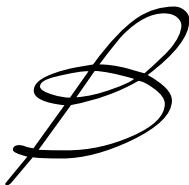
лет он работал в кино без каскадеров. Да и после юбилея от них отмахивался:

— На фига мне то, чем я не пользовался четыре десятилетия?

И — сохранял прежний ритм жизни. Подъем в девять утра. Отбой — в два часа ночи. Еженедельно — 400 километров на велосипеде. Ежедневные отжимания от пола и брусьев — 200 раз. Упражнения с гантелями по 10 килограммов. Бег. Бокс. Плавание. В качестве факультатива — игра

Вышел крупный скандал. Звезда отмахивалась: все мы равноправные граждане, а потому обязаны соблюдать единые нормы приличия. Это ему сошло с рук, но...

Но через некоторое время полиция остановила актера на одной из парижских улиц. По-видимому, Жан Поль не вышел из очередного кинообраза, поскольку неожиданно начал резко пререкаться с агентами, а потом схватился с ними врукопашную. Увы, жизнь — не кино: артист

феврале 2006 года он оказался в инвалидном кресле с переломом шейки бедра. Для большинства пожилых людей — это почти смертный приговор. Но Жан-Поль, перенеся тяжелейшую операцию, тут же заговорил о новых съемках в фильме «Человек и его собака», над которым работал два с половиной месяца

вратарем за сборную французских актеров. Играл, между прочим, с толком. В 1986-м открывал финал футбольного Кубка Швейцарии. Не как актер — как футболист! Вот об этой стороне жизни Бельмондо мало известно: мэтр терпеть не может журналистов и интервью.

До такой степени не любит, что в начале 1960-х годов попал в неприятную историю: возмущенный бестактным вопросом журналиста, вырубил репортера ударом в челюсть.

очнулся в реанимации. Но он даже не подал жалобы: документы полиции любой законопослушный гражданин обязан предъявлять по первому требованию, причем звезды не представляют исключения.

Полвека назад Бельмондо в шутку говорил, что считает себя бессмертным. Увы, механическому износу подвержено все. «Звонки» он получал уже давно. Летом 1985-го впервые подвели руки. Выполняя трюк на съемках фильма «Грабле-

ние», Жан-Поль сорвался с машины, шедшей на бешеной скорости. На одной только голове оказалось сразу 16 швов. Но остался жив и довольно быстро вернулся на съемочную площадку.

Десять лет спустя сдали ноги. Бельмондо перенес серьезную операцию по поводу варикозного расширения вен. В декабре 1999-го прямо на провинциальной гастрольной сцене его свалил сильный сердечный приступ, и он целых три месяца был прикован к госпитальной койке. Повидимому, сказала трагедия, произошедшая осенью 1994 года. В сво-

ский портной» так искрометно, как никогда прежде.

Бессердечный? Не думаю. Скорее, инстинктивно искал забвения в любимом деле. Но рубец на сердце дал о себе знать несколько лет спустя. А потом — еще раз напомнил о том, что никто не бессмертен...

8 августа 2001 года в городке Бастиа на Корсике в 11 часов утра у Бельмондо случился тяжелейший инсульт. Полная потеря речи и парализация правой половины тела. Последнее, что он успел сказать, теряя сознание: «Уже». Без вопросительной или утвердительной интонации.

ельмондо обожают во Франции, как никого другого: 89 процентов французов считают его любимым актером. И прощают ему абсолютно все!

ей квартире заживо сгорела старшая дочь Жан-Поля — Патриция. Прямо из постели Бельмондо повезли на пожарнице для опознания погибшей. Новость быстро разнеслась по Парижу. Люди не знали, чем ему помочь. Но Жан-Поль прошел через страшную процедуру, поразив всех своей внешней выдержкой. Что происходило у него внутри — сказать невозможно. Было воскресенье. Он поехал в театр на утренний спектакль, который не позволил отметить, и играл в пьесе Фейдо «Дам-

Первое слово Жан-Поль произнес через пять месяцев. Через полгода начал вставать, одолевая паралич, а потом окончательно вернулся к активной жизни. В 70 лет стал отцом дочери Стелы, которая моложе всех его шестерых внуков.

А смерть продолжала играть с ним в «пятнашки», правда, пока неизменно проигрывала при этом. В феврале 2006 года он оказался в инвалидном кресле с переломом шейки бедра. Для большинства стариков — это смертный приговор. Жан-Поль пере-

нес тяжелейшую операцию и вдруг заговорил о новых съемках. Хотя до этого ворчал из кресла-каталки:

— Никогда больше не вернусь в кино! Я и так уже 50 лет иду «маршрутом баловня»...

Но как только прочно встал на ноги, два с половиной месяца работал над фильмом «Человек и его собака». Съемки в Марселе и Париже. Драма одиночества, старости, беззащитности. Новая взятая актерская вершина. После семилетнего перерыва в кино.

Бельмондо обожают во Франции, как никого: 89 процентов французов считают его любимым актером.

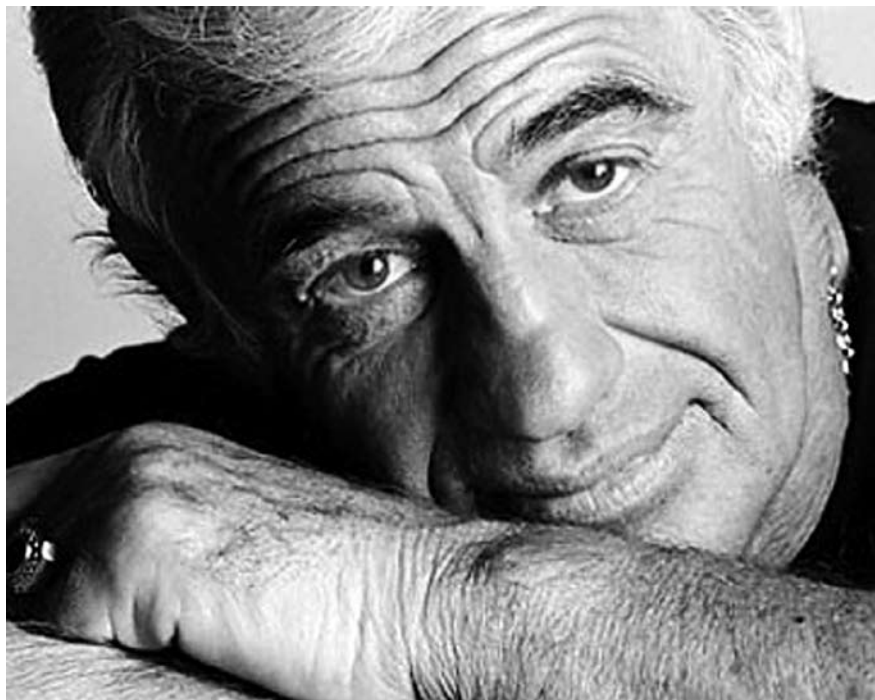
И прощают ему — ну абсолютно все!

Рассказывают, что во время съемок одной из сцен, когда Жан-Поль медленно, тяжело опираясь на трость, двинулся по тротуару, из-за полицейского оцепления рабочей площадки раздались всхлипы. Он замер. И вдруг подал реплику не по сценарию:

— А ну-ка молчать, мать вашу, когда идет съемка!

Брань в общественном месте — пожалуй, единственное, в чем можно упрекнуть этого неисправимого, великолепного баловня судьбы.

Только стоит ли? □

Воронежская

Майя Орлова

*О, в эти дни — дни роковые,
Дни испытаний и утрат —
Отраден будь для ней возврат
В места, душе ее родные!*

*Пусть добрый, благосклонный гений
Скорей ведет навстречу к ней
И горсть живых еще друзей,
И столько милых, милых теней!*

Ф.И. Тютчев «Графине Ростопчиной»
16 октября 1855 г.

ласточка

«Воронежская ласточка» — так любовно называли друзья Евдокию Петровну Ростопчину, поэтессу, современницу Пушкина, Жуковского, Вяземского, Лермонтова. Принято считать, что женская русская поэзия началась с Серебряного века, но почти за сто лет до него в поэзии уже звучали женские голоса, и Евдокия Ростопчина — одна из самых ярких представительниц российской поэзии середины XIX века. Она писала не только о любви, ее стихи многогранны и удивительно современны, хотя критика тех времен и упрекала поэтессу в том, что она «отстала от времени».

Возможно, от своего времени она действительно отстала. Зато осталась — во всех временах.

Ее, бог весть почему, называли «московской Сафо». За красоту? Она не была красавицей. За стихи, похожие, по мнению поэта Серебряного века Владислава Ходасевича, на «романс, таящий в себе особенное, ему одному свойственное очарование, которое столько же слагается из прекрасного, сколько из изысканно-безвкусного»? За драматичную судьбу? А может быть, за ту женственность, которую она не уставала воспевать?

*«А я, я — женщина во всем
значение слова,
Всем женским склонностям
покорна я вполне;
Я только женщина, — гордиться
тем готова,
Я бал люблю!.. отдайте балы мне!»
(«Искушение»)*

Евдокия Петровна Сушкова родилась 23 декабря 1811 года в Москве, в особняке своего деда по матери Ивана Александровича Пашкова на Чистых прудах. Шести лет девочка потеряла мать, умершую от туберкулеза. А отец, Петр Васильевич Сушков, все свое время уделял работе и редко бывал дома. Девочка находилась на попечении деда, бабушки и многочисленных тетюшек. Ее воспитывали для света, а потому дали прекрасное домашнее образование.

Додо — так она в детстве производила свое имя и так ее впоследствии звали друзья и близкие — знала все европейские языки, много читала, музицировала, рисовала, пре-

красно танцевала. Барышни в то время вели дневники, это была возможность выразить себя, познать себя... в общем, это было модно. Додо в дневник записывала... стихотворения, причем втайне от родных: для благородной барышни это занятие считалось почти позорным. И вообще в доме Пашковых занятие литературой считалось делом неприличным.

И все равно своенравная и скрытная Додо писала. Тот же Владислав Ходасевич в исследовании «Графиня Е.П. Ростопчина. Ее жизнь и лирика» упоминал:

«Еще в 12 лет Додо сама стала писать стихи. Как водится, своевременно была написана и сожжена первая подражательная поэма «Шарлотта Кордэ». Ни эта поэма, ни ранние стихи, кроме одного французского экспромта, до нас не дошли».

Действительно, первое сохранившееся стихотворение — «К страдальцам» — датировано 1827 годом. Шестнадцатилетняя девушка посвятила его... декабристам.

*«Пусть вас гнетет, казнит
отмщенье самовластья,
Пусть смеют вас винить
тирановы рабы,
Но ваш тернистый путь, ваш
крест — он стоит счастья,
Он выше всех даров изменчивой
судьбы...
Удел ваш — не позор, а слава,
уваженье,
Благословения правдивых
сограждан,*

*Спокойной совести, Европы
одарение,
И благодарный храм от будущих
славян!»*

Пройдет немало времени, прежде чем Ростопчина преподнесет это стихотворение и созвучное ему «Мечту» с теплой подписью вернувшимся из Сибири Болконскому и Чернышеву. А пока стихотворения ходили по гостиным в анонимных списках. Никому и в голову не могло прийти, что их автор в это время прилежно берет уроки танцев у знаменитых учителей и ездит на так называемые «детские праздники», где девушки и юноши постигают азы светской жизни.

Судьбе было угодно распорядиться так, чтобы на одном из таких праздников Додо повстречала невысокого молчаливого мальчика с темными «сумеречными» глазами. Мальчика звали Мишелем, и он тоже тайно писал стихи. Оба вспомнили эту встречу, когда спустя много лет в одном из великосветских салонов уже знаменитый поэт Лермонтов был представлен блистательной графине Ростопчиной. Но всему свое время.

Пока же кумиром юной Додо был, разумеется, Пушкин. Она знала на память едва ли не все его известные стихотворения и втайне надеялась на встречу с вернувшимся из долгой ссылки поэтом: Пушкин znalся со всей ее родней.

Когда юную Евдокию Сушкову родные начали вывозить в свет, на

одном из балов в доме Д.В. Голицына ей представили Пушкина. Танцы были забыты — едва ли не час Пушкин беседовал с Додо, как с равной. И не только о ее стихах, которые оказались ему известны, а обо всем, что одинаково волновало их умы и души. Всегда насмешливый Пушкин ни разу не позволил себе тени легкомыслия или иронии в отношении «прелестной поэтессы».

*«На бале блестящем, в кипящем
собратье,
Гордясь кавалером и об руку
с ним,
В тот вечер прекрасный весь
мир озлащался...»*

Так впоследствии описала Ростопчина свою первую встречу с прославленным поэтом России. Этот момент многое решил в жизни начинающего автора.

*«Стихи без искусства ему
я шептала,
Он исповедь слушал души
молодой!»...*

Но даже самой себе юная поэтесса не признавалась в том, насколько сильное впечатление произвел на нее Пушкин. Впечатление на всю жизнь.

На глазах у нее проходили все московские увлечения поэта. Их было немало, но ни разу она не сделала попытки обратить на себя внимание своего кумира. А потом в жизни поэта появилась Натали Гончарова. Любязким сердцем Додо, возможно,

лучше других понимала характеры и душевные особенности участников будущей драмы, но не только не выдавала своих чувств, а с удивительным добросердечием отнеслась к Натали. Не завидовала, не ненавидела, наоборот, стремилась ободрить, помочь.

Правда, весной 1832 года было написано стихотворение «Отринуто-

му поэту». В нем Додо с потрясающей пронцательностью заметила:

*«Она не поняла поэта!
Но он зачем ее избрал?*

*.....
Зачем он так неосторожно
Был красотою соблазнен?
Зачем надеждою тревожной
Он упивался, ослеплен?
И как не знать ему заране,*

*Что все кокетки холодны.
Что их могущество в обмане.
Что им поклонники нужны.*

.....
Она лишь слепок божества!»

Почти не зная настоящей жизни молодая девушка удивительно точно описала истоки будущей трагедии Пушкина.

«Ее чувства были не по нашим меркам», — признавался брат Додо, Сергей Сушков, отмечавший, кстати, что его сестра «далеко не была красавицей в общепринятом значении этого выражения. Она была привлекательна, симпатична и нравилась не столько своей наружностью, сколько приятностью умственных качеств. Одаренная щедро от природы поэтическим воображением, веселым остроумием, необыкновенной памятью, при обширной начитанности на пяти языках, она обладала замечательным даром блестящего разговора и простосердечною прямою характером, при полном отсутствии хитрости и притворства».

Да, она была очаровательна, романтична, но не только эти черты собирали вокруг Евдокии Петровны толпы поклонников. Не о юной светской красавице думал, например, Николай Огарев, едва не каждый день приезжавший в дом на Чистых прудах. Общность взглядов, мыслей, литературных увлечений казалась дороже всего остального.

Первым опубликованным стихотворением юной девушки стал «Та-

лисман». Князь Петр Андреевич Вяземский, посещавший дом ее родных, случайно увидел ее тетрадь, переписал оттуда стихи и отправил их в Петербург Дельвигу. Тот поместил их в своем альманахе «Северные цветы» 1831 года с подписью «Д...а».

*«Есть талисман священный
у меня.*

*Храню его: в нем сердца все
именье,*

*В нем цель надежд, в нем узел
бытия,*

*Грядущего залог, дней прошлых
упоенье.*

.....
*Но не назвать вам талисмана,
Не отгадать вам тайны роковой.*

*Мне талисман дороже упования,
Я за него отдам и жизнь,*

и кровь:

*Мой талисман — воспоминанье
И неизменная любовь!»*

Тем не менее, заботливые родственники меньше всего думали о литературных дарованиях Додо, их мысли были заняты поисками блестящей партии для юной интеллектуалки. Выбор родных пал на сына бывшего московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина, графа Андрея, богатого, доброго, хорошо известного в Москве. Правда, Пашковы испытали некоторый шок, когда узнали, что жениху, выглядевшему лет на тридцать с изрядной лысиной, всего... девятнадцать лет, то есть он на два года моложе невесты.

Свадьба состоялась 28 мая 1833 года, и невеста отнюдь не выглядела несчастной. После венчания молодые поехали в родовую усадьбу Ростопчиных — село Анна Воронежской области.

В Анне Ростопчины прожили три года, иногда ненадолго выезжая в Вороново (еще одно родовое имение мужа) и на Кавказские минеральные воды. Здесь — вдали от столичной суеты — молодая графиня писала стихи и прозу, писала пока для себя.

Принято считать, что граф Андрей был абсолютно равнодушен к литературному дарованию своей супруги. Это, мягко говоря, неверно. Еще до свадьбы Ростопчин входил в круг поклонников поэтического таланта Додо. А со временем стал известным библиографом, книжным знатоком и даже почетным членом Петербургской Публичной библиотеки.

С 1834 года стихи Евдокии Ростопчиной стали появляться в московских журналах и сразу были отмечены читателями. Появились и первые критики. П.А. Вяземский в письме к Александру Тургеневу писал по поводу напечатанного в «Московском наблюдателе» стихотворения «Последний цветок»:

«Каковы стихи? Ты думаешь Бенедиктов? Могли бы быть Жуковского, Пушкина, Баратынского, уж верно, не отказались бы они от них. И неужели сердце твое не забилося радостью Петровского и Чистых прудов, и не узнал ты голоса неког-

да Додо Сушковой?.. Какое глубокое чувство, какая простота и сила в выражении и между тем столько женского!»

Осенью 1836 года чета Ростопчиных поселилась в Санкт-Петербурге. Имя графини было уже окружено громкой славой. Журналы охотно предоставляли свои страницы ее поэзии, критики не скупились на восторженные похвалы.

Ростопчина не претендовала на обычный столичный салон. Ростопчинские обеды собирали всех самых знаменитых литераторов, включая, разумеется, Пушкина. Бывали у них и известные приезжие итальянские певцы, и великолепные музыканты — братья Виельгорские, Глинка, Даргомыжский. Круг литературных друзей расширился за счет Вяземского, Тургенева, Владимира Одоевского, Плетнева, Соболевского, Соллогуба. Для Ростопчиной наступила вторая и самая счастливая, по ее собственному признанию, пора ее жизни.

Два бальных сезона Ростопчина, необыкновенно любившая балы, занимала одно из первых мест среди петербургских светских красавиц. Бальные триумфы приятно щекотали тщеславие. Но светский шум, бал, успех в обществе быстро приелись. Помимо этого, были и другие события, омрачавшие внешне беззаботную светскую жизнь молодой графини, особенно дуэль на Черной речке, — ведь за день до рокового выстрела Пушкин обедал у Ростопчиных.

Для нее гибель поэта стала страшным ударом. Окруженная музыкой, масками, поклонниками, игрой страстей в столице, она теперь пыталась скрыть сердечную тоску и одиночество в не слишком счастливой супружеской жизни: даже рождение трех детей не принесло ожидаемого умиротворения.

Ростопчина решила уехать в деревню и там заниматься тем, что

было ей всего ближе: творчеством. А незадолго до отъезда получила посылку от Жуковского с запиской, которая потрясла ее и окончательно утвердила в правильности выбранного пути:

«Посылаю вам, графиня, книгу, которая может иметь для вас некоторую ценность. Она принадлежала Пушкину; он приговорил ее для новых своих стихов и не успел напи-

сать ни одного; мне она досталась из рук смерти; я начал ее; то, что в ней найдете, не напечатано нигде. Вы дополните и докончите эту книгу его. Она теперь достигла настоящего своего назначения».

В это время уже засверкал талант Лермонтова, жив был Баратынский, пробивалась молва о редком таланте Тютчева, но Жуковский вручил пушкинскую тетрадь именно Ростопчиной. Впрочем, не только Жуковский, но и другие литераторы и критики восторженно отзывались в эти годы о творчестве Евдокии Петровны.

«...Таких благородных, гармоничных, легких и живых стихов вообще немного в нашей современной литературе... произведения исполнены жизни и красок», — писал Плетнев, сменивший Пушкина на посту издателя «Современника». А в апрельском номере «Московского наблюдателя» за 1838 год В.Г.Белинский отметил: «После этих двух стихотворений А.С. Пушкина, опубликованных в «Современнике», замечательны только... «Тайные думы» графини Е. Ростопчиной: в нем прекрасными, полными души и чувства стихами воспеваются достоинства одной высочайшей особы».

Известно, что с 1838 года до осени 1840 года Ростопчина провела в Анне, выезжая летом ненадолго в Вороново и в Пятигорск. Но эти поездки были непродолжительными, а рифмы охотнее и легче всего приходили к поэтессе на дорожках

старого анненского парка, под шорох опадающих листьев, хруст снега, весенние птички трели. Именно здесь, в деревенской глуши, было написано большинство стихотворений, прославивших Ростопчину.

А в 1841 году Евдокия Петровна вернулась в Санкт-Петербург с готовым к печати сборником стихотворений «Талисман». Успех книги превзошел самые смелые ее ожидания: друзья, знакомые, университетская молодежь — все были в восторге от свежести ее таланта. Ее стихи заучивали наизусть, более ста композиторов писали на эти тексты романсы: Алябьев, Булахов, Даргомыжский, Рахманинов, Рубинштейн, Чайковский.

Начиналась третья пора ее жизни:
«Но третья пора теперь мне
наступила, —
Но демон суеты из сердца
изженен,
Но светлая мечта Поэзии сменила
Тщеславья гордого опасно-
сладкий сон.
Воскресло, ожило святое
вдохновенье!..
Дышу свободнее; дум
царственный полет
Витает в небесах, и Божий мир
берет
Себе в минутное, но полное
владенье;
Не сердцем — головой, не в грезах
— наяву,
Я мыслию теперь живу!»

И все же ее словно преследовал какой-то злой рок: еще один избран-

ный ею поэт внезапно и трагически ушел из жизни.

Знакомство с Лермонтовым, который был всего на три года моложе Ростопчиной, относилось еще к годам ее «московского житья». Но с тех пор произошло слишком многое в жизни обоих. Лермонтов поплатился за свои строки на гибель Пушкина, успел побывать на Кавказе и снова стать причиной императорского гнева. В эти дни он часто бывал у графини. Воспоминания и рассказы Ростопчиной об их общем кумире особенно трогали его.

«Отпуск его подходил к концу, — вспоминала впоследствии Ростопчина. — Лермонтову очень не хотелось ехать, у него были всякого рода дурные предчувствия. Наконец около конца апреля или начала мая мы собрались на прощальный ужин, чтобы пожелать ему доброго пути. Я одна из последних пожала ему руку... Во время всего ужина и на прощанье Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать и стала смеяться над его казавшимися пустыми предчувствиями, но они поневоле на меня влияли и сжимали сердце».

Поэты обменялись посвященными друг другу посланиями. Стихотворение Ростопчиной называлось «На дорогу», лермонтовское давно известно всем его читателям:

*«Я верю, под одной звездой
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною.
Нас обманули те же сны...»*

*Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять...»*

5 июня 1841 года Лермонтова не стало. Ростопчина отозвалась на эту новую потерю строками:

*«Поэты русские свершают
жребий свой,
Не кончив песни лебединой...»*

К тому времени ей было всего тридцать лет, но груз потерь и разочарований был так велик, что, казалось, ей уже не удастся оправиться. Но... неожиданно пришла новая любовь: глубокая и... запретная для замужней женщины.

С сыном известного историографа Николая Михайловича Карамзина — Андреем — Ростопчина познакомилась еще в конце 1837 года. Светское знакомство, общий круг друзей, благоговение перед одним и тем же поэтом — Пушкиным. Но чуткое сердце женщины откликнулось на эту встречу совсем не по светски. Затем последовала череда волнующих встреч и объяснение в любви. «Он сказал, что любит меня, что находит меня прекрасной и что мне навсегда отдано его сердце».

Боясь стать пленницей страсти и окончательно потерять голову, молодая графиня выказывала любимому напускное равнодушие. А он начинал подозревать в ней холодную кокетку. Но голос сердца звучал все громче, к тому же, отноше-

ния с мужем окончательно превратились в простую формальность: каждый жил своей жизнью. Пройдя испытание двухлетней разлукой, чувства Евдокии и Андрея только окрепли. Судя по стихам 1840–1843 годов, в сознании поэтессы исчез страх греха, который преследовал ее раньше, возможно, созревшая страсть смела эту преграду. Счастливая пора оставила след в стихах «Молитва за себя», «Верую», «Запретный кубок», «Накануне Нового года», «Подаренный букет».

Но брат поэтессы — Сергей Сушков — усердный ревнитель женской чести, скрыл от читателей шедевр «Неизвестный роман», не менее трех десятков стихотворений, внушенных любовью к Карамзину, две поэмы. Самый известный биограф поэтессы, он, насколько мог тщательно, заметал даже самые слабые следы, ведущие к потаенному роману сестры. А ведь плодом этого романа были две дочери, отосланные на воспитание в Швейцарию под фамилией Андреевы!

Но замолчать финал этой любовной истории оказалось невозможно: Андрей Карамзин, подчиняясь воле своей властной матери, давно приглядевшейся ему невесту, а также по материальным причинам, в 1845 году женился на Авроре Демидовой, богатой вдове. А Ростопчина с мужем и детьми уехала за границу, в Италию. В дороге была написана «Молитва в грустный час», — самое, пожалуй, трагическое и пронзитель-

ное стихотворение из ее любовной лирики. Предчувствия, как и прежде, не обманули поэтессу. Все стихи итальянского периода она переслала в «Северную пчелу» Ф.В. Булгарину. Увы, из всего отправленного была напечатана только баллада «Неравный брак», в которой критики усмотрели... скрытое осуждение деспотической политики российского самодержавия в Польше. Ростопчина стала «персоной нон грата» в столице и вынуждена была надолго поселиться в Москве. Только смерть царя в феврале 1855 года положила конец опале.

Тем не менее, Ростопчины устроились в особняке на Садовой-Кудринской с полным комфортом. В доме была великолепная библиотека и редкое собрание картин и скульптуры — коллекционированием увлекался муж поэтессы. Дом-музей гостеприимно распахивал двери для всех желающих. Никаких ограничений для посетителей не существовало.

В салоне Ростопчиной собиралась вся литературная Москва: Загоскин, Григорович, Писемский, Сухово-Кобылин, Полонский, Мей, Тургенев, Майков, Павлова. В этих стенах Лев Толстой познакомился с Островским, живописец Федотов с Гоголем. В мае 1850 года Ростопчины устроили выставку Федотова, пользовавшуюся исключительным успехом. Кстати, именно он написал потом превосходный портрет графини.

В мае 1854 года Ростопчиной пришлось пережить еще один силь-

ный удар — Андрей Николаевич Карамзин, полковник конной артиллерии, был изрублен на куски в стычке с турками. Эта трагедия стерла в сознании поэтессы все обиды, все мучительное и мрачное, что принесла ей разлука с любимым человеком.

В письме одному из друзей, спустя полгода после гибели Андрея, у нее вырвались такие слова:

«Я хочу бросить писать и сломать свое перо; цель, для которой писалось, мечталось, думалось и жилось, эта цель больше не существует; некому теперь разгадывать мои стихи и мою прозу и подмечать, какое чувство или воспоминание в них отражено! Что свету до моих сочинений и мне до его мнения и вкуса!»

Пережив депрессию и нервный срыв, Евдокия Петровна все-таки снова взялась за перо. Но разночинцы, получавшие все большее влияние в литературе, восприняли ее поэзию как выпад против реализма. В 1850-е годы Ростопчина почувствовала себя чужой среди непонятных ей «мнений и начал». Примкнув вначале к славянофилам, она вскоре порвала с ними, но не примкнула и к западникам.

«Вместо того, чтобы убояться сблизиться с этим миром, тогда только рождающимся у нас в России, я обратила на него внимание... Иду себе прямо своею дорогой и, вследствие моей близорукости, не вижу, не замечаю кислых физиономий: мне до них дела нет! Я-я!! Кто меня любит и жалеет — тому спаси-

бо, кто бранится, особенно без причин, — тем — более чем презренью: невниманье!» — написала она позже Погодину.

В 1856 году вышло из печати двухтомное собрание ее лирики, дополненное стихами, дожидавшимися своей поры. Уже перед смертью в 1857 году двухтомник был дополнен и переиздан. Но время Ростопчиной ушло. Она еще кипела, не могла смириться с этим. Но прорывалось горькое: *«Жрицей одинокой у алтаря пустого я стою...»*

Пожалуй, единственным человеком, понимавшим истинную природу ее поэзии, в те годы был Ф.И. Тютчев. В одной стихотворной строке он сумел дать сжатое определение всего ее творчества: *«То лирный звук, то женский вздох...»*

А к ненавистным «умникам-разночинцам» Ростопчина обратилась в стихотворении «Моим критикам»:

*«Я разошлася с новым поколеньем,
Прочь от него идет стезя моя.
Понятьями, душой и убежденьем
Принадлежу другому миру я!»*

В 1856 году графине Ростопчиной исполнилось 45 лет. В Москву приехала Наталья Николаевна Пушкина-Ланская, и они часто наносили визиты друг другу. Пушкина-Ланская вспоминала:

«Сегодня утром мы имели визит графини Ростопчиной, которая была так увлекательна в разговоре, что наш многочисленный кружок слушал ее раскрыв рты. Она уже больше не

тоненькая... На ее вопрос: «Что же вы ничего мне не говорите, Натали, как вы меня находите», у меня хватило только духу сказать: «Я нахожу, что вы очень поправились».

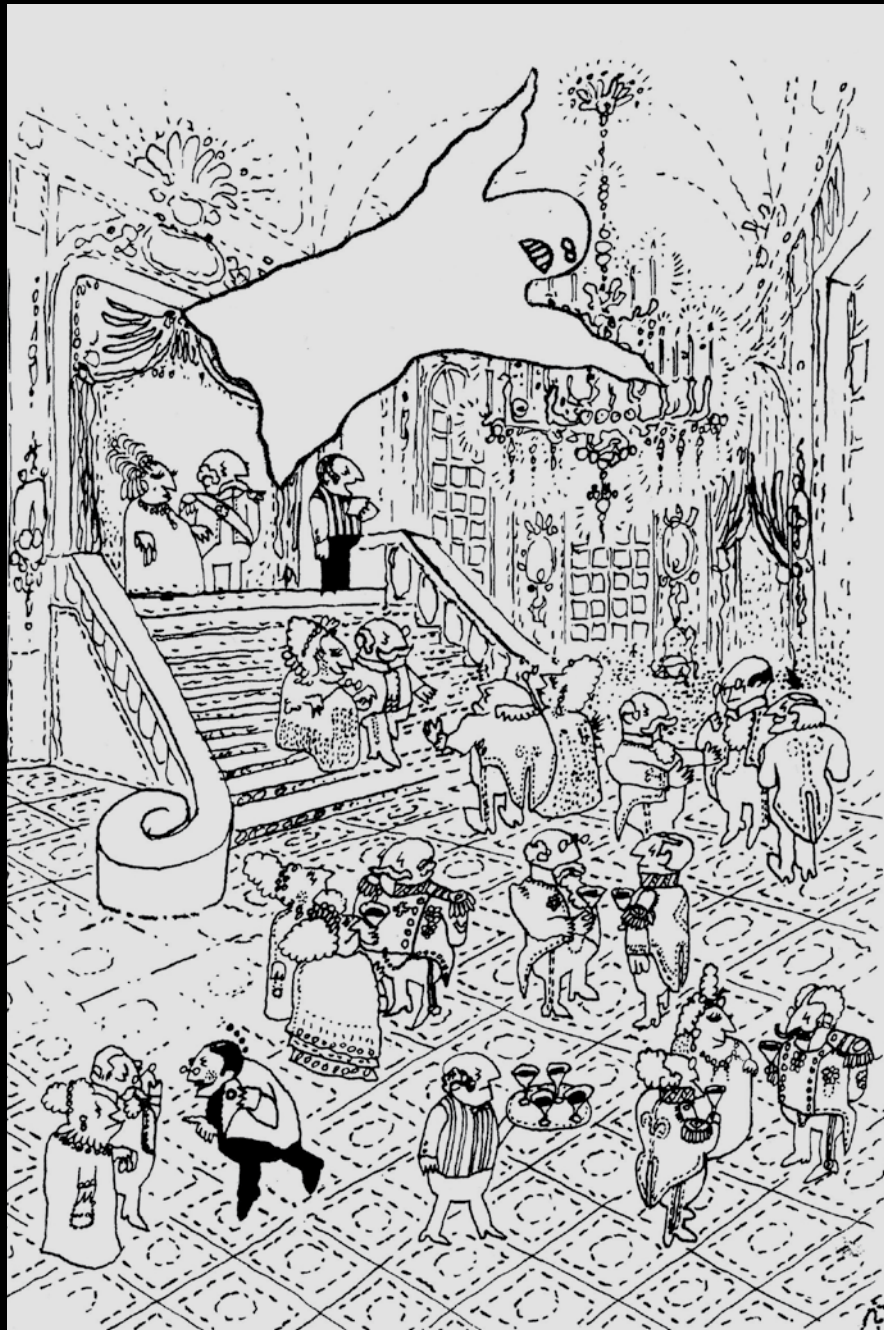
В 1858 году с уже умирающей сорокашестилетней Ростопчиной в Москве познакомился путешествовавший по России Александр Дюма-отец. В своих путевых заметках он записал:

«Она произвела на меня тягостное впечатление; на ее прекрасном лице уже отражался тот особый отпечаток, который смерть налагает на свои жертвы... Разговор с очаровательной больною был увлекателен... Графиня пишет как прозой, так и стихами не хуже наших самых прелестных женских гениев».

По просьбе Дюма Евдокия Петровна написала короткие воспоминания о Лермонтове и переслала их французскому романисту вместе с переводом стихотворения Пушкина «Во глубине сибирских руд». Это послание Дюма получил, когда Ростопчина уже скончалась.

«Я выполнила свои обязательства в отношении всех, кого сердцем любила», — сказала она перед смертью.

*«Вы вспомните меня
когда-нибудь... но поздно!
Когда в своих степях далеко
буду я,
Когда надолго мы, навеки будем
розно —
Тогда поймете вы и вспомните
меня!» □*

А ВЫ ВЕРИТЕ В ПРИВИДЕНИЯ

Генри
Китинг

— Вы верите в привидения? — обратился Боб Бриджес к гостям, сидевшим в полумраке огромного холла замка Хэлстон-Мэнор. В широком камине на густом слое горячего пепла, изредка разбрасывая яркие искры, потрескивало «святочное полено».

— О, да! — тут же с энтузиазмом воскликнула Мэрилин, новая жена Адама Лайонса — юное и наивное дитя Америки, с ног до головы увешанная бриллиантами, точно празднично наряженная елка. — Конечно же, да!

— Что ж, другого ответа я от вас и не ждал, — усмехнулся Боб. — Вы в этой стране — новичок и имеете полное право располагать всем, что старая добрая Англия способна предложить на Рождество. Собственно, именно об этом и просил меня Адам, когда его столь внезапно вызвали в Штаты.

— Честно говоря, вытаскивать старого друга из дома под Рождество и заставлять его разыгрывать тут роль хозяина... — Мэрилин пожалала плечами: — По-моему, это чересчур.

— Ну, что вы! — рассмеялся Боб. — Уверяю вас, мне не пришлось ради этого идти на какие-либо жертвы. Моя жена сейчас гостит у родителей в Австралии, и мне бы пришлось встречать Рождество одному в маленьком

А вы верите в привидения

коттедже. Так или иначе, никакого веселье даже не светило, хотя викарий, проявив христианское милосердие, пригласил меня на завтрашний ужин. Кстати, именно поэтому сегодня нас ждут огромный вкуснейший гусь, изумительный сливовый пудинг, потрясающие пирожки с грибами и, самое главное, — несколько бутылок несравненного бургундского из погребов Адама.

Он повернулся к друзьям отсутствующего Лайона, приглашенным, главным образом, на смотрины молодой американки. Леди Шейла Митчелл, «театральная легенда» на покое, соседка. Питер Уотсон, старинный школьный приятель, «крупная шишка в банковском деле», с женой Брендой. Джеральд Мартиндэйл, «замечная фигура в арт-бизнесе». И молодой лорд Хэйрсуолд, «мастер карточной колоды» — судя по всему, весьма удачливый.

— Но сейчас, — продолжал Боб, — мне кажется, пришла пора перевести часы назад. Ведь сегодня — канун Рождества, и, на мой взгляд, нам следует, хотя бы в честь Мэрилин, соблюдать все старинные традиции и обряды, связанные с этой волшебной ночью. Например, рассказывать истории о привидениях, сидя у огня, где пылает «святочное полено»... хотя, если честно, большинство нынешних — всего около трех дюймов длиной, да еще из шоколада. Впрочем, это неважно. Итак, я задал вопрос: «Вы верите в привидения?», и Мэрилин ответила: «Да».

Боб повернулся к леди Шейле, сидевшей прямо, как деревянный солдатик, в кресле с высокой спинкой, и уже собрался, было, что-то сказать, как его перебила непоседливая Мэрилин:

— Да, так я и сказала. И когда была маленькой, мечтала увидеть хотя бы одно. Ради этого готова была даже в Англию поехать. Но сейчас,

когда я здесь, и уже взрослая, если и впрямь наткнулся на привидение, то просто выпаду в осадок!

— Как можно, Мэрилин! И это говорит истинная американка! Подозреваю, что первым «выпадет в осадок» привидение.

— Хорошо бы! Но, кроме шуток, я и впрямь могу загнуться. У меня «моторчик» барахлит.

Не желая в такой вечер возвращаться к грустной реальности, Боб вновь повернулся к старой актрисе:

— Леди Шейла, а вы верите в привидения?

— Над многими театрами и впрямь тяготеет проклятие, и я переиграла во многих из них, но — нет, — звучным голосом откликнулась та. — Когда я играла Гертруду, а Гамлет видел тень своего отца, мне было совершенно ясно, что только мое горестное недоумение заставляет зал в это поверить. Ведь, по мнению мистера Шекспира, королеве не дано узреть дух убиенного супруга... А, кстати, почему здесь нет Адама? Он что, улетучился, как привидение? Насколько я помню, это он меня пригласил.

— Совершенно верно, леди Шейла. Но его начальству — как вам известно, он по-прежнему работает в юридической фирме — неожиданно понадобилось срочно отправить в Нью-Йорк какие-то документы, а никто из коллег поехать не мог. Посему...

— Ах, бедняжка! — Леди Шейла вложила в эти слова столько искреннего сочувствия, что это выжало бы слезу из любой публики.

— Не такой уж он и бедняжка! — вмешалась Мэрилин. — Просто Адам никогда не был в Штатах. Вообще. Ни разу. Потому и ухватился за возможность попасть в Нью-Йорк хотя бы на пару деньков. И когда вы, Боб, согласились его заменить...

— Это самое меньшее, что я мог сделать... Скажите, Бренда, а вы верите в привидения?

Бренда Уотсон, бледная и, как всегда, не заметная рядом с красавцем-супругом, слегка пожала плечами:

— Нет. Во всяком случае, не всерьез.

Боб, отдавая дань вежливости, повернулся к сидевшему рядом с ней лорду Хэйрсуолду:

— Ну а как насчет вас, сэр? Вы верите в привидения?

— Я верю в удачу. И, похоже, постоянно сталкиваюсь с ней за карточным столом. Но что касается привидений, разумеется, нет.

— Питер?

А вы верите в привидения

— Нет, нисколько. Как и в пресловутую удачу Хэйрсуолда. Вы сами добиваетесь успеха, тщательно изучая состояние рынка, только и всего. На одних предрассудках в Сити далеко не уедешь.

— И, наконец, Джеральд?

Джеральд Мартиндэйл резко мотнул головой:

— Нет. В мире искусства человек должен интуитивно чувствовать, что понравится публике, а что — нет. Это, знаете ли, законам логики неподвластно. У одного это есть, у другого — нет. Но привидения? Нет, ни в каких привидений я не верю.

— Что ж... — протянул Боб, — я вижу, сегодня у нас собралась довольно скептически настроенная компания. И все-таки я собираюсь последовать рождественской традиции, по крайней мере, в том виде, в каком она когда-то существовала, и поведать вам историю о привидении... или почти о привидениях. Мне ее рассказал Адам, хотя сегодня я изложу вам ее своими словами. Все произошло здесь, в этом самом доме, где — как вам должно быть известно, — несколькими поколениям предков Адама довелось пережить и хорошие, и плохие времена.

— Бедняжка Адам, — пробормотала Мэрилин. — Ему уж точно пришлось хлебнуть горя — особенно после смерти первой жены, и еще раз, когда разорилась его компьютерная фирма. Во всяком случае, пока он не встретил меня.

— Воистину везунчик! — рассмеялся Боб. — Однако вернемся к нашей истории.

И он повел рассказ...

Дело было под самое Рождество, на пороге нового века, когда вокруг Хэлстон-Мэнора толстым пушистым ковром лежал белый-белый снег... Вокруг камина в большом зале собралось шестеро.

Во-первых, хозяин замка. Самый настоящий, однако, вследствие денежных затруднений, будучи уже достаточно взрослым человеком, вынужденный поступить в медицинский колледж. В отблесках огня он время от времени поглядывал на свою молодую — всего шесть недель, как жену... назовем ее Джулией, дочь владельца мощной... ну, скажем... фармацевтической компании. Здесь же была и его престарелая соседка леди Мортмэйн, сидевшая рядом со своим племянником Джеймсом и его женой Элис. Напротив Джулии, у огня, расположился холостой викарий приходской церкви преподобный Монтэю Саут.

Именно он, нарушив слегка затянувшееся молчание, любопытствовал:

— Увидим ли мы сегодня самое жуткое привидение Хэлстон-Мэнора? Насколько мне известно, говорят, что канун Рождества — единственный день в году, когда оно тут бродит.

— О, нет! Надеюсь, этого не случится! — воскликнула Джулия. — Мой милый муж только вчера рассказал мне эту жуткую историю — как в нашей спальне ровно в полночь появляется фигура в белом, и, если там окажется кто-то один, неважно, мужчина или женщина, склоняется над ним и целует в лоб. Холодный, ледяной поцелуй. А наутро их находят мертвыми... с белой ледяной отметиной в том месте, где их целовали. Нет, мои нервы такое не вынесут!

— Моя дорогая женушка, — усмехнулся хозяин замка, — наверное, я зря рассказал тебе эту старую байку. Но говорят, что подобный злой рок постигал наш дом не один раз, а дважды, и я подумал, что тебе лучше об этом знать. Однако, поскольку я намерен провести всю ночь подле тебя, ты можешь спать спокойно, как младенец. Не забывай, что этот белый призрак дарит свой смертоносный ледяной поцелуй лишь одиночкам.

— Как служитель церкви, я должен решительно выступить против всяких «страшилок» с бьяками, буками и вампирами, — начал было Саут, но, задумчиво взглянув на истертые каменные плиты у себя под ногами, тихо пробормотал: — И, тем не менее... — после чего умолк.

И вот тогда-то в дальнем конце широкого и погруженного в полумрак зала, как раз возле украшенной крохотными, мигающими свечечками высокой елки, открылась дверь. Под большим венком из омелы, каждый год вешавшимся над притолокой, стоял старый слуга семьи — в черном сюртуке, сутулый, седовласый...

Медленно, словно черный блестящий жук, он зашаркал через огромный зал к своему хозяину. Никто не произнес ни слова, хотя ни один из гостей не мог бы сказать — почему.

А вы верите в привидения

Наконец старик остановился в нескольких футах от кресла хозяина:

— Сэр, вам записка.

— Записка? В такую поздноту? Да еще под Рождество? От кого?

Старик молча протянул хозяину сложенный листок бумаги — помятый и захватанный не слишком чистыми пальцами. Развернув его, тот нагнулся к огню и, быстро пробежав глазами, безмолвно откинулся на спинку кресла.

— Дорогой, что случилось? — спросила его Джулия.

— Так, ничего особенно, — ответил он, но потом, нервно кусая губы, признался: — Видишь ли, дорогая... боюсь, дела обстоят скверно. Речь идет о жизни и смерти, так что мне придется немедленно ехать на вызов.

Все увидели, что юное личико Джулии искажено панический страх.

— Нельзя терять ни минуты, — промямлил ее супруг. — Я бы с радостью все объяснил, но время не ждет. — Он вскочил с кресла, быстро подошел к ней и, торопливо чмокнув в щеку, исчез за дверью, прежде чем кто-либо из гостей успел сообразить, в чем дело.

На минуту все оцепенели, и к тому времени, когда викарий решил спросить у слуги, от кого записка, «черный жук» уже успел испариться.

У Джулии вырвался истерический смешок:

— Стало быть, сегодня мне придется спать в этой проклятой комнате одной! И как раз под Рождество!

— Ах, оставьте! Я совершенно уверен, что бояться тут решительно нечего! — поспешил успокоить ее викарий.

— Ну, конечно, — быстро добавила леди Мортмэйн. — Милочка, нельзя же воспринимать такую чепуху всерьез!

— Еще чего! С какой стати мне волноваться? В наше время никто не верит в привидения. Ответьте честно, все вы, — кто-то из вас верит?

Разумеется, каждый гость, как умел, постарался убедить Джулию, что все это — лишь фантазии больного воображения.

— Что ж, хорошо, — сквозь зубы прошипела она. — В таком случае, если не возражаете, я пойду к себе. Почему-то я вдруг страшно устала.

Все стали подниматься с кресел. Кто-то спросил Джулию, не желает ли она выпить чего-нибудь теплого. Старенький мистер Саут попытался выяснить, нет ли в доме свободных спален — оказалось, что нет. На секунду на лице викария мелькнуло расстроенное выражение, а затем, резко выпрямив покатые плечи, он поспешил откланяться.

Но, как ни странно, именно леди Мортмэйн, во время сцены у камина не выказывавшая ни малейших признаков беспокойства, с приближением полуночи выскользнула из своей комнаты и, на цыпочках прокравшись по широким, выстланном дубовым паркетом коридорам, оказалась у двери опочивальни, где спала Джулия.

Она тихонько постучала в дверь, а услышав тихий испуганный вскрик, тут же вошла и сочувственно спросила:

— Не спится, дорогая? Мне было так страшно. Оказаться одной в постели в такую ночь — слишком тяжелое испытание для нервов. Послушайте, моя кровать достаточно велика, чтобы на ней уместились двое. Предлагаю вам остаться до утра у меня. Ваш муж только вчера жаловался мне, что состояние вашего сердца оставляет желать лучшего. Любая неожиданность — будь-то привидение или обыкновенная летучая мышь, выпорхнувшая из каминной трубы, — и вы можете потерять сознание. Или, не приведи Господь...

Поначалу Джулия стала отказываться, но, скорее, из вежливости, так как ей и впрямь было не по себе. В то же время она сумела бы спокойно выспаться под боком у милейшей леди Мортмэйн.

Когда они уже подходили к комнате заботливой старушки, дверь напротив приоткрылась, и оттуда выглянул Джеймс.

— Мне послышались какие-то голоса... — пробормотал он.

В ответ на это леди Мортмэйн, поспешив впустить к себе одетую лишь в ночную рубашку Джулию, вкратце объяснила ему, кого увидела, направляясь к роковой опочивальне.

Джеймс вернулся в свою комнату и в ответ на расспросы жены, объяснил ей, в чем дело.

— И знаешь, что я задумал? — усмехнулся он. — Я намерен провести ночь в спальне Джулии. Скоро полночь, и вот тогда-то я увижу... то, что увижу.

А вы верите в привидения

Элис подняла Джеймса на смех:

— И когда я подойду к двери опочивальни, услышу то, что услышу — твой храп!

Лежа в роковой опочивальне на месте Джулии, Джеймс не смыкал глаз. Вскоре часы на башне замка гулко пробили полночь.

Не успел звук последнего удара растаять в вихре снежинок, как одна из дверей огромного старого дубового шкафа в дальнем углу комнаты со скрипом распахнулась. Джеймс, почти с головой накрытый одеялами, напряженно вглядывался в темноту и вдруг замер от ужаса — к нему медленно плыла фигура в развевающемся белом одеянии.

Он лежал, боясь шелохнуться. Неужели?.. Неужели привидения и впрямь существуют?..

Оказавшись возле кровати, фигура на мгновение коснулась соседней подушки и слегка приподняла ее. Джеймс забился под одеяло еще глубже. В чернильном мраке опочивальни фигура склонилась над ним.

Затем... он внезапно почувствовал на лбу... ледяное прикосновение, а секунду спустя соседняя подушка опустилась ему на голову — тяжелая, как мешок с песком. Это тотчас же побудило его к действию.

Джеймс рванулся вверх, пытаясь ухватить незваного гостя, но пальцы поймали лишь пусто-ту... если не считать крохотного кусочка льда!

Его мозг лихорадочно соображал.

Лед? Настоящий лед? Это не могло быть не чем иным, кроме как кусочком реальности, явившимся откуда-то снаружи, из снежной ночи. Точнее, — из зловещей неизвестности!

Он вскочил с кровати и бросился в погону за фигурой в белом, но оказался недостаточ-но проворен по сравнению с беглецом. Под-

бежав к шкафу, заглянул туда и увидел узкий проход, судя по всему, ведущий к винтовой лестнице, откуда доносился звук поспешно удаляющихся шагов.

— На этой драматической ноте, — улыбнулся Боб Бриджес, — позвольте закончить сию рождественскую историю о привидениях или... почти о привидениях. Человека, подстроившего все это, дабы избавиться от богатой жены, конечно же, арестовали, но его не признали виновным даже в покушении на убийство. На суде он заявил, что просто хотел подшутить, и отделался лишь незначительным условным сроком.

— Подумать только: и такая жуть приключилась в этом самом доме! — с дрожью в голосе воскликнула Мэрилин. — Хорошо еще, что давным-давно. Когда вы сказали, Боб? Под Рождество на пороге нового века?

— Да, именно с этого я и начал — мне показалось, это задаст самый подходящий тон для такой истории. Но, знаете ли, век следует за веком. Совсем как сейчас: двадцатый закончился, двадцать первый наступил...

— Так вы хотите сказать... что этот тип, задумавший гадский фокус с льдинкой... явно взятой из современного холодильника... по-прежнему разгуливает на свободе?!

— Конечно.

Мэрилин вскочила, нервно сжимая кулачки, и пронзительно завизжала:

— Адам! Где Адам?! □

Перевод с английского
Дмитрия Павленко

Светлана
Рахманова

Тоске

все возрасты
покорны

Все мы время от времени испытываем тоску, боль, грусть. И это совершенно естественно. Без болезненных переживаний мы не могли бы сострадать, сочувствовать — не были бы людьми в полном смысле слова. Но иногда отрицательные чувства полностью берут верх над положительными. И тут уже приходится говорить о противоестественном для человека состоянии — депрессии.

О депрессии упоминается еще в древних письменах различных культур, например, в истории самоубийства Аякса из «Илиады» Гомера и Ветхом Завете. Наука же заинтересовалась депрессией около ста лет назад, а первые антидепрессанты появились в начале 1950-х годов.

«Унылая пора, очей очарованье»

Каждый год миллионы жителей планеты поражает депрессия. Причем подростков и стариков особенно часто. Осень — вообще время обострения маниакально-депрессивного синдрома. Зима — тоже период, предрасполагающий к депрессии: дни серые, короткие, морозные. Уходишь утром из дома — еще темно. Возвращаешься — уже темно. Ученые давно заметили, что даже у самых здоровых в эмоциональном плане людей из-за недостатка солнца и света настроение ухудшается. Правда, солнечные лучи не плохо

заменяет электрическое освещение. Главное, оно должно быть ярким.

Это болезнь

Наступление депрессии не зависит от социального статуса человека, уровня его интеллекта или успеха в обществе. Кто-то склонен думать, будто этот недуг и вызванная им апатия — проявления слабости, «симптомы неудачника». Однако депрессия — не слабость, а болезнь.

Более того, ее считают достаточно тяжелым заболеванием. Ведь она способна уменьшить трудоспособность, помешать работе, вызвать

физическое недомогание. А порой — даже привести к самоубийству.

Перечислим признаки депрессии. Они бывают психологические и биологические.

К психологическим относятся:

1. Грусть, разочарование, чувство безысходности, отчаянье.
2. Апатия: безразличие ко всему, потеря «вкуса к жизни», нежелание что-либо делать, чувство усталости.
3. Низкая самооценка, неуверенность в себе.
4. Чувство вины, которое проявляется в мыслях типа: «Я — плохой».
5. Незащищенность, когда трудно высказать вслух свои мысли, чувства, попросить о помощи, «поставить» себя.
6. Проблемы в отношениях с окружающими. Повышенная чувствительность к критике, обидчивость.
7. Раздражительность.
8. Тяга к азартным играм, склонность к мотовству и постоянным изменениям.
9. Мысли о смерти, самоубийстве, попытки суицида.

Биологические — это:

1. Нарушения сна (бессонница, сонливость).

2. Нарушения аппетита (снижение аппетита, потеря вкуса пищи или, наоборот, склонность к перееданию).

3. Приступы паники, которые начинаются в стрессовых ситуациях и длятся 10–15 минут. Они заключаются в предчувствии беды, страхе сойти с ума, потерять контроль над собой. Паника сопровождается учащенным сердцебиением, головокружением, болью в груди, иногда и обмороками.

О депрессии заставляют задуматься и рассеянность, забывчивость, злоупотребления алкоголем или наркотиками.

Упражнения для победы над депрессией

Метод позитивного мышления

Возникнет депрессия или нет, во многом зависит от того, как вы реагируете на стрессовую ситуацию. Так, при неблагоприятных событиях важно отказаться от негативных предсказаний их исхода, необдуманных выводов, принятия вины за все происходящее на себя. Никогда не стоит концентрироваться на том, как могли бы сложиться обстоятельства. Что нужно? Нужно реали-

стично воспринять ситуацию, позволив себе сожаление и горе по ее поводу, но затем предпринять самые активные действия по улучшению своего положения.

Дневник ежедневных дел

Записывая в конце дня, что полезного удалось сделать, вы увидите, что день все-таки не прошел напрасно, как казалось вначале. Вообще, мы порой бываем излишне требовательны к себе. Иногда полезно снизить планку.

Метод запланированных встреч

Не уединяйтесь, а идите к людям: общайтесь даже через силу. Наметьте заранее, к кому пойдете в гости, предварительно договоритесь по телефону — официально назначенную встречу отменить сложнее.

Таблица настроения

Каждый день в течение недели, а затем и месяца, отмечайте по десятибалльной системе свое настроение. Тогда станет очевидно, что не всегда оно оставалось очень низким.

Оценка настроения в баллах	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Понедельник	+									
Вторник		+								
Среда	+									
Четверг			+							
Пятница								+		
Суббота					+					
Воскресенье						+				

Упражнение «Мерси боку»

Судьбе не раз шепнем «Мерси боку!» — пели мушкетеры в знаменитом старом фильме. Советуем последовать их примеру. Составляйте списки благодарности судьбе. Например, «спасибо за хорошую погоду», «спасибо, что автобус сегодня подошел быстро» и тому подобное.

Упражнение «Я — счастливчик»

Принимайте по пять минут в день позу счастливого человека.

Упражнение «Улыбка»

По пять минут в день улыбайтесь. Как это осуществить? Распрямите плечи, приподнимите подбородок и потяните уголки губ к ушам, следя за тем, чтобы левая и правая половинки рта действовали синхронно. Или начните медленно поднимать к ушам обе губы.... Посмейтесь над своим отражением.

Метод счастливых воспоминаний

Встаньте ровно. Спина должна быть прямая. Закройте глаза. Вспомните, когда были счастливы. Представьте ситуацию как можно более подробно. А теперь — сконцентрируйтесь на самом состоянии счастья. Запомните его. Побудьте несколько минут в этом состоянии.

Долой серьезность!

Если мы решим для себя, что наша жизнь со всеми ее страстями — не больше, чем своеобразная игра, которая закончится известным финалом, то относиться к трудным людям и ситуациям станет значительно легче. Ничто не стоит воспринимать слишком серьезно. Здоровье дороже!

Метод сита

Вспомним восточных мудрецов и последуем их примеру. Привыкните думать, что ваше тело, чувства и ум — всего лишь оболочка, на которую другие люди могут, конечно, влиять, однако вашу внутреннюю сущность никаким влияниям не затронуть. Все влияния протекнут сквозь вас, обдадут горячим воздухом, но не поколеблют пламя свечи, горящей внутри.

Классики в помощь, или психотехника «Афоризмы»

Если вам грустно и тоскливо, или вы столкнулись со сложной ситуацией, возьмите книгу из серии «Русские пословицы», «Мысли великих людей» или «Афоризмы». Листайте ее и читайте около получаса, пока не почувствуете себя лучше. Возможно, какая-нибудь пословица натолкнет вас на правильное решение. Да и само осознание факта, что не только у вас случаются труд-

ные периоды, но у исторических фигур — тоже, подействует терапевтически.

Однажды, когда я была в гостях у своей однокурсницы Жени У., она подарила мне замечательный томик в твердом красном переплете «Крылатые слова и афоризмы А.С. Пушкина». Эта книга, составленная Игорем Шкляревским, стала дорога мне не только как память, но и содержанием. Приведу некоторые высказывания, вошедшие в этот замечательный сборник:

- **Ум ищет божества, а сердце не находит**
- **Льстецы, льстецы! Старайтесь сохранить и в подлости осанку благородства**
- **На свете счастья нет, но есть покой и воля**
- **Не продается вдохновенье, Но можно рукопись продать**
- **Здоровье краше всех румян**
- **Как уст румяных без улыбки, Без грамматической ошибки Я русской речи не люблю.**

А одно поэтическое высказывание А.С. Пушкина приведу полностью:

**Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!**

***В день уныния смирись.
День веселья, верь, настанет!***

***Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.***

Секреты хорошего настроения

В последнее время, если речь идет о настроении, у психологов стала популярной тема ресурсного состояния. Это о том, как подпитать настроение с помощью простых и доступных радостей жизни. О них и поговорим.

Ведь когда возникает вопрос ресурса? Когда он на исходе, и твои раздражительность, мрачность, истеричность рискуют отравить жизнь не только себе самому, но и близким. Не случайно возникла поговорка: хочешь сделать мир счастливым — начни с себя!

Однако, как ни парадоксально, один из методов пополнения внутреннего ресурса, предлагаемый психологом Олегом Фатьяновым, основан на принципе: чем хуже на душе, тем суровой надо быть с телом.

Соответственно, при появлении душевных мук полезно устроить мытье полов, ручную стирку, пробежку. Для пробежки особенно идеален холодный ненастный день. Подойдет любая тренировка, главное — не щадить себя. Например, сделайте столько отжиманий, чтобы руки тряслись.

Современные специалисты по стрессу утверждают — человек за-

думан природой, дабы испытывать и голод, и холод, и боль, и жажду, и усталость. Мы же, современные жители городов, живем слишком комфортно. В этом одна из причин распространения депрессий. Соответственно, иногда можно и нужно подвергать себя лишениям.

Если здоровье позволяет, устройте на один-два дня строгую диету. Временная ограниченность в пище обостряет чувства, и еда потом доставляет больше радости. Или, если дать себе повышенную физкультурную нагрузку, на следующий день возникнет приятная боль в мышцах. Можно еще пройти пешком несколько километров — хотя бы из гостей до своего дома.

Человек с воображением найдет много способов «поиздеваться» над собой. Главное, вечером во время отхода ко сну должно валить с ног. Надо добиться состояния, когда желание упасть и вырубиться становится мечтой, большой радостью и наслаждением. В какие-то моменты такое наслаждение граничит со счастьем. Не случайно австрийскому психологу Виктору Франклу принадлежит высказывание: «Счастье подобно бабочке — чем больше ловишь его, тем больше оно ускользает. Но если вы перенесете свое внимание на другие вещи, оно придет и тихонько сядет на плечо».

Более мягкий по сравнению с нагрузками и лишениями способ победить хандру — принять контрастный душ или теплую ванну. Причем, если вы не выпались, а требуется

быть в рабочей форме, то завершить водные процедуры нужно на прохладной воде. Легкость и бодрость появляются из ниоткуда. Вот вам и ресурс!

Душ полезно принимать и вечером, после тяжелого, напряженного дня, после общения с людьми, не все из которых были приятными.

Конечно, психологи рекомендуют для повышения настроения и некоторые внешние моменты. Один из них — яркий свет, причем, теплый яркий свет. Светотерапия особенно важна осенью и зимой. Ведь долгое нахождение в сумерках способствует поселению этих сумерек в душе.

А можно применить терапию цветом. В холодный ненастный день полезно надевать одежду красного, малинового или оранжевого оттенков. Если день солнечный, лучше окружить себя розовым, голубым, белым.

Кроме избыточных черного и серого, нет полезных и вредных цветов, но у каждого человека существуют цвета, в окружении которых ему комфортно.

Один из важных ресурсов — сон в достаточном количестве. Желательно высыпаться каждый день. Средняя норма — 7–8 часов в сутки.

Ну и, конечно, витамины, правильное питание, а также регулярные прогулки на свежем воздухе. Оказывается, быстрая ходьба в течение получаса три раза в неделю — хорошая профилактика стресса, который представляет собой не что иное,

как истощение душевных и физических сил.

Психолог Ирина Окружная, говоря о пополнении внутреннего ресурса, утверждает: «Если настроение на нуле, и вам начинает казаться, будто «жизнь — жестянка!» — просто вспомните, что за черной полосой обязательно последует светлая, а сегодня — просто не ваш день. Немного иначе идет обмен веществ, организм и психика очищаются от мусора, и вообще иногда надо давать себе передышку».

Она советует оставить на потом всю физическую нагрузку, а также важные дела. Освободить себя от лишней информации, которая дает психическое напряжение: не смотреть и не слушать новости, отключить мобильник. Пару дней провести в горизонтальном положении на диване, позволив себе больше вкусного, калорийного, сладкого, чем обычно.

Запахи, которые нас окружают, являются важным ресурсом в повседневной жизни. Запах весеннего воздуха, талого снега, горячего хлеба, вкусной еды, хорошей парфюмерии, свежего белья. Запах утреннего кофе, карамельного попкорна в кинотеатре... В жизни должно присутствовать по максимуму разных приятных ароматов.

Само собой, для внутреннего ресурса очень важно позитивное мышление и вживание в роль счастливого благополучного человека. Существуют слова-паразиты, мысли-

паразиты. Запретите себе воспоминания о прошлом, «когда все было лучше», пережевывание обид, тревог о будущем, всяческое «ковыряние болячек». А при обнаружении подобного сразу переключайтесь на что-нибудь другое — хоть на пение или декламацию стихов (про себя либо вслух, в зависимости от ситуации), хоть на отжимания, хоть на чтение.

Как бы ни посмеивались сегодня над Карнеги, но, по крайней мере, к одной мысли из книги «Как перестать беспокоиться и начать жить» стоит отнестись вдумчиво: если, находясь в подавленном состоянии, начать двигаться, говорить и вести себя, будто ты в хорошем ровном настроении, настроение непременно улучшится. Расслабьте лицо, выпрямите спину. «Не всякий невротик сутулится, но всякий сутулый — наверняка невротик». Поэтому двигайтесь легкими шагами, разговаривайте приветливо, смотрите собеседникам в глаза, только не слишком долго.

Американский психолог Дэвид Маерс в плане ресурсного состояния дает такие рекомендации:

Помните, что вчерашний день прошел. Прощайте других и себя. Ставьте перед собой достойные цели. Хорошие возможности есть повсюду. Будьте настойчивы. Верьте в свои силы. Помогайте людям, причем начать лучше с близких.

И более прикладные советы от Маерса:

Обнимайте людей, деревья и все живое. Читайте хорошие книги. Пойте. Танцуйте. Выступайте перед публикой с речами. Занимайтесь спортом.

Кроме того, для повышения ресурса имеет смысл установить в жизни особые традиции: занятия, которые структурируют время, когда заранее знаешь, что надо делать, маленькие праздники типа молочного коктейля с подругами после школы, сникерса после выполненного домашнего задания или летних походов...

А иногда, наоборот, полезно устраивать аферы, ломающие рутину и меняющие привычный порядок. Например, проваляться весь день в постели перед телевизором за просмотром сериалов или не запланировано купить себе что-то приятное, праздничное, возможно, даже бесполезное. Конечно, делать это лучше так, чтобы не подставлять близких и не нарушать обещаний.

Непременная составляющая полноценной жизни и замечательный ресурс — любимое дело.

А еще важно не считать свою хандру показателем душевного богатства. Быть несчастным — нездорово. Депрессия — помеха яркой, сильной, осмысленной жизни. В общем, если обозначить цель, средства для повышения ресурсного состояния обязательно найдутся!

Будьте счастливы, и пусть хорошее настроение никогда не покидает вас! □

Валерий Акимов

НАШИЯ

12

ИНТРОСПЕКТИВА

Страх перед смертью толкал людей на бессвязные, бессмысленные и бесполовые разговоры, потому в холле царил непреходящий шум. К тому же здесь было не слишком светло — я собирался скоротать время на смене, почитав книгу, но при тусклом свете обычных электрических ламп слова и предложения различались с трудом. Отложив это занятие, я стал наблюдать за толпой, именуемой очередью, в которой, соответственно, каждый, с разной неохотой, но одинаковой неотвратимостью, ждал своего часа. Что происходит за тяжелой деревянной дверью, куда по одному заводят преступников, никто не знал, ни сами преступники, ни даже я. Глаза у тех, кто еще стоял в очереди, сверкали таким блеском, будто за этой дверью убивают — просто убивают, а затем бросают бездыханное тело в печь на сжигание химическому пламени — поэтому страх они испытывали именно перед смертью, как перед самым страшным кошмаром, который только мог случиться в их жизни. Те, кто стоял уже у самой двери, в каком-то бессознательном состоянии озирались по сторонам, тупо улыбаясь, смеясь, а иногда заходясь в беззвучных рыданиях, взгляд этих людей был совершенно пустым, бездонным — настолько, что падать в эту бездну, если упадешь, будешь вечно. Взгляд преступников, оказавшихся у предельной черты, обладает интересным свойством — заглянув им в глаза, ты понимаешь, что эти люди потеряли осознание самих себя, значит, они потеряли опору, и бездна — это чернота без конечной точки. Как же возможно падение, если нет опоры, нет дна? Вечная смерть и, ко всем прочему, — мучительная.

Из-за двери не доносилось ни звука. Я никогда ни у кого не спрашивал, почему за этой дверью царит безмолвное молчание — хотя бы потому, что дорожу своей репутацией, но истинной причиной было то, что я сам прекрасно понимал, зачем эта дверь обязана молчать. Молчание уверяет человека в его собственной правоте, а преступника — в его наказании, а преступник, кем бы он ни был, в глубине души находится в постоянном ожидании самого жестокого наказания. Толпа безоговорочно верила в участь, которую навязали ей предрассудки и страх — за дверью ничего, кроме смерти, только она — смерть, смерть, смерть. За стенами этого здания, в мире иллюзорной свободы, почти все из этой очереди с гордостью говорили о своей вере в не существование Бога. Атеист — заранее умерщвленный человек, и это доказывает картина, которая сейчас была развернута передо мной: когда-то ни во что не верящие, люди со свирепостью молились, глядя в потолок, сравнивая тусклые лампы с ликом Господним. Слабые. Не найдя когда-то сил для веры, они потеряли вместе с ней и волю, предали тленности свои «высшие идеалы», и теперь в быстром порядке старались вернуть себе навсегда утраченное мужество. Стоящие у двери на самом деле не были готовы к смерти, они боялись ее так же, как и все остальные — просто они стали совершенно пустыми, без капли достоинства и воли.

Очередь постепенно уменьшалась, а моя смена подходила к концу. Люди все также болтали о всякой чепухе, молились, ни на секунду тишина не посещала холл. Шум превратился для меня в шелест листьев, тронутых беспокойным ветром, в рев автомагистралей больших городов, в шум морского прибоя, но ни в коем случае в людской шум.

— Захаров! Свободен.

Я обернулся. Ко мне широким вышколенным шагом подошел комендант Цейс, высокий, с каменным лицом и холодным взглядом, пронизывающим насквозь, стоит хоть на миг с ним пересечься.

— Есть!

— Опять книгу читал?

— Не вышло. Темно слишком.

— Ну-ка, покажи, что читаешь.

Я вынул из внутреннего кармана куртки книжку в мягком переплете, старую, потрепанную — «Фауст» Гете. Цейс равнодушно пролистал ее, повертел в руках и вернул, то ли удивленно, то ли презрительно хмыкнув. Я спрятал «Фауста» обратно в карман.

— Происшествий никаких?

— Никаких.

— Ясно.

Из-за спины Цейса каким-то невообразимым образом возник Архин. Он отступил от коменданта и громко произнес:

— Пост!

— Пост сдан, — ответил я, сделав шаг назад.

Архин занял мое место и снова произнес:

— Пост принят!

Отлично, сказал я себе, впереди у меня три часа по-настоящему свободного времени.

— Захаров, подойди!

— Да, комендант.

— Тебе задание — надо провести вводную лекцию первому курсу. И до следующего дня ты полностью свободен. Увольнение уже подписано.

— То есть, это прямой приказ?

— Совершенно верно. Аудитория 61. Начало лекции через десять минут.

— Есть!

Я вошел в длинный узкий коридор со сводом в виде арки, ведущим прочь от этого треклятого холла. По мере удаления становилось все тише и светлее, спустя пару минут лишь стук моих лакированных сапог был слышен в натянутой, точно струна, тишине. Я сконцентрировал свой взгляд на одной точке в пространстве прямо перед собой — так я готовился к предстоящей лекции. Память, ум, рассудок — все заработало интенсивнее.

Картины прошлых дней с сумасшедшей скоростью одна за другой проносились передо мной, одно из воспоминаний, как собранное из каких-то незначительных деталей, раз за разом с упрямой настойчивостью возникло в сознании — это был тот самый, пустой, бездонный взгляд приговоренных, взгляд, словно немой выкрик павшего духа. Прошло лишь несколько минут, как я сдал пост, а увиденное стало для меня таким далеким, будто я стоял на смене не сегодня, а, в лучшем случае, лет десять назад. Возможно, это сознание освобождает память, выбрасывая отработанный материал, но мне казалось, что в данном случае суть видения таилась в чем-то другом, но в чем именно, для меня это оставалось загадкой. По мере того, как я созерцал бездонный взгляд, внутри рождались вопросы, которыми я задавался когда-то давно, или, наоборот, стал задавать их себе сравнительно недавно. Почему люди не понимают, что, подчинив свою жизнь эмпирическим максимам, они превращают себя в ничто, в то самое ничто, которое трепещет в каком-то непонятном страхе перед непонятой смертью там, в очереди перед тяжелой деревянной дверью? Неужели жить как вещь лучше, чем жить как дух, обладая поистине неколебимыми идеалами? Кто виноват в том, что вместо времени нравственного прогресса наступила эпоха человеческого упадка?

Я поднялся на второй этаж. Тот был уже как три года закрыт ото всех. Когда я только поступил в университет, двери второго этажа были открыты, и мне даже удавалось пару раз прогуляться по нему. Но в октябре того же года там произошло нечто странное, на следующий же день после случившегося было приказано запечатать второй этаж и не пропускать туда ни одну живую душу. Были, конечно, безумцы, которые отважились пробраться на второй этаж, но это действительно безумцы, во всяком случае, именно именем безумцев они обрели себе посмертную славу. Второй этаж был более чем странным местом. Все, от студентов до преподавателей, старались как можно быстрее проходить мимо этих железных, наглухо запертых дверей. Поправив форму, я уже забежал на вторую ступеньку, как со спины послышался стук, неприметный, легкий, такой, будто кто-то костяшками пальцев постукивает по металлу. Я медленно, точно боясь нарушить некий негласный ход событий, обернулся к дверям и замер. Сердце забилось стремительно-бешеным гулом. Стук повторился, и у меня не осталось сомнений — стучали изнутри. Второй этаж пуст, начал уверять себя я, там никого не может быть! Я осмотрелся — здание молчало в своем забвении, а тем временем в дверь снова постучали. Одолеваемый граничащим с паническим безумием любопытством, я подступил к дверям — ближе, ближе... Полный абсурд! Эти двери с того самого дня, пятнадцатого октября, никогда никем не открывались — я, в конце концов, знаю об этом. Но стук продолжался — с одной стороны двери, с другой...

— Там есть кто? — без дрожи в голосе спросил я, но тело мое стало понемногу лихорадить.

Тук-тук... И вдруг этот «некто» перестал стучать. Чуть переведя дух, я стремглав поднялся на третий этаж. Наверное, я просто устал, ведь в последнюю неделю на меня навалили много работы, вот и мерещится всякая чертовщина. Но уж чересчур правдоподобная. При одной только мысли, что эти звуки — галлюцинация, игра строптивного воображения, становилось не по себе, единственный, кто может заставить человека сойти с ума, это сам человек. Я встал у стены и постарался как можно быстрее привести свои мысли в порядок. Пора было начинать лекцию.

Аудитория 61 находилась за поворотом направо — этот коридор вел во второй корпус. Подойдя к двери, я услышал, как оставленные на попечение самих себя студенты о чем-то оживленно переговариваются. Я повернул ручку и вошел. Точно по волшебству, тишина вмиг наполнила собой все пространство аудитории. Студенты, все до одного — без формы, одетые в яркие одежды, с нескрываемой дерзостью и презрением смотрели на меня. Они следили, как я подхожу к доске, беру в руки мел и с таким же чувством презрения к их складу жизни, складу ума и души, под натиском десятков злобных взглядов, стрелявших мне в спину, пишу на черном дереве яркими белыми буквами: «Смерть — жизнь».

— Здравствуйте, студенты. Первокурсники, если быть точнее, — обернулся я к аудитории, стряхивая с рук мел.

Занавески на окнах были раздвинуты, и готовое закатиться солнце освещало лица первокурсников — на каждом отчетливо были написаны гнев, злоба, бунт. Когда человек восстает, то обычно не знает, против чего и за что он борется, ему просто по душе азарт борьбы против «системы». Кажется, бунт сам автоматически выбирает себе цель и опору. Безвольный человек — а им являлся каждый из присутствующих на лекции — хочет еще и еще раз испытать это славное чувство «свободы», которое постепенно, а потом уже без всяких шансов вернуть все на круги своя, становится наркотиком. То, за что раньше люди готовы были умереть, принимает на себя личину зла и перевоплощается в «несвободу», а, следовательно, в весомый повод для очередного восстания. Но восстание без цели — бессмысленное восстание, которое не приносит ничего, ни на шаг не приближая ход настоящей, стоящей жизни, свободы.

Я подошел ближе к партам, студенты, приняв мое движение за вызов, как бы приблизились ко мне, сверкнув десятками глаз и исказив в едва заметной злобной гримасе лица. Да, в этом случае жертвой бунта должен стать я.

— Ну да, здравствуйте! — выкрикнул кто-то со второго ряда.

— Вы поступили в наш вуз, четко сознавая, какой именно путь вы избрали, — продолжал я. — Это правильный путь, — и указал на надпись на доске: — От смерти к жизни.

— От какой такой смерти?

— Часть вашего духа, паразитическая, требующая от вас беспрекословного подчинения слепорожденной истории и так называемому техническому прогрессу, должна умереть, а остальной ваш дух должен расти, развиваться — это жизнь.

Я встал у кафедры. Первокурсники переглядывались между собой, смотрели на меня, иногда очень пристально всматриваясь, будто пытаюсь в черноте моей формы выискать хоть одну брешь или трещину.

— Что есть жизнь? Поступки, деяния, мысли. В наше время понятие жизни сводится к очень простой фабуле — ничто. Жизнь — это ничто.

— Откуда вы в своем университете знаете, что такое жизнь?

— Оттого, что мы знаем, что такое «не жизнь». Все, происходящее за стенами вуза, — «не жизнь». Бесконечная погоня за чужими целями, служение во благо злу, пустые мечты, пустые мысли — это все «не жизнь». Кто вы? Просто люди, ни капли не достойные звания «человек», ибо ваши идеалы — тленны, ваши деяния — ничтожны. Все, что вы хотите, — это «мир» и «спокойствие» в вашем собственном затхлом мирке, созданном той самой падшей, паразитической частью вашего духа. Противясь собственной воле, вы пытаетесь переложить ответственность за свою собственную жизнь — единственную стоящую ценность — на окружающий мир. И вот результат: слабые, немощные, похожие на стариков без прошлого...

Пока я говорил, аудитория молчала — ни глупых выкриков, ни каких-либо реплик. Студенты даже не переглядывались — они слушали и внимали моим словам, их взгляд изменился, стал более живым. Когда солнце уже почти скрылось за горизонтом, я закончил лекцию.

— А верите ли вы сами в то, что говорите? — спросила под конец девушка с первого ряда, у нее были изумрудные глаза, обладающие на редкость удивительной глубиной, и длинные каштановые волосы, изящным водопадом падавшие ей на плечи.

— Безусловно, — ответил я, заметив, что костяшки ее пальцев были чуть испачканы в ржавчине, и вдруг вновь неожиданно услышал стук из-за наглухо запертой двери — легкий, почти не слышимый, вновь забвение молчаливого здания окутало меня. Я с трудом вырвался из оцепенения и коротко улыбнулся девушке. Она улыбнулась в ответ.

Стук не прекращался. Кто-то, пусть и не сильно, но настойчиво, упрямо просил, чтобы я вызволил его со второго этажа. Почему я слышу стук здесь, в аудитории? Почему этот стук так отчетлив — я мог различить даже эхо, отражающее удары о металл? Что происходит?

— Лекция окончена. Свободны.

— Спасибо, — хором ответили студенты, и в течение нескольких минут аудитория опустела, вскоре и в коридоре стало тихо.

Я обессилено опустился на стул и тяжело вздохнул. Девушка не выходила у меня из головы, так же, как и стук — он отошел куда-то на задний план, но еще звучал, не собираясь прекращаться, так же, как и бездонный взгляд... зачем мне его помнить, видеть все время перед собой? Он не нужен мне.

С улицы доносились синхронный топот сапог, вбивающих каждый шаг в асфальт так, будто твердь должна тут же расступиться перед ними, выкрики команд, приказов, командовал строем, судя по голосу, лейтенант Зеленев. Я встал, подошел к окну и выглянул в него — в сумеречном небе зажглись первые звезды. Зажглись окна высоких домов. Городские огни. Где-то я уже видел эту девушку — эта мысль пришла внезапно, я готов был поклониться, что это не игра моего буйного воображения или безрассудство. Я уже видел эту девушку, и, поскольку встречи с разными людьми несут в себе разную степень важности, то здесь эта степень буквально зашкаливала. Мы встречались при поступлении. Мы ничего друг другу не сказали, просто пересеклись застенчивыми взглядами. Она нисколько не изменилась; по возрасту, внешности, тембру голоса — это была та же незнакомка, что и три года назад. Образ из прошлого, галлюцинация? Я не сумасшедший, но обстоятельства толкали меня к чистому безумству. Что это, нервное помешательство? Я закрыл лицо руками и застонал, аудитория, точно равнодушный зритель моих терзаний, ответила глухим эхом.

Тук-тук, — раздавалось раз за разом, — тук-тук.

Я вышел из аудитории, не забыв закрыть ее на ключ — он лежал на преподавательском столе.

Поздно ночью, когда весь университет спал, я пробрался из общежития в главный корпус. Полумрак и безмолвие царили на каждом этаже, в каждом коридоре. Камеры внимательно следили за происходящим в университетских стенах — ночь являлась прекрасным временем для побегов, а они иногда происходили. (Известен случай, когда группа из трех студентов, решив «рвать когти», после занятий укрылась где-то в подсобных помещениях главного корпуса, а с наступлением ночи вылезла наружу, план смельчаков непременно удался, если бы не камеры слежения — они грамотно выполнили свое дело — троицу отправили в очередь.) Потому, во избежание проблем, я надел форму и взял с собой значок ночного дежурного. Но никто, даже сами дежурные, мне на пути не попались. К половине второго ночи я уже был на втором этаже, перед запертыми железными дверями. Мне не было так страшно, как днем, тайна совершенно иной формы овладевала моими мыслями. Как могла девушка, которую я видел

три года назад в приемной комиссии, а потом еще и здесь, но, уже пребывая в роли лектора, оказаться за закрытыми дверями? Кто она такая?

А стучать продолжали не переставая. Пока я был в главном корпусе, в общежитии, на протяжении всего времени — от последней лекции и до сего момента — я слышал это проклятое постукивание и видел бездонный взгляд, в котором падение превращается в пытку.

Я обошел всю площадку перед дверями, осмотрел сами двери, поднялся на третий этаж, спустился на первый. Но не было ничего, что могло бы бросить хоть лучик света на окутывавший мою душу мрак.

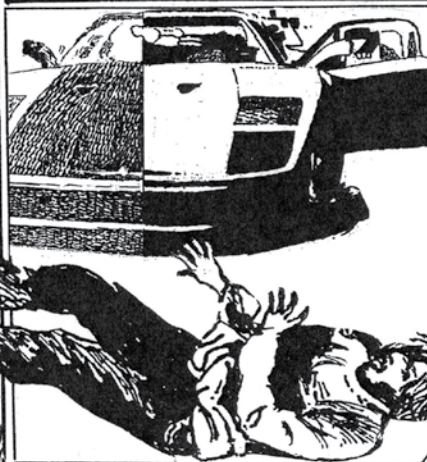
...Почти до самого утра я просидел у дверей, слушал, как продолжались попытки заставить меня открыть их, но при всем своем желании я бы не смог этого сделать. Возвращаясь в общежитие, я твердо решил найти незнакомку и сдать ее органам безопасности, надеясь, что ее отправят в очередь.

Я сразу же пустился на поиски, которые спустя час увенчались успехом. Незнакомку звали Анастасия Мельникова, она поступила в вуз в этом году. Этого не могло быть, но я не стал вдаваться в подробности. После этого я явился в деканат и сказал, что на первом курсе есть один студент, попирающий законы университетского устава. Арест не заставил себя долго ждать — Анастасию быстро признали виновной в инакомыслии, приговорив к самому жестокому наказанию. Были крики, уговоры, признания во всем, что только не придумывал на ходу обожженный страхом смерти Настин ум, но деканат остался непреклонен, и к часу дня Анастасию поставили в очередь. Я настоял, чтобы комендант Цейс дал мне разрешение занять дежурную вахту на весь день и, как и Настя, с часу дня стоял в холле перед очередью и наблюдал за ней — как она боится и в панике оглядывается по сторонам. Она поняла, что я смотрю только на нее, и пыталась скрыться за спинами приговоренных...

Тук-тук, — звучало из-за закрытых дверей, — тук-тук.

Я не понимал, к чему прошлое так взбудоражило меня, не понимал, с какой целью меня тронули воспоминания. Кто может звать оттуда, где нет никого, где царит одна пустота? И что могла значить для меня эта встреча трехлетней давности? Я стоял на посту, прислушивался к постукиванию костяшек пальцев о металл, вглядывался в этот пустой, рассеивающийся взгляд и ждал. У Насти взгляд был далеко не такой, как у остальных преступников — яркий, живой, в нем сквозили мысль, чувство и воля. Это чуть не заставило меня пойти на нарушение устава: я уже хотел броситься к Насте, освободить ее, дать возможность бежать, но я сдержал себя, хотя Настя заметила мелькнувшую в моих глазах искру и улыбнулась в ответ.

К шести часам вечера подошла ее очередь. Когда за спиной Насти хлопнулась дверь, стук мгновенно исчез, а наваждение, как по велению, испарилось. Я сдал вахту два часа спустя. □

Несвятое

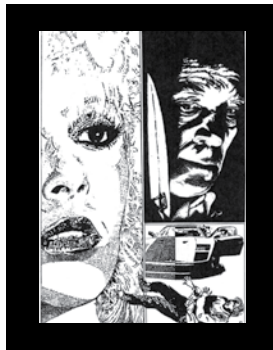
Анна
и Сергей
Литвиновы

СЕМЕЙСТВО¹

Во «Всемирном журнале» странички у Черепанова не имелось — или он шифровался псевдонимом, лицо свое не открывал. Хотя нечего было особенно ожидать, что он в нем гостил. На «Одноклассниках» Черепанова тоже не нашлось, как и на сайте «В связи». А вот во всемирно-известном «Фотоальбоме» Диму ждал успех. Аккаунт актера оказался переполнен фотографиями и друзьями. Шутка ли! Более пятисот снимков! Ровно двести двадцать два френда! Дима аж потер руки от удовольствия.

¹ Окончание. Начало в №1, 2013.

Несвятое семейство

Не может быть, чтобы среди подобного богатства не оказалось ни единой ниточки, ни одной зацепки!

Он внимательно просмотрел все фотографии, но ни один друг покойного, будь то женщина или мужчина, не мог похвастаться снимком, где Черепанов выражал к нему (или к ней) теплые чувства. Никаких объятий, поцелуйчиков и прочего.

Единственное, что удалось узнать Диме — и то хлеб! — про семью Черепанова. Тщеславный Актер Актерыч все же выставил в своей галерее штук семь семейных фотографий, говорящих о том, что детство Романа проходило в областном центре, Малинове — в ста двадцати километрах от столицы. Судя по одежде и обстановке, это был конец девяностых — на одном снимке юный Рома стоял рядом с еще более юной девочкой, а подпись гласила: «Мы с сестрой Кристиной». Еще одна фотография: вся семья в сборе — суровый отец, набычившийся, чуть в сторонке ото всех, и трое других — мама, Рома и сестрица.

Еще на паре фотографий юный Черепанов был запечатлен в толпе одноклассников — но и там он держался в сторонке, никто к нему не льнул, да и он ни к кому. Видимо, так себя в школе поставил, что не больно-то к нему со своей любовью и дружбой хотелось лезть.

«Надо ехать в Малинов», — вдруг подумал журналист. Кажется, мать и сестра — единственные люди на свете, кому Роман доверял. Наверное, они смогут многое о нем рассказать — если, конечно, к ним сумеет подойти, но а Дима сумеет.

Он свернул интернетовское окно и запустил программу, которая давно уже очень ему помогала: телефонная книга не только жителей Москвы, но и Питера, других крупных городов, а также близлежащих к столице областных центров. Малинов, к счастью, в «гроссбухе» имелся. Дима пролетел по строчкам и открыл: Черепановы, адрес: ул. Второго Интернационала, дом три, квартира

семнадцать, и телефон. Не откладывая дела в долгий ящик, он выискал код города Малинова и набрал номер.

Ответил женский голос. Немолодой, бесконечно подавленный.

— Любовь Кирилловна? — участливо спросил Дима.

— Да, я.

— Это друг вашего Романа звонит, из Москвы, Дима меня зовут. Примите мои самые искренние соболезнования.

— Спасибо вам, — горестно отозвалась женщина.

— Вы мне не подскажите, когда состоятся похороны? И где? Я обязательно хотел прийти, и товарищи из театра тоже.

— Отец поехал за Романом к вам, в Москву. Когда уладит там все формальности, договорится, привезет сюда Ромочку. Хоронить мы его будем здесь. У нас никого в Москве нет, да и у Романа тоже. Негоже ему в чужой земле лежать. А когда похороны точно будут, я вам пока сказать не могу.

— Может, вам какая-то помощь нужна? Или отцу вашему здесь, в столице?

— Нет, благодарю вас. Ничего не надо.

— Может, вы в деньгах нуждаетесь?

— Да что вы! Нет же!

— А как Кристиночка себя чувствует? — спросил Дима о сестре Романа, словно бы уже на правах друга дома.

— Кристина? — Голос женщины закаменел. — А вы не знаете?! Ах, да, Рома вам, наверное, не говорил... Он и нам велел никому не говорить... Но сейчас-то уже можно?

— А что, что случилось? — нетерпеливо перебил ее Полуянов.

— Кристиночку нашу... беда с ней. Похитили Кристину, — тихо произнесла мать.

— Когда?!

— Четыре дня назад.

— Почему? За что?

— Рома мне говорил, что это все из-за него. Он кому-то задолжал и обещал внести выкуп. А теперь уж я и не знаю, как все будет.

— Любовь Кирилловна, я выезжаю к вам!

Положив трубку, Полуянов посмотрел на темень за окном и взглянул на часы. Было уже, оказывается, половина первого ночи. «Ну и нормально, — сказал он сам себе. — Сейчас быстренько, не откладывая, по пустым дорогам доскачу в Малинов. Часа в четыре буду на месте, впишусь в гостиницу, подрыхну часика три, а завтра с утра повидаюсь с мамой Черепанова», — и пошел в спальню собираться в дорогу.

Надежда прикорнула на не разобранный кровати перед бубнящим телевизором.

Дима наклонился, тихонечко поцеловал ее и сказал:

— Я уезжаю.

— Куда это? Ночь на дворе! — открыла глаза Надя.

— А когда еще? — легкомысленно развел руками Дима и передал ей разговор с матерью Черепанова, добавив под конец: — Утром по пробкам пилить в Малинов — эдак я только к вечеру доеду. А сейчас — по пустой трассе долечу.

— А если заснешь за рулем?

— У нас дороги такие, что не заснешь. Но ты сделай мне, на всякий случай, в термос кофейку.

Спустя полчаса, когда вещи уже были собраны, термос-кружка заправлена достаточным количеством кофе, и Надя делала бутерброды, она вдруг опустила нож, занесенный над беззащитной колбасой:

— Я вспомнила.

— Что?

— Кто такой Гречишников.

— А кто это?

— Ты же сам спрашивал! Человек, убивший Рому, в чей особняк он зачем-то забрался.

— Ну?

— Знаешь, у меня есть одна читательница, довольно милая дама, зовут Ирой. Лет сорок, может, с хвостиком. Выглядит великолепно. Очень ухоженная, одета хорошо и дорого, в отличие от обычного нашего контингента. Она часто приходит в библиотеку, книг берет помногу, но каждый раз — из новой оперы, то по экономике, то по психологии. Копают каждую тему глубоко и долго — месяц, даже два. Потом — раз, и на другую переключается. А тут вдруг музыкой занялась. Брала всякие старинные работы по музыковедению и прочее. Однажды я книжку, которую та сдавала, открыла, и оттуда

выпал листочек, только с одним словом: «Ненавижу!» И написано оно было рукой Иры — я ее почерк прекрасно знаю.

— Таинственно, но при чем здесь Рома?

— Рома-то ни при чем, наверное, но ты меня спрашивал про фамилию Гречишников.

— Да, в его особняке Черепанова и убили.

— Так вот, однажды мы с Ирой разговорились, она разоткровенничалась и сказала, что свой хлеб добывает тем, что пишет для всяких богатых людей или чиновников диссертации. И последним ее клиентом был как раз музыкант по фамилии Гречишников, который Рому и убил.

— Интере-есно, — почесал затылок Дима, — но ничего непонятно.

Время стремительно бежало, поэтому, больше не вдаваясь в подробности, он поцеловал Митрофанову и вышел из уютной квартиры в ночь...

К гостинице «Малинов» города Малинов Дима подъехал уже в половине восьмого. Стекло двери в решетках были еще заперты, и он постучал. Никто не появился, и Дима стал громко барабанить в дверь. Наконец показалась заспанная администраторша, кутавшаяся в пальто поверх ночной рубашки, и злобно спросила:

— Чего надо? Чего ломишься?

— Поселиться у вас хочу.

— Сколько номер стоит, знаешь?

— Знаю.

— Деньги есть?

— Имеются.

Она взгляделась сквозь стекло в посетителя, поняла, что человек вроде приличный, командировочный, видимо, и отомкнула засовы.

Улегся Дима только в половине девятого. Под окном подвывали троллейбусы, ревели автомобили, за стенкой бубнил телевизор, две горничные перекрикивались друг с другом прямо над головой Полуянова. Но он накрыл ухо подушкой, и ему, наконец, удалось заснуть. Но сон его продолжался недолго, шум города все-таки разбудил Диму. Помытый, с больной головой, он поднялся в половине двенадцатого и поплелся в душ. Затем перекусил в гостиничном буфете коржиками и вполне приличным кофе и отправился по адресу Черепановых

Нужная квартира находилась на втором этаже.

Дима позвонил — ему открыла женщина лет сорока пяти, но выглядевшая на все шестьдесят. Она была стройной, подтянутой, с выправкой учительницы или руководителя среднего звена, однако с всклокоченной седой головой и заплаканными глазами.

— Любовь Кирилловна, я вам звонил вчера из Москвы. Дмитрий Полуянов, друг вашего сына.

— Проходите, Дима. Как вы быстро примчались! Вы прямо с дороги? Чаю хотите?

— Чаю хочу, покрепче. Я не прямо с дороги, уже успел поселиться в вашу гостиницу и даже пару часов поспал. Я помочь приехал. Помочь вам вызволить Кристину. У меня есть друзья — среди сотрудников МВД тоже. Расскажите мне еще раз, что произошло, и как можно подробнее.

Любовь Кирилловна усадила Полуянова на табуретку в кухне, налила чай, но в этот момент дверь квартиры без стука распахнулась, и вошла женщина, которую видно было прямо из кухни: дама-гора с большой сумкой через плечо. Она тяжело, с присвистом, дышала.

— Я, Кирилловна, сразу к тебе... Письмо мы получили. Из Москвы. На твое имя. Срочная доставка. Вот, вручаю, — и протянула Черепановой конверт, с любопытством вглядываясь своими заплывшими глазками в ее лицо.

— От Ромы! — ахнула Любовь Кирилловна и побледнела. — И почерк его.

— Минутку, — тут же забрал конверт Полуянов и пояснил: — На нем уже полно всяких посторонних отпечатков, ничего тут сделать нельзя. А вот с письмом надо быть осторожным. Есть у вас перчатки, желательны, резиновые? И ножницы?

— Вы собираетесь его вскрыть?

— Есть другие предложения?

Любовь Кирилловна мгновенно исчезла в комнате, а спустя полминуты вернулась с ножницами и резиновыми перчатками. Дима, держа конверт за уголок, чувствовал, что там не бумага: что-то твердое, плоское. Он надел перчатки, осторожно вскрыл конверт и вытащил из него ди-ви-ди диск. Женщины, особенно Клавдия, смотрели на него во все глаза. Кроме диска, внутри ничего больше не было.

После разговора с Димой Надя решила напрямик спросить Ирину Коврову о записке и вообще о том, что все-таки происходит. Как назло, с утра Коврова в библиотеке не появлялась. А когда вдруг возникла в читальном зале, Надежда почему-то испугалась, да так, что сердце бешено застучало и дыхание перехватило. Наконец она смогла взять себя в руки и, лучезарно улыбаясь, поздоровалась с ней:

— Добрый день, Ирина Андреевна.

— Здравствуйте, Надя, — откликнулась та.

— Как ваши дела?

— Ничего, спасибо.

— Какое ужасное событие, слышали?

— А что такое?

— Как? Вы не знаете? Убили Романа Черепанова.

Лицо Ирины слегка дернулось и тут же закаменело.

— Да, я в курсе, — проговорила она ровным голосом.

— Ужасно, правда? Такой молодой, красивый! Помните, я вам рассказывала, что была с ним знакома. Однажды мы с ним даже в театр ходили, в Большой. А вы Рому лично знали?

— Нет, — отрезала Коврова.

— Зато, по-моему, вы лично знали того человека, который Романа убил? — не отставала Митрофанова, разыгрывая из себя простушку.

— Что вы имеете в виду? — переспросила Коврова, явно выигрывая время, и лицо ее нервно дернулось.

— Вы же мне сами говорили, что общались с Юрой Гречишниковым, сыном олигарха. А это ведь он застрелил Романа! Тоже ужас, правда? Каково ему?! В газетах пишут, младший Гречишников убил Романа случайно, приняв его за грабителя. А вы как думаете? Это была действительно случайность или спланированная акция?

— Кем спланированная? — повысила вдруг голос Ирина Андреевна. — Как это — спланированная? Один дурак зачем-то полез в особняк к другому среди ночи, а тот вдруг оказался дома, схватил ружье и выстрелил. Кто тут что мог спланировать?! Ах, Надя, я вас умоляю, не повторяйте бабьих сплетен!

— А откуда вы знаете, что младший Гречишников оказался дома случайно?

— Да потому, что я знакома с ним! И знала про его планы! И то, что он должен был отдыхать с семьей в Таиланде, но вдруг приехал в Москву буквально на пару дней, на одно выступление.

— Я вам одну вещь хочу показать, — неожиданно сказала Надя и, взяв со стола ксерокопию записки, где было только одно слово, напи-

санное рукой Ирины: «Ненавижу!», протянула ее Ковровой.

— Что это? — отпрянула Ирина.

— Это из вашей книги. Той, что вы читали. Энгель, «Очерки по истории музыки». Почерк в записке, по-моему, ваш, или я ошибаюсь?

Коврова взяла бумажку в руки, и лицо ее густо покраснело.

— Положим, мой, а может, и нет. И вообще, что все это значит?

— А я это у вас хотела спросить!

— Мне нечего вам сказать, — почти сердито ответила Ирина. — Давайте не будем тратить время — мое и ваше. Вот мои требования. Будьте любезны заказать, — и отошла от конторки.

«Ну и что все это доказывает?» — подумала Надя.

В то же самое время в городе Малинове Дима разговаривал с мамой погибшего Романа и с забредшей на огонек необъятной почтальоншей.

— У вас есть ди-ви-ди проигрыватель? — спросил он.

— Есть у нее! Ромка, покойник, и купил, — первой сориентировалась почтальонша.

На глазах матери тут же выступили слезы, и Полуянов, сдержанно поблагодарив, быстро подхватил необъятную женщину за локоток:

— Не смею вас больше задерживать.

Ох, как не хотелось той уходить, но Дима услужливо проводил женщину к выходу. А когда вернулся в комнату, увидел, что Любовь Кирилловна продолжает плакать. Потому что телевизор уже был включен, на экране — бледнело лицо Романа, и обращался он — к своей матери.

— Дорогая мама! Дорогая моя Кристиночка! Прости меня, сестренка! Прости меня, милая! Я надеюсь, что у тебя все будет хорошо, и скоро ты окажешься дома. Мама, Кристиночка! Если

вы смотрите этот ролик, значит, меня уже нет или я нахожусь в бессознательном состоянии, а может, даже под арестом. Во всяком случае, значит, я не смог уничтожить диск с письмом, и его отправили вам. Это мой последний шанс, и я очень хочу, чтобы вы знали правду.

Началось все с того, что я потерял крупную сумму денег. Потерял по собственной глупости. Я...я... творческому человеку иногда нужно полностью выключиться из реальности, расслабиться, и я не удержался. Проиграл деньги в казино. Да, мама, я был виноват, но сделал все, что мог, только бы решить проблему.

— Бедный мой мальчик, — горестно прошептала Любовь Кирилловна.

— Честно скажу, я просто не знал, что предпринять, — продолжал свою исповедь артист. — После того, как мои кредиторы похитили Кристину, я был доведен до отчаяния. И когда мне предложили решить все мои проблемы единым махом, я согласился. Мама, я никогда бы не пошел на преступление — ради себя. Но чтобы спасти Кристину, я готов был на все. Знай: я пошел на кражу, потому что просто не видел иного выхода.

Однако, если вы смотрите эту запись, значит, что-то пошло не так, как планировалось. Что-то не задалось. Но я хочу, чтобы вы понимали мои мотивы. И знали правду. Так вот, я пошел на ограбление особняка Гречишниковых просто потому, что страшно нуждался в деньгах. А вдохновила меня на это преступление моя любовница. Зовут ее — Елена Евгеньевна Постникова. Она продюсер на телевидении, большой человек. И еще, — печально усмехнулся Роман, — я по-настоящему любил Елену. Наверное, люблю и сейчас.

Мать продолжала плакать, а Полуянов уже набирал в поисковой строке смартфона: «Елена Постникова». Через минуту всемирная паутина выдала фотографию: властная, холеная, ухоженная женщина, на вид лет тридцати семи (значит, решил журналист, всех пятидесяти). Описание ее достижений тоже имелось, но их Дима приберег на потом. Сейчас главным было дослушать, что же произошло между ней и Романом, по версии последнего.

— Я не знаю, почему вдруг Елена дала мне эту наводку. Не знаю, зачем ей это было нужно. Может, она хотела меня спасти, а может, наоборот, утопить, кто его знает. Или же хотела таким образом сберечь свою квартиру, которую подарила мне и которую я хотел продать, чтобы выкупить Кристиночку. А может, у нее были какие-то счеты с семьей Гречишниковых, которым она, моими руками, хотела за что-то отомстить. Представления не имею. Так или иначе, она рассказала мне про дом бизнесмена, где он находится и чем в нем можно поживиться. Елена заверила меня, что охранной сигнализации в особняке нет, и подробно объяснила, где

хранятся драгоценности, деньги и скрипка работы Страдивари, принадлежавшая сыну олигарха, молодому музыканту. Не знаю, как я буду потом реализовывать Страдивари, и вообще, ограбление — совсем не мое амплуа, но иного выхода я не вижу. Итак, сегодня вечером я попробую себя в другом качестве — вора, — через силу усмехнулся Роман, и запись замерла стоп-кадром.

Любовь Кирилловна уткнулась лицом в свои руки и заревела уже навзрыд. Дима не стал ее утешать. Он подошел к окну и перелистал в своем телефоне справочную информацию на Елену Постникову, которая зачем-то (если верить покойному актеру) стала наводчицей квартирной кражи.

«В 1983 году закончила театроведческий факультет ГИТИСа (ныне РАТИ). В том же году поступила на работу на Центральное телевидение, в Главную редакцию для детей и молодежи». Далее приводился впечатляющий список телепроектов, в которых принимала участие Постникова. Там значились и ток-шоу, и сериалы, и громкие документальные ленты. Говорилось, что Елена — лауреат четырех премий ТЭФИ (1998, 2002, 2006 и 2011 годы). А вот о личной жизни упоминалось чрезвычайно скупое: разведена, имеет взрослую дочь.

По меньшей мере, странно, что такой человек вдруг выступает в роли наводчика квартирной кражи. Наверняка за этим что-то стояло, какая-то подстава, мухлеж, игра.

— Как бы то ни было, — вслух проговорил Полуянов, — вряд ли Постникова обрадуется, если последнее выступление Романа появится в Интернете в открытом доступе. Или пуще того — в эфире канала-конкурента.

Когда Любовь Кирилловна, умывшись, вернулась из ванной, Дима спросил:

— Вы позволите мне сделать копию обращения Романа?

— Зачем? — насторожилась она.

— Я вам обещаю, что не буду эту запись нигде использовать. Я не сделаю вам и вашей семье ничего плохого, просто хочу попытаться помочь Кристине. Вы доверяете мне?

Людмила Дмитриевна отвела глаза и прошептала: «Да».

Вскоре Полуянов распрощался с безутешной матерью, сказав напоследок:

— Я должен вернуться в Москву, потому что хочу помочь вашей дочке. Смогу или нет — не знаю, но сделаю все, от меня зависящее.

Телефон продюсерского центра «Первая линия», где заправляла Постникова, Полуянов разыскал в Интернете без труда. Время, правда, близилось к восьми вечера, но телевизионщики, Дима знал, любили работать по ночам, так что шанс застать Елену Евгеньевну на рабочем месте был вполне реальным.

Полуянов набрал номер.

— Приемная Постниковой, — отрепетировано доложила секретарша, — чем могу помочь?

— Могу я поговорить с Еленой Евгеньевной? Это Дмитрий Полуянов, спецкор «Молодежных вестей».

— Боюсь, сейчас она занята. А вы по какому вопросу?

— Передайте вашей руководительнице, что у меня есть предсмертная записка артиста Романа Черепанова, в которой тот упоминает ее имя. Если не получу комментария Елены Евгеньевны, я ее обнародую.

Блеф, дважды блеф. Он не собирался предавать гласности последнюю запись Романа, и матери покойного только что обещал не делать этого. Но ведь Постникова об этом не знала, правда?

Ловушка сработала. В трубке тут же раздался усталый и слегка снисходительный голос продюсерши. Дима повторил то же, что говорил секретарше: у него есть последняя запись Романа, где упоминается ее имя. Журналисту нужно получить от Елены Евгеньевны комментарий — для самого себя, не для печати или обнародования.

— Глупая история, — сердито заявила Постникова. — Мало ли что мог говорить убитый? Хорошо, приезжайте в телецентр. Можете прямо сейчас.

— Я сейчас не в Москве. Давайте завтра, в двенадцать, — условился Полуянов.

Потом он позвонил Надежде и сказал, что завтра возвращается домой. Она неприкрыто обрадовалась, а затем рассказала ему о встрече с Ириной и припечатала своим резюме:

— Может, она и не хотела, чтобы Романа убили. Но я уверена, не случайно тот полез именно к Гречишниковым. Ирина здесь, по-моему, замешана.

— Не упоминала ли она при тебе когда-нибудь имя Постниковой, продюсерши с телевидения?

— А кто это? — чисто по-женски, вопросом на вопрос, ответила Надя.

— Это престарелая любовница твоего Ромы. Ведь ты же ему взаимностью не ответила, вот ему и приходилось довольствоваться старушкой. Ладно, шутки в сторону. Все-таки вспомни, не слышала ли имя Елены Постниковой? От самого Ромы, от Ирины, еще от кого-нибудь?

— Хорошо, я подумаю, — пообещала Надя и положила трубку.

А Полуянов уже чувствовал столь знакомый репортеру зуд — когда расследование вырুলивало на финишную прямую, и оставалось лишь несколько пазлов добавить в нужные ячейки, чтобы они соединились и сложилась цельная картина происшедшего: как, что и, главное, почему случилось. Неожиданно возникла отчетливая мысль, что Ирина Коврова, семейка Гречишниковых и продюсерша Елена Постникова действительно как-то связаны между собой, но чем и как, этого Дима не знал и не понимал. И вообще бедный Рома показался ему вдруг муравьишкой, который попался в хорошо расставленные сети.

«Интересно бы разузнать, а где проигрался Роман? Азартные игры нынче запрещены, значит, его проигрыш, даже без последующего посещения Кристины, — чистый криминал».

Руководствуясь внезапному наитию, Полуянов забил в поисковой строке браузера, одну за другой, пять фамилий: сначала — Черепанов, Гречишников (его убийца), Постникова (его любовница). А потом еще добавил имя Иры Ковровой и руководительницы турлагеря на

озере Комо, Луизы Симоновой-Ланселотти, на ферме которой они и познакомились.

Совпадений оказалось множество: отдельно и на Черепанова, и на Гречишниковых (особенно в последнее время, в связи с убийством), и на продюсершу Постникову. Однако вместе фамилии, кроме как пары Черепанов-Гречишников, возникшие исключительно из-за убийства, не сходились.

Дима повторил поиск еще раз, на другом поисковике. Ничего. Затем — в третий раз, на третьем. Опять мимо. Наконец, руководствуясь неожиданным озарением, он записал фамилии действующих лиц латиницей. И вдруг, о чудо, поисковик сообщил: найдено одно совпадение.

На сайте «Фотоальбома», на аккаунте Luisa Lanselotti вдруг нашлись сразу две фамилии: сама итальянская гражданка Lanselotti, а также Irina Kovrova. Впрочем, на фотографии, сделанной, судя по всему, лет двадцать назад, присутствовали три персоны. В первой без труда угадывалась молодая Луиза, вторая была подписана как Irina. Третьей значилась нигде ранее в полуяновском расследовании не засвеченная Tatiana Shevel'kova. Все три девушки на снимке были молоды, прекрасны, веселы и одеты по моде начала девяностых: варенки, пластиковые клипсы, свитера с геометрическими узорами.

«Это что же получается?» — озадачено пробормотал Полуянов.

Одна из подружек — Луиза — знает незадачливого актера Чернова по Италии. Вторая — отправляет его на верную гибель в особняк Гречишниковых. Интересно, была ли в этом спектакле роль у третьей?

Дима всмотрелся в лицо той, что звали Татьяной. Улыбка беззаботная, но взгляд — умный и цепкий.

Чем ей — да и всей троице — мог насолить молодой актер Чернов?!

Таня Шевелькова ушла из казино «Византия» после того, как ей в лицо швырнули бокалом с виски. Хотя Максим, тогдашний приятель, коллега и мимолетный любовник, пытался ее остановить:

— Танька! Чего с ума сходишь? Чего тебе еще надо? Ситуацию ведь урегулировали! Клиент штраф заплатил. Отпуск тебе шеф, за моральный ущерб, обещал! Царапину — в лучшей клинике зашили!

— Не могу я больше, Макс, — призналась она, — все эти рожи видеть. Боюсь, сама скоро в кого-нибудь бокалом запущу. А это, сам понимаешь...

Макс понимал. Правила гласили, что сотрудники казино в любом случае должны вежливо улыбаться клиентам.

— Но в стране черт-те что творится! У соседки вон, по подъезду, недавно голодный обморок был, сам видел. А тут хотя бы деньги хорошие

платят! — предпринял он последнюю попытку убедить подругу.

— Плевать, — гордо отозвалась та. — Диплом есть, английский знаю. Устроюсь куда-нибудь.

— Да кому ты, такая честная, нужна, — вздохнул Макс.

...И как в воду глядел: из инофирмы, куда было устроилась Таня, ее быстро выжили, из коммерческого банка — сбежала сама, после того, как шеф потребовал «горячей любви». Пришлось идти учительницей в среднюю школу.

Платили там в конце девяностых совершеннейшие копейки, у Макса просто сердце кровью обливалось, когда заглядывал в гости и острым взглядом дилера подмечал аккуратно заштопанные колготки, потухший, усталый взгляд. Он много раз уговаривал Таню вернуться в казино.

Но Таня не вернулась. Она встретила свою любовь, вышла замуж, родила ребенка, развелась и продолжала работать в школе. Пути их с Максом окончательно разошлись, и она все реже и реже звонила ему. Поэтому Макс очень удивился, когда, неожиданно позвонив, бывшая «боевая подруга» предложила развести на хорошии «бабки» богатенького клиента.

— Кто он тебе? — только и спросил он.

— Я его даже не видела, — призналась Таня.

— Но зачем тогда?

— Попросили.

Что ж. Макс по своим каналам выяснил, что кое-какая собственность в единоличном пользовании у парня имеется (то было для казино обязательным условием, чтобы начать работать против человека) и отказываться от предложения не стал.

Возвращаясь в Москву, Полуянов не выдержал и с дороги позвонил Наде:

— Доброе утро, зайныка. Я мчусь к тебе. Можешь дать телефон твоей Ирины Андреевны Ковровой?

— Где я тебе его возьму?

— Узнай, пожалуйста. И адрес тоже. У вас ведь, когда записываются, наверное, заполняют анкеты, или эти, как их, читательские билеты. Она мне очень нужна.

— Что же ты так стараешься прицепить мою Иру к своему делу! — воскликнула Надя.

— Да потому, что она сама к нему прицепилась. А ты разве так не думаешь?

— Возможно. Хорошо, постараюсь узнать ее координаты. Ты ведь, если тебе что понадобится, с живой меня не слезешь. Только, пожалуйста, обо мне ни слова.

— Договорились. Звони сразу, как узнаешь.

Ближе к столице движение становилось все гуще и гуще, пока, наконец, не уткнулось в одну большую пробку. На карте смартфона все въезды в Белокаменную оказались помечены красным. Сидя в машине, Дима задумался. Мысли плавно перебегали от обстоятельств убийства Романа к его прощальному посланию, затем перескочили на отношения актера с его пожилой любовницей, а дальше — к загадочной троице девушек. Луиза-Ира-Таня. Как, интересно, они познакомились? Что их связало тогда, двадцать лет назад? Что связывало сейчас?

1993-й год

Ира

Угораздило же родителей заиметь квартиру на рынке!

Хотя кто мог, в 1972-м году, въезжая в долгожданный кооператив, даже представить, как все обернется! Все здесь тогда было по-другому — молодая, типично московская окраина. Новенькие многоэтажки, детские площадки, только что посаженные деревья, а напротив их дома — секретный НИИ. Едва повеяло новыми временами, жизнь в районе стала стремительно меняться. Институт зачах, сотрудников поувольняли, зато небольшой рыночек, что располагался возле метро, начал бурно развиваться.

Сначала Ирочке — в ту пору студентке — перемены нравились. В магазинах то совсем пусто стало, а у них под боком всегда изобилие — и сникерсы, и дорожные йогурты «Данон» для торжественных случаев, и куры — хоть в нарезку, хоть целиком. А вечерами вокруг рынка пенсионерки, новоявленные

предпринимательницы, кучковались, продавали с деревянных ящиков пиво и воблу.

Но очень скоро рыночная экономика начала утомлять. Торговцы развели грязьницу, в округе расплодилось крысы. В домике на детской площадке ночевали бомжи, постоянно случались драки, с Ириной мамы, когда шла от метро, сорвали норковую шапку, а в дежурке даже заявление не приняли: «Вы за сегодняшний день уже десятая!»

На рынок, «где есть все», ехал народ со всей Москвы, на платформе метро и близлежащих улицах вечно толкучка. Продавцы быстро поняли, что спрос явно превышает предложение, и жульничали по-черному.

Однажды Ира, бродя по рынку, обратила внимание на двух продавщиц примерно ее возраста. Те работали в конфетной палатке, но были — удивительно! — стройны, как тростинки. Девушка не удержалась и спросила:

— Как вам удается постоянно конфеты не жевать?

— У нас хозяин жлоб, запрещает товар пробовать, — улыбнулась одна из продавщиц.

А вторая серьезно добавила:

— Не больше двухсот граммов в день можно съесть. Но мы свою долю покупателям отдаем. Людям же любопытно, что они покупают, вот и даем попробовать. Кстати, не хотите «Столичных»? Свеженькие, только что привезли.

— Спасибо, я на диете, — улыбнулась Ира.

Но через пару дней, когда вновь отправилась на рынок, специально сделала крюк, чтобы купить конфет именно у этих симпатичных девочек. Они ее сразу узнали, и та, что веселая, заулыбалась:

— Ага! Пришли к нам! Значит, все-таки работает Луизкина психология!

Теперь за сладостями девушка ходила только к своим знакомым. Если очередь у палатки не толпилась, всегда задерживалась поболтать.

Оказалось, что две продавщицы — бывшие одноклассницы и подружки из умиравшего нынче городка средней полосы:

— У нас завод оборонный был — встал. Ткацкая фабрика — тоже. Больше половины народу вообще без работы. Ну, мы и решили податься в столицу — за лучшей долей, — рассказала ей веселая (звали ее Татьяной).

А серьезная Луиза вздохнула:

— Я в Москву собиралась в институт, но у меня братья-школьники, сестра младшая в садике, а отец с горя запил. Есть дома нечего. Счастье, что сюда на работу устроиться удалось.

...Ира совсем недавно закончила автошколу, быстро — всего со второй попытки! — получила «права» и выклянула у отца доверенность на машину — десятилетний, цвета детской неожиданности, «жигуленок».

Хранился семейный автомобиль в гаражном кооперативе, машину даже днем во дворе нельзя было оставить — или магнитолу вытащат, или колеса снимут, или, на худой конец, щетки.

Как-то, идя в гараж, Ира встретила на территории обеих знакомых продавщиц и удивилась:

— Вы что тут делаете?

— Так... гуляем, — смутились девушки.

— Да ладно! Не пустят вас в гаражах гулять, у нас вход строго по пропускам.

— А ты болтать не будешь? — насторожено спросила Луиза.

— Кому?

— Вообще никому, а то выгонят... Живем мы здесь.

— Как? — опешила Ира.

— В виде как бы автотранспорта, — хмыкнула Таня.

— Но тут ведь холодно! И крысы!

— У нас обогреватель, а на крыс мы капканы ставим.

— А можно к вам в гости заглянуть?

— Хозяин велел никого не водить, — нахмурилась Луиза.

— Да ладно, — беспечно хмыкнула Таня, — откуда он узнает? Соседок дома нет!

И продемонстрировали девочки — четыре древние койки в помещении три на шесть, посередине — сколоченный из грубых досок стол, и даже элементы уюта — свисавшая с потолка лампочка оправлена в самодельный абажур, над постелями — плакаты с Юрой Шатуновым и группой «Мираж».

«Какое счастье, что я хотя бы в своей квартире живу! И мне не надо торговать конфетами!» — малодушно подумала Ирина, оглядывая это скучное жилище.

В стране, конечно, творилось, непонятно что, но они, студенты, жили не так уж и плохо. Сохранились еще в Москве бюджетные кафе, сигареты стоили недорого, можно было купить билеты в хорошие театры. В институте вовсю торжествовала демократия — отменили комсомол, ввели свободное посещение лекций и так называемый библиотечный день. А у Ирочки еще личное счастье — родители отбыли в командировку на целый месяц! Она частенько засиживалась до полуночи, ночью и читается лучше, и по телику столько всего интересного! А первую пару, спасибо свободному посещению, всегда можно прогулять.

Вот и тогда — засиделась над детективом Чейза часов до трех. И вдруг почувствовала: гарью тянет. Отбросила книгу, сбегала на кухню, выглянула в окно — нет, здесь вроде все нормально. Открыла дверь в подъезд. Дымом там, к счастью, пахло не сильнее, чем в квартире, зато на лестничной площадке толпились соседи. А за окном — полыхало зарево.

— Что горит? — встревожилась Ирина.

— Да гаражи твои, кажись, — не без злорадства сообщил дядечка из квартиры напротив.

— Ой! — пискнула она.

Машина у них с папой, конечно, застрахована, но оценили ее страховщики в несерьезную сумму, да и ту инфляция почти скушала. Кошмар будет, если вернуться родители к пепелищу вместо семейного автомобиля. Да и ей на чем тогда ездить?! Спасать имущество надо!

Ира метнулась в квартиру за ключами от машины и, как была в трениках, выбежала на улицу.

Никакого оцепления вокруг гаражей не наблюдалось, хотя пожарные уже прибыли. Но их автомобиль КПП миновал, а дальше проехать не мог. Мужчины, матерясь, пытались откатить легковушки, припаркованные внутри гаражей, и загоразивали крупногабаритному

транспорту проезд. Польшало, с ужасом осознала девушка, как раз в стороне ее гаража. А ведь рядом с ним располагался бокс, где жили знакомые продавщицы!

— Там люди! — бросилась Ира к пожарным.

— Нет там уже никого, — отмахнулся один из них. — Успели выбежать. А ты...

Ира, не дослушав, проскочила мимо пожарной машины и заспешила дальше, к своему боксу.

— Куда лезешь? Сгоришь!! — закричал вслед пожарный, но она ловко проскользнула мимо него. Плевать, что может пострадать сама, лишь бы любимца-«жигуленка» спасти.

Домчалась до своего бокса, трясущимися руками отомкнула замок. Только бы старенький автомобильчик не подвел! Но сейчас, видно, и «жигуленку» жить хотелось — двигатель взревел с пол-оборота. А ехать-то ей куда? Дорога со стороны главного входа перегорожена пожарной машиной, в противоположном направлении, к запасному выезду направиться — придется миновать очаг пожара. Вдруг там бензин, какие-нибудь газовые баллоны? И взорвется все точно в момент, когда она будет проезжать?!

Ира, сжав зубы, с пробуксовочкой, с дымком из-под колес, выбралась из гаража, поддала газу — и ринулась в дым. Управляла автомобилем почти вслепую и к реальности вернулась, только когда пламя осталось позади, а она проскочила сквозь открытые, к счастью, запасные ворота и оказалась за территорией гаражей.

В этот момент за ее спиной грохнул взрыв. Она в ужасе увидела, как взлетают на воздух обломки металла, какие-то доски, даже, ей показалось, машинные колеса. А через секунду услышала восхищенный женский голос:

— Ну, ты даешь!

У машины, кутаясь в клетчатое одеяло, стояла хохотушка Татьяна из конфетной палатки. Ее серьезная подруга, с облупленным чемоданчиком в руках, топталась рядом.

— Ф-фу! — выдохнула Ира и честно призналась: — Вот я перетрусила...

— Да уж, ты дурная, — согласилась Татьяна. — Ради какой-то железки так рисковать!

— А я ее понимаю. Я бы тоже поехала, — не согласилась Луиза.

Ира выбралась из автомобиля и бросила взгляд на девушек — похоже, они остались без крова.

— Вам ведь жить теперь негде! — ахнула она.

— Негде, — согласилась Таня. — С нашего гаража все и началось. Проводку замкнуло.

— Слава богу, что сами целы.

— Да, слава богу, — уныло согласилась Луиза.

А Таня грустно добавила:

— Но Ахмеду — хозяину нашему — лучше не попадаться. С нас же еще будет денег требовать.

— За что?

— Как за что? Скажет, сами виноваты, гараж спалили.

— Пошлите вы его!

— Попробуем, — неуверенно проговорила Луиза.

— Вам есть, где переночевать?

— Конечно! — ухмыльнулась Татьяна. — Уже забронирован «люкс» в «Савойе».

Ирочке очень хотелось после пережитого остаться одной, в тиши и безопасности отдельной квартиры, но разве могла она допустить, чтоб эти две ни в чем не виноватые девчонки остались холодной ночью на улице? И она скомандовала:

— Прыгайте в машину. Поедем ко мне.

Отказываться Таня с Луизой не стали.

Всем хороша была, казалось, продюсерша Елена Постникова — если не считать возраста. Да и возраст, признаться, замечен был лишь после внимательного разглядывания. Определялся он по выражению глаз, по странно натянутой, глянцевитой коже на висках, скулах и кистях рук. Да, не раз и, наверное, не два ложилась дама под нож пластического хирурга, многочисленные «уколы красоты» и лазерные шлифовки вообще в счет не шли. Одежда, без сомнения, из последней коллекции — но не унылый, офисный стиль, а легкая, художническая небрежность: вельветовые брючки песочного оттенка, заправленные в ярко-желтые высокие ботинки, пестрая блуза цветов палой листвы.

— Присаживайтесь, — повелительно бросила хозяйка кабинета. Сама же продолжила просматривать аккуратно переплетенную папку, всем своим видом выказывая, что Полуянов всего лишь один из многочисленных просителей, которым чего-то от нее надобно.

«Э-э, шалишь, — подумал про себя Дима, — мне от тебя не надо ничегошеньки, а вот тебе от меня — пожалуй. Может, мы и сторгуемся, а может, и нет». И он вальяжно развалился в кресле, опустив на столик перед собой сумку с ноутбуком.

Наконец Постникова написала на последней странице рукописи какую-то резолюцию и обратила свое холеное лицо к Диме:

— Слушаю вас.

— Могу только повторить, что говорил вам по телефону вчера. Я занимаюсь убийством Романа Черепанова. Мне в руки попало его предсмертное письмо, и там упоминается ваше имя. Хотите посмотреть запись?

— Цена вопроса?

— О деньгах разговор не идет. Во всяком случае, я с вас ни копейки не возьму.

— Что же вы от меня хотите?

— Комментарий. Несколько слов — не для записи, а только для меня, чтобы я лучше понял сложившуюся ситуацию.

— Что я должна прокомментировать?

— Роман Черепанов говорит в этой записи, что вы с ним были любовниками. Более того, он утверждает, что это вы отправили его в особняк Гречишниковых, проще говоря, послажили наводчицей. Это правда?

— Вы думаете, в это поверят?

— Убежден, что поверят.

— А что будет, если я вас сейчас просто прогоню?

— Тогда сегодня же исповедь Черепанова попадет на один из телеканалов, конкурирующий с вашим. И мне почему-то кажется, что там ее покажут.

— Какова альтернатива? Значит, если я вам просто расскажу, как в действительности было дело, вы оставите меня в покое?

— Не совсем.

— Что же еще вам надо?

— Я не знаю, в курсе ли вы, но покойный Роман задолжал крупную сумму денег. Тогда его кредиторы похитили младшую сестру Черепанова. Они требуют за нее выкуп — сумму долга. Я хочу, чтобы вы помогли семье.

— Значит, вы все-таки вымогаете у меня деньги, — с нескрываемым удовлетворением и легким презрением протянула Елена.

— Еще раз повторяюсь, мне лично от вас не нужно ни копейки.

— Покажите запись. Я оценю ее подлинность и сделаю копию — для себя.

Полуянов открыл ноутбук. Хозяйка кабинета протянула ему через стол флешку на брелке — похоже, из золота, даже с вкраплением бриллиантов. Журналист вставил ее в порт, проверил на вирусы и перенес видеофайл на флешку. Попутно включил воспроизведение и развернул лэптоп лицом к продюсерше.

Постникова слушала исповедь своего покойного любовника молча, с каменным лицом. Лишь когда голос Романа произносил ее фамилию и говорил о том, что это она отправила его в особняк Гречишниковых, что-то в нем слегка дрогнуло, а в конце записи из ее правого глаза выкатилась слезинка.

— Вы хотите, чтобы я его слова подтвердила или опровергла? — деловито поинтересовалась она.

Полуянов кивнул.

— Да! — заявила продюсерша. — Да, все было так, как он рассказывает. Я действительно дала Роману, как вы выражаетесь, наводку на особняк, где его убили. Почему я это сделала и какие цели преследовала, пусть останется за кадром. Я не собираюсь перед вами исповедоваться. Вы удовлетворены?

— Спасибо и на этом. Но вы еще должны дать денег семье Романа.

— А если я отвечу — нет?

— Офис ваших конкурентов, по-моему, находится в этом же здании.

— А у меня к вам, Дмитрий, есть другое предложение. Я знаю, что вас уволили из газеты.

— Я ушел сам.

— Неважно. Я вам предлагаю место в своей компании. Должность такая же, как была у вас в газете: спецкор отдела расследований. И зани-

маться будете тем же самым: горячие темы, болевые точки. Я дам вам ровно четверть часа в неделю, в прайм-тайм, после вечерних новостей. Зарплата будет в два раза больше, чем была у вас в газете, плюс премии, плюс, как ни крути, всероссийская известность. Я сделаю вас звездой.

— Спасибо, нет, — не раздумывая, ответил Полуянов. — Боюсь, что телевидение — это не мой жанр.

— Подумайте. Вот моя карточка. Когда станете моим сотрудником, вопрос о публикации этой глупой истории отпадет сам собой. А для эфира я сама снабжу вас действительно горячим материалом.

— Я привык доводить свои расследования до конца.

— Ну, тогда доводите, — великодушно разрешила продюсерша. — Чем вы там грозилась? Отдать пленку с записью бедного убитого Ромчика моим конкурентам? Что ж, пускай. Небольшой скандал мне совсем не повредит. Наоборот, весть о том, что я имела любовника много моложе себя, мои круги только взбодрит, да и мне добавит очков. А то, что Роман так глупо распорядился своей жизнью — не моя печаль. Так что мне очень жаль, но — нет, платить я ничего никому не буду.

— Однако, если сестру Романа похитители убьют, ваша репутация сильно пострадает, — сказал Дима. — Уж об этом я позабочусь.

— Но я не могу платить по глупым счетам своего покойного любовника! — возмутилась Елена. — Двести тысяч долларов — огромные деньги!

— Я одного не понимаю, — задумчиво проговорил Полуянов, — зачем вы отправляли Романа на дачу к Гречишниковым? Вы хотели, чтобы его застрелили?

— Нет! — выкрикнула она. — Вы не понимаете! На даче не должно было никого быть! Он бы украл скрипку — или что там собирался — и решил бы свои проблемы! То, что в особняке оказался младший Гречишников, да еще с заряженным ружьем, — просто несчастный случай!

— Но почему Черепанов отправился грабить именно Гречишниковых? У вас что, с Гречишниковым старые счеты?

— Нет. Почему именно эта семья и этот дом — я не знаю.

— А кто знает?

Постникова секунду подумала, потом черкнула пару слов на лежавшем перед ней блокноте:

— Спросите у нее. Она — в курсе. И это именно она, если уж на то пошло, должна помочь деньгами семейству Романа. Попросите ее, ее подруг. И если вы убедите их раскошелиться, я, так и быть, тоже готова войти в этот пул.

— Какой еще пул?

— Финансовых спасительниц сестры Романа. В конце концов, двести тысяч на одного — это неподъемная, даже для меня, сумма. Те же сред-

ства, только распределенные на четверых, — уже терпимо. Пятьдесят «штук» европейских денег вполне можно насобирать. — Она протянула Диме листок, на котором значилась фамилия, ставшая за последние сутки хорошо ему знакомой: «Ирина Коврова», и номер телефона. — И еще — вот, — добавила Елена, отдавая журналисту компьютерный диск.

— Что здесь?

— Моя беседа с Ириной Ковровой. Я ее записывала. Тайно. Кстати, обратите внимание на интерьер, в котором происходит разговор.

— А что в нем особенного?

— Он покажется вам знакомым.

— Вот как? Почему же?

— Наша беседа с ней проходила в этих стенах.

— И вы тайно записали ее? Как и сейчас записываете наш с вами разговор?

— Я не привыкла верить на слово, — усмехнулась Елена. — Никому, в том числе и незнакомым, пусть даже симпатичным молодым людям. Ступайте себе с богом, а о моем предложении поработать вместе — подумайте. Оно действительно до конца недели.

Выйдя из здания, Полуянов тут же набрал номер Нади:

— У меня для тебя еще одно задание будет. Ты говорила, что Ирина Коврова самыми разными темами интересовалась, книжки у тебя заказывала. В последний раз — по музыковедению, по истории музыки. А чем она занималась перед этим? А еще раньше? Какие затрагивала темы?

— Тебе за какой период нужно?

— Сколько успеешь. Чем больше, тем лучше.

— Ладно, постараюсь.

Появилось искушение еще одну исследовательскую работенку на Митрофанову возложить, но Дима решил пока воздержаться. Главное сейчас все-таки — диск, которым его снабдила про-

дюсерша. Лишь бы там оказалась не обманка, а действительно важная информация.

Пленка оказалась не смонтирована, изображение — черно-белое, снятое с одного ракурса, откуда-то сверху. Видимо, камера находилась в углу, над креслом продюсерши. Она сама в экран не попадала. Дима видел только часть стола и кисти ее рук с обтянутой кожей — он их узнал. А вот ее собеседница была видна великолепно — видимо, кресло для гостей расположили в том кабинете специально под камеру.

Ирину Коврову журналист раньше ни разу не видел, разве что на той старой фотографии с подружками из «Альбома», на которой женщина была лет на двадцать моложе. Теперь она слегка округлилась, если не сказать, оплыла, но смотрелась неплохо: модная, интеллигентная женщина из высших столичных кругов.

В углу кадра значилось время записи: 4 октября 20*** года, 21 час 31 минута — за два дня до убийства Романа, если только дата не подделка. Как и вся пленка.

Дима надел наушники. Голоса двух женщин были слышны очень отчетливо — один, знакомый, недавний, принадлежал Елене Постниковой, другой оказался с изюминкой, столь любимой журналистом: низковатый, с хрипотцой.

— Я хочу поговорить с вами о вашем любовнике. — В голосе Ирины Ковровой проскальзывали нотки неловкости и обеспокоенности, как-никак, она без приглашения появилась в кабинете незнакомой и важной особы.

Зато Елена на своей площадке чувствовала себя как рыба в воде.

— Любовнике? Котором из..?

— Не морочьте мне голову. Сейчас он у вас один. Роман Черепанов.

— А, Рома... И что же натворил этот сорванец?

— Вы в курсе, что он вас обманывает?

— Неужели? — с сарказмом воскликнула Елена. — Какой ужас! С кем же еще он спит? С вами?

— Нет, не со мной. И речь идет не о физической измене, вернее, не только о ней одной.

— Как?! — Голос Елены по-прежнему звучал шутовски. — Неужели мальчик напроказил как-то еще? И как же он, интересно знать, набедокурил?

— Я понимаю, ваша ирония — это своего рода защитная маска, поэтому не обижаюсь и прошу вас выслушать меня серьезно. У меня есть дочь. Зовут ее Аленой. Ей скоро семнадцать — а тогда, год назад, не было даже шестнадцати, совсем еще ребенок. Началось все с нее. Точнее, с того момента, как она познакомилась с Романом...

Прошлой осенью

Все поначалу было, как в сказке. Девочку звали Аленушкой, и выглядела она точно так, как в детских книжках рисуют: тоненькая, глаза-озера темно-синие, взгляд задумчивый, беззащитный. И русая коса тоже имелась, не давала покоя школьным подружкам. И мама у девочки, рано овдовевшая, была заботливой и доброй. Но на этом сказка и кончалась. Прекрасные принцы — что за взрослой женщиной, что за ее дочкой — в очереди не стояли, а мужчин простых, обычных обе гордячки не жаловали. Что мама давала отпор разведенным коллегам, что дочка — шараялась от неловких ухаживаний одноклассников, ждала своего принца. Умного, начитанного, доброго. И, конечно, взрослого.

Аленка обожала читать, и над книжками, дай ей волю, могла сидеть сутками. Проглатывала все, что под руку попадалось, даже «Справочник участкового врача» и «Словарь иностранных слов» штудировала, если ничего другого не оказывалось. А в пятом классе случайно попался ей женский роман, и она так на книжные страсти подседа, что, сколько ни пыталась мама доказать примитивность сего чтива, сделать ничего не сумела. Аленка словно помешалась на романтических историях, оставляла на книжных развалах деньги, что выделялись ей на завтраки, состояла читательницей множества библиотек.

И стихи стала писать. По мнению мамы, ужасные.

Однако сама Аленка считала, что получается у нее неплохо, даже что-то вроде бизнеса основала. Творила для своих подружек поэтические любовные письма. Стихи ее шли нарасхват, благодарные клиентки всю отдаривались — конечно же, любимыми ею любовными романами.

Дальше — больше.

Уверенная, что нашла дело всей своей жизни, Аленка решила записаться в литературную студию при бывшем Дворце пионеров, ныне — Доме школьного творчества. Располагалась студия в центре Москвы, неподалеку от литературного института, и отбор туда проходил, как у взрослых — требовалось написать сочинение, пройти собеседование.

Приемная комиссия приняла ее творчество довольно тепло, но один желчный дядька, выслушав ее стих, съязвил:

— Страшно далеки мы от народа!

Дама в ультрамариновом синтетическом костюме бросилась на ее защиту:

— А кому сейчас нужна правда жизни? То ли дело у девочки: море, облака, алые паруса. Молодец, детонька.

Однако на следующий день выяснилось, что творческий конкурс она не прошла.

— Может, и к лучшему, — попыталась утешить ее мама. — Хлеб поэта — совсем нелегкий.

Но Аленка рыдала, не переставая, и родительское сердце дрогнуло, мама решила помочь.

Ее слово — доктора наук, доцента престижного вуза — вес имело, по крайней мере, в детской литературной студии.

— Возьмем вашу девочку, — пообещал ей руководитель студии. — Пусть балуется. — И посоветовал дружески: — Только вы уж приложите все силы, чтоб она дальше не пошла. В литературный институт, например. Не ее это, и, слава богу. У поэтов хлеб горек, уж поверьте мне.

Аленка пропадала в литературной студии все вечера. Увлеченно конспектировала лекции — о Серебряном веке, Шиллере, поэтике Гомера. Пробовала себя в прозе и литературной критике. И продолжала писать стихи.

Как-то рядом с литературной студией, где она занималась, девочка приметилла спортивный клуб для избранных.

— Можно, я буду туда ходить? — робко попросила она маму.

— Аленка, это место, скажем так, не совсем нашего круга.

— Зато знаешь, сколько там интересных людей! — восторженно выдохнула девочка. — Я много раз рядом стояла, наблюдала! Мне бы так хотелось с ними по-настоящему познакомиться...

Мать не видела ничего интересного в многочисленных холеных блондинках, но спорить не стала.

— Хорошо. Покупай абонемент. Но имей в виду, в таком случае летом на море мы поехать не сможем.

И — мужественно оплатила абонемент, а также недешевую спортивную форму.

Пусть собирает дочка свою «коллекцию нравов», а заодно оздоровится — сколько можно над книжками сидеть!

Но Аленка лукавила. Она собиралась не только за соседками по тренажерам наблюдать.

Одна из стен тренажерного зала была полностью стеклянная и выходила в оживленный переулок. Народ тренировался, будто в аквариуме, у всех на виду. У Аленки первое время наблюдать за уличной жизнью не получалось — смущалась, глаза опускала, даже поделилась сомнениями с девицами в раздевалке. Одна из них тут же потрясла перед ее носом новеньким обручальным колечком:

— Да что бы ты понимала! Памятник надо поставить тому, кто стеклянную стенку придумал! Меня муженек мой новый — как увидел? Снаружи. И обмер. Зашел внутрь, дождался после тренировки. Испанский граф, чтобы ты знала! Со своим особняком! На той неделе в Барселону отбываю.

Другие девицы тоже принялись наперебой хвастаться — кого в тренажерном зале с улицы приметили и на кинопробы позвали, а уж букет из сотни роз на рецепции оставить — вообще в порядке вещей.

И Аленка поняла, что жар-птица ее — рядом! Девушка-то сюда шла просто созерцать жизнь, а оказывается, здесь можно и принца заполучить!

Постепенно она перестала стесняться и уже с удовольствием носилась по беговой дорожке у всех на виду.

Однажды девица с соседнего тренажера неожиданно дернула ее за штанину:

— Альфонсик на тебя глаз положил.

Аленка скосила глаза на улицу — и опешила.

В переулке остановился, не сводя с нее глаз, молодой, прекрасно одетый мужчина. Вылитый персонаж ее снов! Ослепительно-синие глаза, легкая ирония во взоре, белозубая улыбка.

Она вышла из раздевалки с замиранием сердца. Вдруг случаются чудеса? И молодой человек действительно хотел познакомиться с самой обычной девчонкой?

Но синеглазого в холле не оказалось. Администраторша же протянула девушке изящный букет, и Аленка, нетерпеливо выдернув визитку, застыла в недоумении. Только имя, фамилия и телефон. Роман Черепанов.

Перевернула карточку. На обороте размашистым почерком было написано: Я покорен. Богиня. Я тону. Спасешь?

Она улыбнулась и сунула визитку в сумочку. Неужели ей, наконец, повезло?

...Конечно, она знала правила игры и не стала первой звонить Роману Черепанову. Пусть красавец сам ее добывается. Но на следующий день соврала маме, что у нее дополнительные занятия в литературной студии, и сразу после школы помчалась в спортивный клуб.

Не зря торопилась — таинственный поклонник ждал ее на рецепции. Увидев ее, широко улыбнулся и спросил:

— Вам понравился мой букет?

— Да. Только кто вы вообще такой?

— Что тебя конкретно интересует? Адрес по прописке? Размер зарплаты?

— Ну... где вы работаете хотя бы, — смущенно пробормотала Аленка.

— Я — обычный клерк. Как большинство москвичей, — не стал вдаваться в детали Роман. — А ты, наверное, актриса? Фотомодель? Пианистка? Певица?

— Даже близко не угадали, — вздохнула Аленка. — Я тоже обычная... школьница. Мама — педагог, папы нет.

— Я счастлив. Наконец-то мне встретилась не фотомодель, не звезда, а обычная — но очень красивая! — девушка. Что будем делать? Ланч? Кофе с пирожными? Пятичасовой чай? Прогулка по бульвару? На Мальдивы — прямо сейчас? Выбирай...

Все-таки существует она, любовь с первого взгляда!

— К медсестре идем? — подошла к Аленке на перемене одноклассница Любка.

— Зачем? — удивилась девушка.

— Как зачем? — недоуменно взглянула на нее подружка. — От «физры» освобождение брать!

— Да, действительно... — пробормотала Аленка.

Физкультурник девчонкам на слово не верил, если критические дни, требовал справку от медсестры. И дни эти у них с Любкой всегда совпадали. День в день. Но сейчас почему-то не совпали. Неужели задержка?!

Она постаралась ничем не выдать своего волнения и небрежно кивнула Любе:

— Конечно, пойдём.

Медсестра, к счастью, осматривать их не стала, а просто выписала справки. Но что, если все-таки?..

В аптеку Аленка шла, словно на казнь. Кто придумал не выкладывать тесты в открытый доступ, а продавать их через кассиршу?!

Всю дорогу домой себя успокаивала: в конце концов, она еще подросток, цикл не устоявшийся. И Рома всегда был осторожен, и никаких симптомов у нее нет...

Однако проклятая бумажка уверенно продемонстрировала две полоски.

Бог мой, что же теперь делать?!

Аленка не сомневалась, что любая бы из современных девчонок — особенно из Роминоного круга, легких в общении, уверенных в себе — не сомневалась бы ни секунды. Немедленно к врачу, по срочному тарифу сдать анализы и в тот же день проблему решить.

Ей очень хотелось быть как все — современной. Но... но нельзя убивать малыша. Плод их с Ромой любви. Послание Всевышнего. Чудо.

И Аленка — наплевать, что у Ромки сейчас кинопробы! — немедленно ему позвонила и назначила встречу. А вечером, когда встретились, сходу бухнула:

— Ромочка... У нас с тобою ребеночек будет.

Что она сейчас прочтет в его глазах? Злость? Страх? Гнев?

Нет. Только досада.

— Ты... ты уверена? — пробормотал Роман.

— Достоверность у теста — 99 процентов. — Аленка очень старалась выглядеть спокойной.

— А какой срок? — деловито уточнил он.

— Ну... я точно не знаю. Небольшой, наверное.

— Значит, можно «мини» сделать, — уверенно проговорил Роман и, встретив ее испуганный взгляд, уточнил: — Вакуумная чистка — наименее травматичный метод.

— Это все, что ты можешь сказать?

— Ты ждала, что я предложу тебе замуж — и рожать? — прищурился он. — Не рановато тебе?

— Рановато. Но...мне просто так жаль его... — опустила она голову. — Он ведь уже человек.

— Брось! — отмахнулся Роман. — Никакой он не человек, просто скопление клеток пока. Что-то вроде опухоли.

Нет, совсем не такого разговора ждала Аленка.

— Ничего не скопление, он живой, сердце бьется! — гневно взглянула она на Романа.

— Ну, рожай, если фигуры не жаль. Отдашь потом на усыновление. Еще и приплатят тебе — за красивенького, здорового.

— Что ты сказал?!

— Но ты же не собираешься — в пятнадцать лет! — сама нянчить младенца?!

— А что здесь такого? Мама моя поможет...

— Нет, Елена, так дело не пойдет. Или ты немедленно отправляешься на аборт, или...

— Или что? — перебила она. — Ребенок — мой! Что хочу, то с ним и делаю!

— Какого дьявола я только с тобой связался! — досадливо выдохнул он. И это говорит человек, которого она любила больше жизни!

Ох, до чего хотелось ей сейчас уничтожить Романа, растоптать, стереть с его лица деловитое выражение. Чем бы уколоть его побольнее?!

— А ты вообще в курсе, — тихо произнесла Аленка, — что я — несовершеннолетняя, даже шестнадцати нет? Ты об этом прекрасно знал, но спал со мной, был у меня первым!

— Что дальше? — нехорошо прищурился он.

— Ну, номер статьи в уголовном кодексе про соращение малолетних я не знаю, но она там имеется, не сомневайся!

— Ты мне угрожаешь?! — опешил актер.

— Я защищаю своего ребенка и себя, — парировала девушка.

— Ох, дура ты! — вырвалось у Романа. Но почти мгновенно лицо его смягчилось и он добавил уже другим тоном: — Глупенькая! Глупенькая маленькая девочка... Ты так себя ведешь, потому что очень хочешь этого малыша, да?

У Аленки тут же брызнули из глаз слезы.

— Нет, не хочу, — проревела она. — Но, раз уж он есть — я не могу его убить!

Роман решительно приблизился к ней, сжал в объятиях и твердо произнес:

— Если ты твердо надумала — хорошо. Мы его оставим.

Про то, чтобы идти в загс, Аленка даже не заикалась. Рома смирился с тем, что у них будет ребенок, — уже хорошо. Лишь бы не отказался от сына, стал ему пусть приходящим, но отцом! И никаких денег от него ей не надо — вытянут малыша сами, с мамой.

Впрочем, признаться во всем матери духу у Аленки пока не хватало, да и Роман не советовал — кто его знает, как мамуля себя поведет? Вдруг тоже заговорит про скопление клеток и вакуумную чистку? Нужно хотя бы пару месяцев подождать, чтобы аборт уже поздно было делать.

— Веди себя как ни в чем не бывало. И румяничек по утрам подрисовывай, а то бледненькая ты очень, — наставлял он подругу.

Сам же относился к ней теперь, как истинный рыцарь. Постоянно поддерживал под руку, чтобы не поскользнулась, подарил теплый шарф с брендом известной фирмы: «Тебе себя вдвойне беречь надо». Даже кофе ей не позволял пить — для малыша вредно.

«Удивительно, как он быстро смирился», — думала про себя Аленка. Даже беспокоиться начала: не ведет ли Рома какой-то своей игры? Впрочем, тут же себя успокоила. Никогда Рома — ее принц! — ничего подобного не сделает.

— Аленка, — предупредил однажды Роман, — у меня форс-мажор, срочно вызвали на съемки. Завтра улетаю на Байкал. На неделю.

— Ой, как жаль! — расстроено протянула девушка. — А я на послезавтра к врачу записалась. Думала, ты со мной пойдешь...

— Ален, мне и самому не хочется ехать, — вздохнул Рома, — но я пока не Брэд Питт, график съемок диктовать не могу.

Говорил, вроде, искренне, но лицо довольное. Явно рад сбежать.

В носу предательски защипало, и девушка всхлипнула.

— Нет, стоп! Так не пойдет, — засуетился Роман. — Ты чего мне тут сырость разводишь? Я уезжаю совсем ненадолго. И привезу тебе, если хочешь... огромную банку икры!

— Фу!

— А кедровых орешков? Меда? Рыбки солененькой?

— Ничего не хочу. — Роль капризной беременной начинала Аленке нравиться. — Только цветочек аленький.

— Хорошо, будет тебе цветочек, — улыбнулся Роман. — А сейчас пойдем куда-нибудь в кафешку. Тебе обязательно надо поесть.

— Не буду.

— Ну, хоть чаю горячего выпьем, что-то ты совсем бледная.

— Вот пристал, — вяло отозвалась Аленка. — Хорошо, пошли.

Кафешка на пути встретилась совсем убогая, даже без официантов — всю еду нужно было от стойки тащить.

Аленка, верная себе, ничего заказывать не стала, только цедила маленькими глотками прежде любимый чай с чабрецом и поражалась, до чего он невкусный.

А ночью проснулась, оттого что ужасно болел живот.

Она терпела до последнего. Лишь на рассвете, совсем измученная, начала постанывать, и мама, услышав, проснулась.

На серьезные разговоры времени не было, да дочь уже говорить не могла, находилась в полузабытьи.

Постель была вся в крови, но мать боялась предположить страшное. Когда звонила в «скорую», уверяла, что у дочки, судя по симптомам, острый аппендицит или кишечная непроходимость.

Однако Аленку госпитализировали в гинекологию и сразу увезли на операцию.

Мать осталась под дверями операционной. Было достаточно времени осмыслить, что все-таки случилось. Десять, сто, тысячу раз себя упрекнуть, что невнимательна была к девочке, что ничего не заметила...

Врач долго не выходил к ней, а когда вышел, хмуро произнес:

— Где она достала лекарство?

— Ка...кое?

— Мифегин.

— Что это? — опешила женщина.

— Не знаете? Народное название — «таблетка от беременности». Вызывает сокращение матки и изгнание плода. Отпуск в аптеках строго по рецептам, разрешен к применению только в условиях лечебных учреждений. Врач должен был дать ей эту таблетку и контролировать процесс, в том числе методами «узи»! Но ваша дочь, судя по всему, просто выпила лекарство — дома. Дикость, несусветная, потрясающая халатность! Счастье, что мы ее спасли!

— И...что теперь?

— Вытянули мы вашу девочку, — поморщился доктор. — Но придется долго лечиться. И детей она иметь больше не сможет. — Потом внимательно взглянул на женщину и упрекнул: — Вы приличная, вроде, дама, как же допустили такое?!

— Я...

— Да, — отмахнулся доктор, — я все знаю, много раз слышал. Вы работаете, вам некогда, вы были уверены, что дочка дни напролет проводит в библиотеке.

— Я... я могу ее увидеть?

— Пожалуйста, — пожал плечами врач.

Аленка вцепилась в ее руку, как в последнюю надежду, и заговорила горячо, словно в бреду:

— Мамочка, я хотела этого ребенка, я решила его оставить! Это он, он все сделал! Он мне лекарство подсунул! Мы вчера пили чай, и мне еще показалось, что у него очень странный, противный вкус! Но я даже подумать не могла! — Девочка горько разрыдалась. — Как он мог, как только он мог!!

А когда слезы кончились, долго смотрела в пространство. Потом помотала головой, будто стряхивая с себя наваждение, и деловито произнесла:

— Какого цвета комбинезончик ты купила на выписку?

— Что?

— Синий, Степушке обязательно нужен синий, под глазки. Только никаких, я тебя прошу, пошлых голубых бантов, возьми просто на липучке. А ползунки я хочу светленькие, хорошо? — Аленкины глаза лихорадочно блестели. Она коснулась своей груди и пожаловалась: — Болит. Молоко, наверное, прибывает. Позови санитарку, скажи, чтобы Степушку мне принесли. Я хочу его покормить.

— Аленушка... — осторожно произнесла мать.

— Только не надо мне говорить, что я устала, — капризно надула губы Аленка, — я хочу видеть своего сына! Прямо сейчас! — И, приподнявшись на постели, крикнула: — Эй, кто-нибудь! Принесите мне моего ребенка! Немедленно!

Тут мать отчетливо поняла: нежданная беременность, выкидыш — еще не самое плохое, что случилось с ее дочерью.

...И по голосу, и даже по плоховатому изображению было видно, что разговор Ирине дается с трудом. Когда она делала паузы, то плотно смыкала губы, а пальцы были сцеплены в замок на коленях.

Дима сочувственно слушал ее историю, и ближе к концу у него даже в носу защипало.

— ...Верх подлости, — говорила Ирина. — Когда девочка забеременела, Роман подмешал ей в чай мифегин. Вы в курсе, для чего это лекарство?

— Да, я знаю этот препарат, — кивнула продюсерша.

— Девочка чуть не умерла. Врачи говорят, что теперь она никогда больше не сможет иметь детей.

— Когда, вы говорите, это все случилось? — спросила Елена Евгеньевна.

— Хотите удостовериться, — через силу улыбнулась Ирина, — состояли ли вы в то время с ним в связи? Я думаю, состояли, потому что началось это в сентябре прошлого года, а продолжилось до декабря — до тех пор, пока он чуть не убил ее этим мифегином.

— Сочувствую, — выдохнула Елена Постникова. Если судить по голосу и по спокойно лежащим на столешнице рукам, она по-прежнему оставалась холодной, если не сказать безучастной. А может, просто очень хорошо владела собой. — Однако при чем здесь я? Я же не могу нести ответственность за поведение этого человека, в каких бы мы с ним отношениях ни находились. Или вы просто хотели открыть мне глаза? Что ж, благодарю за информацию. Я проведу с Романом воспитательную работу.

— Подождите. Дело тем не кончилось. Алена очень переживала, болела. Потом, когда пошла на поправку и вернулась в школу, попала в дурную компанию.

— Вы и в этом обстоятельстве хотите обвинить моего любовника? — В голосе Елены снова слышалась ирония.

— Но ведь он был первопричиной. Хотя неважно... У меня есть подруги, давние, еще со студенческих лет. Одну зовут Татьяной, она учительница, в крутой частной школе. Другая Луиза, она замужем за итальянцем...

Диме сразу вспомнилась фотография из «Альбома»: три юные девицы, одетые по старой моде, но веселые, полные жизни и огня. И подписи: Луиза-Таня-Ира.

— Татьяна хотела помочь мне, а, главное, Аленке. Но она тогда даже не сказала о том, что затевает. У нее есть сынишка, одних примерно лет с моей дочерью, зовут Сашей. Она его познакомила с Аленой. Его и друга — американца, который у них жил в то время. Они, все трое, Саша, Стив и Алена, стали общаться, и я заметила, как девочка воспряла, пошла на поправку, у нее появился вкус к жизни. Но тут случилась новая беда. Парни, в компании которых раньше вращалась Алена, напали на тех двоих мальчишек, Стива и Сашу, и сильно избили... У Саши была тяжелая черепно-мозговая травма, множество переломов: челюсти, носа, ключицы, ему пришлось на год уйти в «академку»...

— А вам не кажется, — со смехом заметила продюсерша, — что корень проблем как раз заключается в вашей дочери?

— Нет, не кажется, — с вызовом ответила Ирина.

— Не понимаю, зачем вы мне все это рассказываете? Хотите подать заявку на написание мильной оперы?

— Нет, я хочу вас завербовать.

— А на кого вы работаете? ЦРУ, КГБ, китайская разведка?

— Я работаю — на себя. Против вашего любовника — Романа.

— Прямо-таки против него работаете? — Голос продюсерши сразу стал серьезным.

— А он вам не жаловался, что в последнее время на него обрушивается что-то очень много разнообразных неприятностей? Сначала поехал отдохнуть на озеро Комо — а дело закончилось пьянкой, скандалом, полицией, неприглядными снимками в газете...

— Ваших рук дело?

— Да, моих. И Луизы — моей подруги. Она держит тот пансионат. А теперь — вы ведь в курсе, да? Рома проиграл в подпольном казино кучу денег. Очень много.

— Тоже вы подстроили?

— Тоже мы.

— Вы меня прямо растрогали своей организованностью. Даже лестно, что мой Ромочка удостоился столь сложных интриг. — Хотя в голосе телевизионщицы и слышался неприкрытый сарказм, чувствовалось, что она уязвлена. — Вы его и в казино обыгрывали?

— Моя подруга Татьяна, мать Сани, — в прежней своей жизни успешный дилер в казино, супервайзер, у нее сохранилось огромное количество связей в тех сферах.

— И среди похитителей девушек?

— На сестру Романа намекаете?

— Да чего уж тут намекать. Впрямую говорю.

— Похищение Кристины — личное творчество его кредиторов.

— А вы не боитесь?

— Чего?

— Что я обо всем расскажу?

— Полиции?

— Нет, Роману.

— Расскажите — и что? Он узнает, откуда на него сыплются все эти напасти? Так, может, я только этого и хочу: чтобы он понял, что ни одна его подлость не останется безнаказанной.

— А если он соберет крепких друзей?

— Нет у вашего Ромы крепких друзей. Я очень хорошо эту тварь изучила. И денег у него нет, чтобы этих крепких друзей нанять. И за вас он держится только потому, что вы — единственный источник, через который он может присосаться к большим (в его понимании) деньгам. А если дело уж совсем запахнет жареным, Роман и квартиру, что вы ему купили, продаст. Он бы и вас саму продал, да не знает, кому.

— Что вы от меня-то хотите?

— Вашей помощи.

— Помощи? В чем?

— Добить Романа.

— До-обить? — В голосе хозяйки кабинета послышалось неприкрытое удивление. — И вы думаете, я вам в этом помогу?

— А зачем он вам? Такие подлецы хороши, когда им все удастся, когда все получается, и хвост трубой. А сейчас — могу представить! Он наверняка превратился в размазю, растекшуюся лужу. От такого лучше избавиться, пока он сам вас как-нибудь не скомпрометировал и не подставил. Да и толку от Романа сейчас никакого.

— Что вы конкретно хотите?

Дима, слушая диалог двух женщин, понимал, что телевизионщица ни на минуту не забывает о камере, записывающей их беседу, и во многом ведет свою линию в расчете на нее. Понимал, что она хочет, чтобы ее визави выложила напрямую, что замышляет.

— Хороший вопрос, — улыбнулась Ирина. По ходу разговора она окончательно приобрела уверенность в себе. — У меня есть для Романа интересное денежное предложение. Но если к нему с ним выйду я, он не поверит, решит — подстава, и правильно, наверное, сделает. Вам же он доверяет. А история, в итоге, может выйти презабавной.

— Могу себе представить.

— У меня есть ученик, я с ним работаю. Зовут Юра Гречишников — из той самой богатенькой семейки Гречишниковых. Он музыкант или вообразил себя таковым — папаша ему даже купил скрипочку Страдивари. Сейчас они всей семьей в отъезде, отдыхают на Бали. Я знаю дом, где они живут в Подмосковье, охраны там нет, знаю расположение комнат, где хранятся сбережения, драгоценности и Страдивари. Представляете? Осталось только убедить Романа, чтобы он «пошел на дело».

— И в чем же подвох? Вы предупредите полицию?

— Зачем так грубо?! Дальше возможны варианты. Первый: Роман идет на преступление и попадает (безо всякого предварительного информирования полиции). Менты ведь и сами когда-нибудь могут сработать, особенно если действует непрофессионал. Вариант второй: кража удалась. Но, даже если так, согласитесь, рано или поздно Роман все равно засыплется: или когда попытается скрипку продать, или драгоценности сбить, или просто сболтнет лишнего. Он попадет под следствие. Вот вы и расстанетесь, красиво и навсегда, со своим надоевшим любовником. Он оставит в покое вас и в неприкосновенности вашу квартиру. Как вам план?

— Ужасный. Слишком сложный, глупый и выспренный. Как все интеллигенты. И вы сама. Как история, что вы нагородили вокруг Романа. Что вы придумали целую интригу в духе девятнадцатого века? Обидел он вас, унизил, обесчестил вашу дочь? Будьте проще, наняли бы пару крепких ребят, те отмордовали бы Ромочку почем зря, отбили бы почки — и вы с вашей дочуркой отомщены, и цена вопроса — штука баксов. А эта история со Страдивари — слишком уж сложная. Наш мир устроен незатейливо, век на дворе стоит двадцать первый, и сейчас в моде простые решения.

— Елена Евгеньевна, — спокойно произнесла Ирина. — Давайте будем искренними друг с другом. Скажите мне — только честно! Вы считаете, что Роман вообще не заслуживает наказания?

— Ну, в чем-то он виноват, — небрежно пожала плечами продюсерша. — Хотя эта современная молодежь... Чего еще от нее ждать?

— Хорошо, — кивнула Коврова. — Поставим вопрос по-другому: лично вам этот недочеловек по имени Роман Черепанов по-прежнему нужен?

Дальше запись обрывалась, и оставалось за кадром, договорились Елена с Ириной или нет. И если договорились, тогда на каких условиях.

Но, наверное, договорились, если на следующую ночь Черепанов полез в особняк Гречишниковых и там получил ружейный выстрел в живот.

Интересно другое: знала ли на самом деле Ирина о том, что дом олигарха не будет в ту ночь пустовать? Что там вдруг окажется сын хозяев, и у него под рукой — «беретта» с коробкой патронов? А если знала — сказала ли об этом продюсерше Постниковой?

Об этом стоило спросить у самой Ирины.

Полуянова интересовала личность Ирины Ковровой, и, главное, подходы к ней. И он стал повторять то, что проделывал в газетных расследованиях с каждым своим новым контрагентом: забил в поисковик сначала фамилию, потом полученный от Надежды домашний телефон Ковровой, адрес и название почтового ящика.

Телефонные номера Ирины ничем Диме не помогли, и он решил проверить электронный почтовый ящик Ковровой. Вот тут случилось аж семнадцать совпадений — правда, вскоре выяснилось, что все они базировались на одной и той же рекламе, единожды опубликованной газетой бесплатных объявлений семь лет назад. Одно из частных объявлений гласило: «Напишем на заказ диссертацию (магистерскую, кандидатскую, докторскую)».

Оно только подтвердило подозрения Полуянова: да, Коврова ваяет диссертации за деньги. Ну и что? Что тут особо криминального?

От компьютера Диму отвлек телефонный звонок. Звонила Надя. Она сообщила, что последней темой, над которой корпела Ирина, была музыка: около сорока, в общей сложности, заказанных работ. До того женщина столь же плотно занималась социальной психологией: десятки проработанных книг, а еще раньше — политологией...

Дима и не заметил, как подступил вечер. Да что там, со своей вечной работой, гонкой, он не заметил, как осень пришла. А ведь еще совсем недавно нежился под летним солнышком на озере Комо.

Он сел в свою «тойоту» и набрал мобильный номер Ирины Ковровой. «Бедная Ира», — почему-то подумалось ему. Впрочем, в нынешней истории едва ли не все были бедными, и всех было жаль. И Коврову, чуть не потерявшую дочь, и ее подругу, не знакомую журналисту Татьяну, учительницу и бывшую дилершу в казино, у которой избили сына, и даже телевизионщицу Елену, покупавшую любовь молодого подлеца. Впрочем, нет, последнюю как раз жалко не было.

Вот кому действительно можно было посочувствовать, так это Кристине Черепановой, томящейся сейчас где-то в лапах бандитов. И Роме Черепанову — потому что погиб. И их родителям.

— Алло, Ирина? — Услышав в ответ женский голос, Полуянов представился, по-прежнему козырнув своим бывшим местом работы. — Мне надо с вами поговорить.

— О чем же? — Голос звучал холодно, но спокойно.

— О вашей работе.

— Что вы имеете в виду?

— Вряд ли обрадуется ученый совет, а самое главное, заказчик, музыкант, сын богача и будущий кандидат искусствоведения Гречишников, когда перед его защитой появится статья о том, кто и как, на самом деле, писал его диссертацию.

— Что вы от меня хотите? — Ирина была по-прежнему холодна и спокойна.

— Я же говорю вам: встретиться и побеседовать.

— Хорошо, приезжайте. Я приму вас у себя дома. Вы знаете, где я живу?

— Да, — не солгал журналист.

— Мне почему-то так и показалось, что знаете, — вздохнула она.

— Да, если ваш адрес по регистрации совпадает с фактическим.

— Совпадает.

— Я выезжаю к вам сейчас из района Останкино. Доберусь, как позволят пробки.

— Можете не спешить. Я сегодня никуда не собиралась.

Ковровы проживали в совсем не модном районе, в Новогиреево — правда, дом оказался недавней постройки, последних архитектурных серий. У щегольской многоэтажки с башенками невозможно было припарковаться из-за обилия иномарок, поэтому Диме пришлось втиснуться во двор соседней «хрущобы». Четыре тетеньки, митингующие у подъезда, наградили журналиста, вылезавшего из «тойоты», взглядом, исполненным классовой ненависти. Водораздел между богатыми и бедными здесь, похоже, проходил непосредственно по двору, разделявшему старенький блочный дом и новенький восемнадцатизэтажный небоскреб.

В подъезде Диму встретили равнодушный консьерж, цветы в горшках и зеркала. Он поднялся лифтом на семнадцатый этаж. Но не успел из него выйти, как одна из квартир на этаже распахнулась и оттуда вылетела девочка лет семнадцати. Одета она была в стиле «вот вам всем фигу, взрослые». Во времена полуяновской молодости так наряжались неформалы, называемые металлистами: короткая «косуха» с заклепками, короткая кожаная юбочка, колготки в сеточку, нарочито рваные на коленях, и тяжелые ботинки на шнуровке. В брови красовалась металлическая серьга, красные волосы топорщились от геля, короткие ногти выкрашены черным. Глаза ее

скользнули по Диминому лицу и, подойдя почти вплотную к нему, девушка прошипела:

— А-а, журналиюга! Явился! Если ты про мою мамахен соврешь чего-нибудь, пожалеешь очень скоро. Фамилию, имя я знаю. Полуянов Дмитрий. Где ты живешь, найдем, и мои пацаны, если что, из тебя отбивную с кровью сделают. И не вздумай матери на меня жаловаться, понял? — злобно фыркнула она, одарив спецкора ненавидящим взглядом, и шагнула к лифту.

От такой наглости Дима настолько оторопел, что даже не нашелся, что ответить, а когда сообразил, красотики уже след простыл.

Полуянов позвонил в ту дверь, из которой только что вылетела малолетняя фурия, и на пороге тут же возникла Ирина Коврова. Она выглядела немного худее, чем в камере, но более измученной.

— Ну, по-моему, вы зря волнуетесь за свою дочку, — вместо приветствия произнес журналист. — Очень милая, живая девочка.

— А, вы встретились, — с непонятной интонацией проговорила хозяйка. — Что ж, раздевайтесь. Обувь можете не снимать. А вы ведь не работаете больше в «Молодежных вестях».

— Вы тоже подготовились, — улыбнулся журналист. — Вот что значит столичные пробки. За то время, пока добираться в нужное место, тебя успевают уволить. Не волнуйтесь, если что, у меня остались хорошие связи. И в «Молвестях», и во многих других изданиях. А статью о том, кто и почему заказал убийство молодого актера, все газеты возьмут с распростертыми объятиями, уж не сомневайтесь.

— Проходите, — отвела глаза Ирина. — Чаю не предлагаю. Вы ведь все равно не станете пить чай в доме у врага, верно? Давайте сразу перейдем к делу.

— Ну, что ж, давайте. Я предлагаю вам сделку, — проговорил журналист.

— Сделку? Что вы можете мне предложить?

— Я бы мог предложить вам два «не». Даже три. Во-первых, НЕ писать о вашей практике подготовки диссертаций за разных состоятельных господ. Я знаю, ничего противозаконного в этом нет, но, во-первых, я не уверен, что вы аккуратно платили все налоги с этой деятельности. Кроме того, вряд ли те самые, конкретные господа, которым вы продавали свой собственный ум и знания, будут обрадованы, когда я обнародую их имена.

А вот и второе «не». Я НЕ стану писать об истории, происшедшей с вашей дочерью и Романом Черепановым. И обо всем, что вы затеяли с подружками Луизой и Татьяной и что закончилось трагической гибелью актера. Поверьте мне на слово: я знаю обо всем — а даже то, чего я в данный момент не знаю, в дальнейшем вычисляется «на раз». И о проигрыше в казино, и о похищении Черепановой-младшей.

— Не верю я вам, — с кривой улыбкой покачала головой Ирина. — Что-бы журналист — да не написал?! Нет, не верю.

— Может, вы и правы, — согласился Полуянов. — Но, если когда-нибудь и напишу, изменю до неузнаваемости все имена и обстоятельства, чтобы ни вас, ни кого другого из действующих лиц никто не опознал.

— В чем тогда ваш интерес?

— Подождите, я еще не сказал о третьем «не». Я НЕ стану никому рассказывать о том, что произошло. Наверное, вы правы, и отыскать против вас и ваших подруг статью в уголовном кодексе будет трудновато. Но следы и опера ведь не единственные люди, которым интересно слушать истории о таинственных преступлениях, загадочных мотивах и тех персонах, что стоят на деле за убийствами. Ведь у убитого Романа Черепанова тоже есть родители — вы не подумали? Есть отец, который, кстати, сейчас находится в Москве — очень brutальный мужчина, — приврал Дима, хотя видел старшего Черепанова лишь один раз, на семейной фотографии. — У его сестры, похищенной, в общем-то, благодаря вашим стараниям, имеются в городе Малинове друзья, очень разгневанные, кстати, да такие, что вашей дочери не чета, — вторично приврал Полуянов. — Ну и что? Вы развяжете с ними войну? Кавказскую или сицилийскую вендетту? Вы отомстили за дочку, Черепанова станет мстить за брата. А дальше что? За Аленку вашу, в итоге, не страшно?

— Чего вы от меня хотите? — устало проговорила Ирина.

— Я хочу только одной, и очень простой вещи. Как я говорил, ваши друзья из подпольного казино, которым — благодаря, опять же, вашим милостям — задолжал Роман, похитили сестру Черепанова Кристину. Я хочу, чтобы ее вернули домой, живую и невредимую. Согласитесь, она здесь совершенно ни при чем. И за художества, что натворил совратитель вашей

дочери, Кристина решительно никакой ответственности нести не может. Я не знаю, как вы ее освободите. Договоритесь ли со своими друзьями, что они, в связи со смертью Ромы, простят его долг перед ними, или скинетесь с Луизой, Татьяной и телевизионщицей Еленой Постниковой, и сами покроете этот долг? Но, согласитесь, это ужасно, что девчонка сейчас страдает взаперти, где-то в подвале, в руках головорезов. Давайте-ка мы с вами все же поставим точку в этом деле. Насилие порождает насилие, и ложь порождает ложь. В ваших силах этот каскад остановить. Я к вам пришел с открытыми картами и беседую с вами начистоту потому, что вы не какая-то преступница, вы бедный и загнанный в угол человек. И я никак не могу вас ненавидеть. Жалею — да. Но не больше.

Кристина давно потеряла счет времени. Она не знала, сколько прошло времени с того момента, как ее запихнули в машину, засунули тряпку в рот, надели мешок на голову, связали руки и повезли куда-то. Перед поездкой похитители сказали ей — тихо и внушительно, с южным акцентом:

— Спокойно лежи, не дергайся. Дергаться будешь — больно будет.

Ехали долго, несколько часов. Привезли неизвестно куда, не снимая мешка и кляпа, вытащили из машины, поволокли по двору — она сама идти не могла, ноги после долгой и мучительной дороги не слушались. Потом спустили по лестнице вниз и бросили на что-то твердое. Заскрипела, затем грохнула тяжелая дверь. С Кристины сорвали мешок и выдернули изо рта кляп. Она зажмурилась — лампочка в помещении, где оказалась девушка, светила очень тускло, но после многих часов пребывания в мешке она ее все равно ослепила. Раздался чей-то голос, но глазам было так больно, что Кристина не смогла рассмотреть, кто это перед ней.

— Сидеть будешь здесь, тихо сидеть, — сказал голос с гортанным акцентом. — Будешь здесь спать и в туалет ходить. Выбраться не пытайся, все равно не получится. Ни с кем не разговаривай, вопросов не задавай, иначе тебе самой плохо будет.

От безразличия мужчины и его ровного спокойного голоса веяло особенным ужасом. Чувствовалось, что одни и те же слова он произносил в своей жизни далеко не единственной пленнице, а скольким — сотне? тысяче? — он, видимо, и сам забыл.

А потом потянулись дни, настолько похожие друг на друга, что Кристина очень быстро перестала считать, сколько времени находится в заточении. Окна в камере не было, одни лишь бетонные стены. Кровать панцирная, застеленная, с матрацем и даже простыней и наволочкой. В углу унитаз. Имелся также стол и ложка. Кормили сносно, давали плов, лепешки и чай. Лампочка светила сутки напролет, тускло, зато постоянно.

Еду приносили разные люди, мужчины восточного вида. Никто ничего не говорил, не домогался ее, даже не дотрагивался.

Только однажды пришел вдруг человек в белом халате, по виду русский и говоривший без акцента. Осмотрел, взял анализ крови из вены, долго разговаривал с Кристиной, а на прощание достал из своего портфельчика ампулу, одноразовый шприц, жгут, сказал: «Поработай кулачком», — уколол в вену и ушел. Она села на кровать и вдруг почувствовала себя так легко, словно тело и душа ее улетали куда-то. И свет в подвале стал ярче, и трещины на бетонных стенах сплелись в красивый прихотливый узор, и рыжее одеяло на кровати вдруг стало такое милое-милое, что его захотелось обнимать и гладить...

И тут в камеру вошли двое мужчин. Оба жгучие, усатые и толстомордые. Они смотрели на Кристину, как смотрят на скотину на рынке.

— Раздевайся, — приказал первый.

Кристине и в голову не пришло что-либо возразить. Когда она начала раздеваться, мужчина презрительно усмехнулся: — Лифчик, трусы оставь, — и скомандовал: — А теперь — танцуй!

— Что танцевать?

— Что хочешь.

Раньше она бы умерла от смущения, а теперь, после укола, ей было совсем не стыдно, только неловко, но чуть-чуть. И она стала танцевать, как ей казалось, зажигательно.

— Стой! — велел первый (говорил все время только он).

Она послушно остановилась. Второй сказал что-то на незнакомом языке. И, слава богу, потому что вряд ли ей понравилось бы то, о чем они говорили.

— Она никуда не годится, — заметил второй мужчина.

— Да, лицо страшное.

— И фигура ужасная...

— И двигается, как полено.

— Слушай, ты откуда взял ее?

— Дед Иракий попросил поддержать, ее брат денег ему задолжал.

— Уже отдал?

— Нет.

— Что так?

— Убили ее брата.

— Что теперь с ней делать будем?

— Посуду поставим мыть, детей нянчить. На что она еще годится?

— У нас и без нее есть кому детей нянчить.

— Что предлагаешь?

— Хорошо бы, хоть полцены за нее заплатили бы.

— Хорошо бы, но маловероятно. Знаешь, брат, я ее попробую все-таки.

— Попробуй, брат. Желая, чтобы ты, несмотря ни на что, получил удовольствие.

Они со смехом похлопали друг друга по плечу, и один мужчина ушел, а второй произнес равнодушным и пресыщенным тоном:

— Ну, что, начнем? Становись на колени...

В тот первый вечер, когда Полуянов явился к Ирине Ковровой, она при нем позвонила своей подруге Татьяне Шевельковой. Дима слушал разговор по отводной трубке.

— Здравствуй, Танюша.

— Здравствуй, Иришка.

— Как твой Саня?

— Неплохо. Федор Степанович говорит, что всего одна операция осталась, и будет как новенький. Что ж! Как говорится, нет худа без добра, зато в армию теперь не возьмут. — Голос Татьяны звучал с напускной бодро-

стью, однако горьковато. — Твоя-то дочь как? — спросила она в свою очередь.

— Все так же, Танечка. Та же юбка, по самое не могу, красные волосы и черный маникюр. Одно радует: компания вроде другая, попримичнее с виду ребята.

— А над той-то, прежней компанией, когда суд начнется, не знаешь?

— Следователь говорит, через месяц приблизительно.

— Что им светит?

— Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, статья сто одиннадцатая, часть третья. От пяти до двенадцати лет. Но «следак» сказал, чтобы я не обольщалась, получают они, скорее, по нижнему пределу. Молодые еще, не судимые, хорошие характеристики.

— Ничего, пять лет в тюрьме тоже не сахар.

— Таня, — приступила Коврова к главной цели своего разговора, — что мы дальше-то делать будем?

— А надо что-то делать?

— Ты знаешь, что надо, Таня. Роман Черепанов умер. А его сестра — сама знаешь где.

— Ну, и ничего. Может пострадать за своего родственника — как мы с тобой за своих страдали, да и страдаем до сих пор.

— Но ты ведь понимаешь, Таня, что это неправильно! Девчонка-то ни в чем не виновата! Ее мы за что казним? Мало того, что сам Рома погиб — чего мы с тобой, если помнишь, не хотели, сестра его за что страдает?!

— Хорошо, Ира, что ты предлагаешь?

— Выйти на твоих боссов из казино и объяснить им ситуацию. Что они могут получить от этой нищей семьи Черепановых? Мне тут рассказали, как там они, у себя в Малинове, живут. Их квартира, дай бог, тысяч на сорок евро потянет. И что им делать? Ну, пусть бандиты казиношные прикончат Кристину — им что, легче станет?

— Ох, не знаю, Ира. Я, конечно, спрошу, но, боюсь, мало что получится. Компенсацию — пусть не в полном размере — они все равно потребуют. Серьезные люди.

— Сразу говорю: я, Таня, готова даже заплатить. А что еще нам остается? Вторую душу, совсем уж невинно загубленную, брать на себя? Не слишком ли на двоих многовато будет?!

— Ладно, Ира, я поговорю.

— Прямо сегодня, Таня. Прямо сейчас.

Полуянов отчего-то верил в искренность Ирины Ковровой. В тот вечер он спокойно отправился из Новогиреева домой к себе в Медведково, в не-

терпении ожидая встречи с Надей. Он меньше двух суток провел вне дома, но ему казалось, что целую вечность, и он ужасно по Надежде соскучился.

Эпилог

Жизнь постепенно возвращалась в свою колею.

Надя продолжала работу в читальном зале историко-архивной библиотеки.

Ирина Коврова в библиотеке долго не появлялась, но потом вдруг возникла и заказала большое количество книг, посвященных Скрыбину и его эпохе. Тем, связанных с Черепановым, Гречишниковым и событиями вокруг них, они с Митрофановой ни разу больше не касались. Да и вообще, их дружба как-то сама собою увяла. Сухо здоровались, и все.

Дима Полуянов поступил на постоянную работу в гляцевый журнал «Дамы и господа». Зарплату ему положили хорошую, плюс ежегодно одна туристическая поездка (со спутницей) в любую точку земного шара. В феврале они с Надей собираются на Мальдивы.

Журналист сдержал слово, данное трем женщинам: Любви Кирилловне Черепановой, продюсерше Елене Постниковой и Ирине Ковровой: он действительно ни строчки не написал про Романа Черепанова и про то, что стало первопричиной его смерти.

Музыкант Юрий Гречишников благополучно защитил кандидатскую диссертацию. Убийство Черепанова им было совершено, как заявил суд, в пределах необходимой обороны.

Луиза Ланселотти продолжает работать на своей экологической ферме вблизи озера Комо. Приближалась зима, и это означало, что туристов будет мало, зато — много дел по части подготовки инфраструктуры к будущему сезону.

Она приняла финансовое участие в выкупе Кристины Черепановой, заплатив семнадцать тысяч евро из собственных сбережений — больше просто не было.

Стив вернулся в Америку. Несмотря на то, что русское *bydlo* устроило ему сотрясение мозга и сломало два ребра, Россия, а особенно Москва, ему очень понравились. Во-первых, тем, что российская столица оказалась весьма необычной и деятельной. Во-вторых, здесь он мог свободно покупать пиво и даже что покрепче. И, в-третьих, здесь проживали настолько красивые и сексуальные девчонки, что американки им в подметки не годились! Чего только стоила рыжеволосая Хелен, которая навещала его каждый день в ужасной московской больнице — и потом, пока он лежал дома у Сашки. Не говоря уж о последовавших затем совместных восхождениях — на крышу Дома музыки, Воробьевы горы, Останкинскую башню.

Саше Шевелькову досталось в драке со знакомыми Аленки гораздо крепче — он и дрался тогда больше Стива, бился, пока его не вырубил в полном беспамятстве: сломаны были челюсть и нос, кисть руки, три ребра и ключица. Все прошедшее время он провалялся в больницах, и хирургитравматологи его сшивали по кусочкам.

Его мама, Татьяна Шевелькова, пребывала последние месяцы именно там, где бывает обычно любая заботливая мама, когда ребенок тяжело болеет: билась за своего сыночка. Разговаривала с врачами, подкупала медсестер, готовила еду и доставала деньги — средств на лечение сына понадобилось много. Поэтому она не смогла принять финансового участия в выкупе — зато отчаянно, за каждый цент, торговалась с казиношником Максом и стоявшим за ним Абашидзе по кличке «дед Ираклий». Ей, правда, сделали предложение — отработать долг Черепановых в подпольном казино, однако она отказалась.

Ирина Коврова понесла наибольшую финансовую нагрузку по выкупу Кристины: как раз последний свой транш за диссертацию сына заплатил Гречишников, и она отдала Черепановым все полученные тридцать тысяч евро.

К продюсерше Постниковой приезжал лично Полуянов. С надменным лицом она почти швырнула ему конверт с двадцатью тысячами в европейской валюте.

Любовь Кирилловна Черепанова тоже в своем Малинове перехватывала денег, где только могла: кредиты, друзья, коллеги. Продали с мужем даже машину, старый «ниссан», однако больше семи тысяч трехсот не собрали.

В итоге долгих торгов Татьяна Шевелькова условилась выкупить Кристину за восемьдесят тысяч евро. Недостающие пять тысяч семьсот, тайком от Полуянова, вложила Надя.

Через неделю в дверь квартиры Черепановых на улице Второго Интернационала в городе Маглинове раздался звонок. Любовь Кирилловна бросилась открывать и вдруг увидела на пороге свою дочку, Кристину. Девочка была одета в незнакомые вещи, явно с чужого плеча, и крепко сжимала в руке свой паспорт.

— Доченька! — бросилась к ней мать.

Однако радость в квартире Черепановых длилась недолго.

Практически все время Кристина молчала. Нет, она говорила, конечно, отдельные слова, но и только. «Кушать», «в туалет», «спать» да «закрой шторы». Никакие темы не поддерживала: ни житейские, ни отвлеченные, ни на какие вопросы не отвечала. Большую часть времени неподвижно сидела, уставясь в одну точку. Причем, если ее усаживали перед телевизором, смотрела на экран таким же неподвижным взглядом, как в стену.

Кристина требовала наглухо закрывать все занавески в квартире и включать электричество. Когда ей предлагали выйти прогуляться, устраивала истерику, начинала кричать и биться. Если к ней приглашали подруг, оставалась столь же безучастной, не откликаясь ни на какие попытки ее расшевелить.

Приходила терапевт, при виде белого халата девушка опять-таки начала кричать и биться. Врачиха сказала, что очень похоже на реактивную депрессию и необходим стационар.

Черепановы отдавать девочку в больницу побаивались, опасаясь, что там среди психов она завязнет в своем молчании еще больше. Для того, чтобы пригласить частного врача, катастрофически не хватало денег. Любовь Кирилловна съездила в Москву, узнала расценки и поняла, что они это все равно не потянут. Снова обращаться за помощью к Полуянову с Надеей или

другим новым столичным знакомым ей показалось неудобно. Она все думала: как-нибудь обойдется.

Отец Кристины Игорь Геннадьевич переживал больше всех. Сначала его подкосило известие о гибели сына, за которую никто не ответил. А ведь сын был его главной гордостью, он подавал большие надежды и уже даже начал помогать оставшейся в Малинове семье материально. Следующим ударом стала непонятная болезнь дочери. Он переживал, скрипел зубами, молчал, курил. Ему так хотелось помочь — но как?!

И добила его продажа кормильца — «ниссана». Раньше-то, с машиной, он кем был? Работник, добытчик, глава семьи! А теперь? Жена вот уроков набрала, в школе пашет, а он? Сидит да курит целый день. И даже дочку расшевелить не может.

Поэтому однажды, никому не сказав, Игорь Геннадьевич уехал на электричке в Москву. Денег не было, от контролеров бегал.

Потом ездил еще несколько раз. Взял кредит в десять тысяч на неотложные нужды. Мужик он был хитрый и умный, в десанте в армии служил.

На первый раз узнал, где главная обидчица семьи работает. На второй — где живет, на чем ездит, когда домой обычно возвращается. Потом несколько дней следил, как она обычно из телецентра возвращается.

Ну и, наконец, однажды ночью — убил. Четырежды ударил Елену Постникову ножом в грудь. Так и сказал: в первый раз — за сына, второй — за дочку! И — еще по разу, чтобы уж наверняка.

Убийство продюсера с ТВ вышло преступлением резонансным, и полиция раскрыла его за две недели.

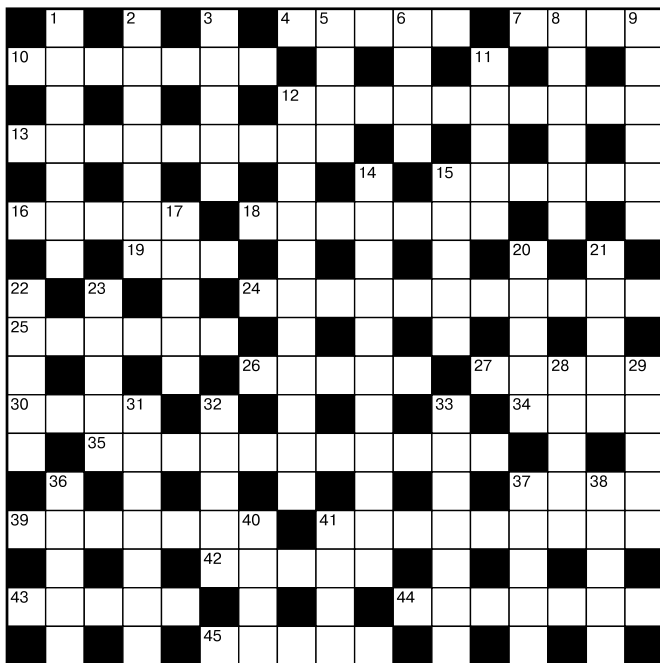
Когда за Черепановым-старшим пришли, он сидел у себя на кухне в Малинове и курил.

Кристина к приходу полиции осталась безучастной.

А Любовь Кирилловна зарыдала: «Это я во всем виновата! Это я, я ему все время говорила: мужик ты или где? Ну, сделай хоть что-нибудь!»

— Молчи, женщина, — оборвал ее муж. — Я сделал то, что должен был. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Салонное лото у американцев. **7.** «Туманный неподвижный ... безмолвный выразил укор». **10.** Зрелище, развязка в котором наступает строго по расписанию — на десятой минуте! **12.** Отец великого кинорежиссера Альфреда Хичкока по роду занятий. **13.** Пегий мерин, чью историю поведал Лев Толстой. **15.** Маргарита Терехова в мушкетерском сериале. **16.** Что ввел Петр Великий персонально для бордачей? **18.** Какое качество скрыто за крылатыми словами «В поте лица своего»? **19.** Горючее для трактора «дяди Федора» из Простоквашина.

24. «Щелкунчик» при торшере. **25.** «Закройте дверь перед всеми ошибками, и ... не сможет войти». **26.** Какую рыбу любовь людей к черной икре привела на грань вымирания? **27.** Народный танец из оперы «Сорочинская ярмарка» Модеста Мусоргского. **30.** Какая птица стала национальным символом Израиля? **34.** От чего зависит «узкая граница безопасности» при приеме лекарств? **35.** «Книжная шпаргалка» для беседы с иностранцем. **37.** Кельт для римлян. **39.** «Происки похоти». **41.** Опера Рихарда Вагнера, чьей постановкой на сцене московского Большого теа-

тра в 1940 году руководил великий кинорежиссер Сергей Эйзенштейн. **42.** В 1981 году некий рабочий Кэндзи Урада с завода Kawasaki стал первой официальной жертвой. От «чьей руки» он погиб? **43.** Время года «с сентября по ноябрь» в Австралии. **44.** Английский город, от которого идет отсчет меридианов. **45.** «Самое дикое среди всех домашних животных» для Редьярда Кипплинга.

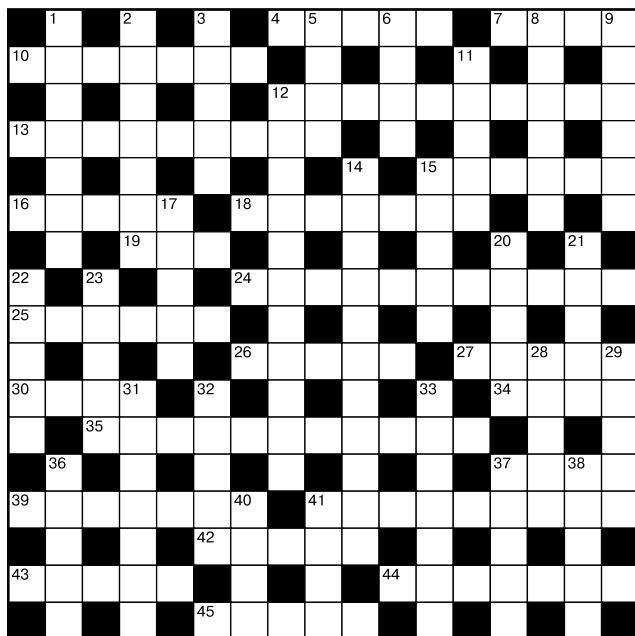
ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бегемот из мультика про Фунтика. **2.** «... умер не для того, чтобы спасти людей, а для того, чтобы научить их спасать друг друга». **3.** Какое слово с греческого переводят как «инакомыслящий»? **5.** Мифический герой, чье падение живописно запечатлел Пабло Пикассо. **6.** Что Персей похитил у старух грай, дабы они помогли ему бороться с Медузой? **8.** Один из шахматных дебютов «Сицилианская ...» **9.** «Победа над всеми, кто побеждал прежде». **11.** Что Аристотель и Пифагор рекомендовали при лечении душевных болезней и помешательства? **12.** Что порождает заб-

вение собственных прегрешений? **14.** Марксистский «могилищик буржуазии». **15.** Двадцатилетний Леонардо да ..., не найдя применения своим талантам в родной Флоренции, отправился искать счастья в Милан. **17.** Какой народ начал «великое переселение народов»? **20.** «... войск на заранее подготовленные позиции». **21.** Римскому рабу, сумевшему разбить ..., даровали свободу. **22.** «Зеленый друг» киношного киллера Леона. **23.** Ворота шлюза. **28.** Кого русский классик Лев Толстой винил в том, что «мы обжорствуем»? **29.** «... камень точит не силой, но частым падением». **31.** Подводное увлечение Андрея Макаревича. **32.** Американский хищник, «ставший» одним из самых престижных в мире автомобилей. **33.** «Настольный гольф». **36.** Кем был русский император Павел I на свадьбе Петра Багратиона? **37.** «Санитарка саванны». **38.** Какой цветок вдохновил Николая Никитина на создание Останкинской башни? **40.** «Итальянский Чарли Чаплин». **41.** «Собака лает, когда ... скрывается из виду» (восточная мудрость).

Ответы на кроссворд, опубликованный в №1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Отпор. **6.** Краков. **10.** Старт. **12.** Благовещение. **13.** Бланк. **15.** Диссидент. **17.** Зонт. **20.** Соя. **21.** Прибой. **22.** Сиг. **24.** Ферт. **26.** Кучер. **28.** Антрацит. **29.** Майами. **30.** Жор. **31.** Бок. **33.** Ангел. **34.** Фагот. **37.** Минос. **39.** Тираж. **40.** Аспирин. **41.** Пьеса. **42.** Земля. **43.** Вельвет. **44.** Тромбон. **45.** Песня. **46.** Вальс.

ПОВЕРТИКАЛИ: **1.** Штиль. **2.** Гранд. **4.** Телеса. **5.** Отгадчик. **7.** Роща. **8.** Кинооператор. **9.** Внештатник. **11.** Аванс. **14.** Кинозал. **16.** Тотем. **18.** Сплав. **19.** Биатлон. **23.** Гугол. **25.** Бизнесмен. **27.** Рабат. **30.** Женильба. **31.** Бильярд. **32.** Консоме. **35.** Гименей. **36.** Таиланд. **38.** Дизель. **43.** Вор.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Причина жуткого испуга жены Александра Герцена, сделавшего глухонемым их будущего сына. **7.** Русский поэт, на чьих похоронах Анна Ахматова узнала об аресте Николая Гумилева. **10.** Американский кинорежиссер, прославивший «крестным отцом» документального кино. **12.** Какой фильм сначала появился в среде военных, где этим словом обозначали авиабомбу? **13.** «Законов гибельный позор». **15.** Из какого материала пошли плиты статуи Свободы, когда венчали ее с памятником Колумбу? **16.** Его труды публично сожгли в нацистской Германии, после приговора «доктора

Геббельса»: «За разрушающую душу переоценку сексуальной жизни». **18.** С каким французским городком связана целая серия удивительных полотен Поля Синьяка? **19.** Закон Скоффа гласит: «На грязный ... ребенок ничего не будет разливать и рассыпать». **24.** «Восхождение на деревья». **25.** Португальский сребреник из XVI века. **26.** Ангел добра из ислама. **27.** «Те, кто сражается огнем против огня, обычно обращаются в ...» **30.** Какую обезьяну даже леопарды стороной обходят? **34.** Любимая игра Валерия Чкалова. **35.** Занятия по мимике у актеров. **37.** Классик, чья музыка занимает первую строчку по-

пулярности в фигурном катании на коньках. **39.** Исполнитель фламенко. **41.** Фарфор, чей узор рассматривают на просвет. **42.** Юлий Цезарь увеличил число его членов до девяносто, а император Август сократил на треть. **43.** Поэт в фаворитах кардинала Ришелье. **44.** «Наиглавнейший волшебник» из книг англичанина Терри Пратчетта. **45.** Незаметное для глаза течение камней по склонам горы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Наука, свой вклад в которую сделал и академик Отто Шмидт. **2.** На какой волынке англичане исполняют свои национальные песни? **3.** «Чтобы ... был положительным, вопрос должен быть сомнительным». **5.** Под каким псевдонимом Шарлотта Бронте впервые опубликовала свой роман «Джейн Эйр»? **6.** Что японцы приготовили из вина «белый журавль», служившего до того подношением богам? **8.** Внук Карла Великого, поставивший свою подпись под Верденским договором. **9.** Плащ на князе в Киевской Руси. **11.** Вулканическая сель. **12.** Как в XVIII веке отцы русской церкви называли того, кто не признавал ни

икон, ни молитв? **14.** Какой магический камень связывают с двойственностью человеческой крови — артериальной и венозной? **15.** Золотая монета, однажды найденная юным Иоганном Себастьяном Бахом в седлочной голове, выброшенной из окна трактира. **17.** Таможенная квнтанция. **20.** Любимец Диониса, превращенный в созвездие. **21.** Норвежская писательница среди лауреатов Нобелевской премии. **22.** Кто сделал посмертный портрет Михаила Лермонтова? **23.** Змей мрака у древних египтян. **28.** Подарок на память (по Владимиру Далю). **29.** Одна из дюжины лихоманок в славянских мифах. **31.** Чья дивизия первой вступила в Париж в 1944 году, освобождая его от фашистов? **32.** Праздник рождения Пресвятой Богородицы. **33.** На гербе какой страны есть и тиара епископа города Сео-де-Урхель, и графская корона графов Фуа и Беарна? **36.** Морская сажень. **37.** Ураган на филиппинский лад. **38.** Звезда мирового футбола, ни разу не попадавший в офсайд за всю свою карьеру. **40.** Состояние воздуха, причина болтанки. **41.** Партнер Пьера Ришара по кабаре.

Ответы на эрудит, опубликованный в № 1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Скука. **6.** Джесуп. **10.** Жираф. **12.** Мусоропровод. **13.** Лучок. **15.** Гелатофил. **17.** Урге. **20.** Тия. **21.** Леохар. **22.** Миг. **24.** Фено. **26.** Ложок. **28.** Ситничек. **29.** Кресло. **30.** Вок. **31.** Баг. **33.** Строй. **34.** Айова. **37.** Бакан. **39.** Тромб. **40.** Аносмия. **41.** Риччи. **42.** Ферро. **43.** Ледоруб. **44.** Блоттер. **45.** Метан. **46.** Элюар.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Гибус. **2.** Рарог. **4.** Каунас. **5.** Крокодил. **7.** Жара. **8.** Совершенство. **9.** Подземоход. **11.** Коцит. **14.** Кератин. **16.** Липок. **18.** Глясс. **19.** «Понтиак». **23.** Гобой. **25.** Фестингер. **27.** Крайт. **30.** «Воксхолл». **31.** Батияль. **32.** Гаучито. **35.** Орфелен. **36.** Амбруаз. **38.** Дитуха. **43.** Лео.

Уважаемые читатели!

С 1-го февраля ОТКРЫТА досрочная подписка на 2-е полугодие 2013 года. До 1 апреля подписка оформляется по ценам 1-го полугодия 2013 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка на 1 месяц с учетом доставки стоит 77 руб. 00 коп. Подписка на 3 месяца с учетом доставки стоит 231 руб. 00 коп. Подписка на 6 месяцев с учетом доставки стоит 462 руб. 00 коп.

КУПОН

Ф. И. О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
 Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет	40702810410150414401	
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет	30101810400000000555	
	ИНН 7714026110	КПП 771401001	
	БИК 044525555 (для юр.лиц)	Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)	
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С 1 февраля по 1 апреля 2013 года открыта **досрочная** подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2013 года по КATALOGУ ОАО Агентства «Роспечать» — «ГАЗЕТЫ. ЖУРНАЛЫ» «Спецвыпуск» через любое почтовое отделение связи.

На оформление подписки действуют цены 1-го полугодия 2013 года.

Примерный образец каталога:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
---	---	--

Вся пресса в одном месте!

PRESSA.RU

Collage of publications: BAZAAR, РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА, смена, ELLE, mariage, БЕЛОМОСТИ, Хочу ребенка, СЕКС, ПОЧТОУ.

Вы можете приобрести журнал в магазине «Библио-Глобус»

 БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Нам всем прекрасно известна картина *Василия Сурикова* «*Боярыня Морозова*» — еще далеко не старая, красивая женщина с лицом фанатички и горящими глазами поднимает вверх два перста — символ старообрядчества, за приверженность к которому и наказана ссылкой. Только оказалась *Феодосия Морозова* в цепях и санях не из-за приверженности старообрядчеству, а фактическим поводом ссылки послужила непомерная гордыня женщины, возомнившей себя выше земных царей...

Светлана **Бестужева-Лада** «Грех гордыни»

« Если о мужчинах-путешественниках и исследователях, покорявших горы и океаны и открывавших новые земли, написаны тысячи книг и сняты сотни фильмов, то из представительниц прекрасного пола мы знаем лишь одну — отважную лягушку из рассказа *Гаршина*. О женщинах-путешественницах говорится редко. Автор этого материала постаралась восполнить этот пробел и рассказать о тех, кто, наравне с мужчинами, тоже совершил немало открытий и кругосветных путешествий: *Жанна Баре*, *леди Монтегрю*, *Александра Потанина*, *Ольга Федченко* и многие другие.

Светлана **Марлинская** «Лягушки-путешественницы»

« Хрупкая, изящная, с большими красивыми глазами, она была кумиром миллионов женщин и объектом обожания миллионов мужчин во всем мире. Ей поклонялись, ей подражали, ей завидовали. Но почти никто не знал, какой ад таился в душе этой женщины, какие бури бушевали в ее жизни и, в конце концов, убили...

Денис **Логинов** «Унесенная ветром»

« Ее фотографии смотрели на прохожих из витрин всех петербургских фотоателье. На них была запечатлена стройная красавица с загадочными глазами, точеными чертами лица и пышной прической. В нее влюблялись, из-за нее пытались стреляться, топить, вешать, а она оставалась верной своему супругу и исправно рожала детей. Популярность ее в начале прошлого века переклестывала все мыслимые и немыслимые границы, солидные издательства оспаривали друг у друга честь напечатать очередной изящный томик ее стихов. Это все — *Мирра Лохвицкая*, или, как ее тогда называли, «*прекрасная русская Сафо*».

Майя **Орлова** «Русская Сафо»

« Детектив Елены **Колчак** «У страха есть глаза»